

Редакционный совет:

Н. С. БОНДАРЬ
В. А. СИВИЦКИЙ
Н. В. СТРУННИКОВА
О. С. ХОХРЯКОВА (председатель)

Главный редактор —
Н. В. Струнникова
Адрес редакции: 190000, Санкт-Петербург,
Сенатская площадь, дом 1
Телефон: 404-32-51

Номер подготовили:
И. В. Андреева
И. А. Бойцов
М. В. Бухаркина
И. А. Михайлова
Н. А. Сергеева
Н. Ю. Сильваненок
Е. В. Скалон

Художник А. Б. Бобров

Сдано в набор 12.01.2017.
Подписано в печать 09.02.2017.
Формат 70 × 108^{1/16}. Печать офсетная.
Бумага офсетная № 1. Печ. л. 8,25.
Тир. 570 экз.

Издательство «Спарк».
117630, г. Москва,
Старокалужское ш., д. 62. БЦ «Валлекс».
Тел. (495) 784-72-18.

Отпечатано в ГУП МО «Коломенская типография»,
140400, Московская область, г. Коломна,
ул. III Интернационала, д. 2а.
Тел./факс: 8(496) 618-62-87, 618-69-33.
Заказ № 344

Издательство «Спарк»

© Вестник Конституционного Суда РФ, 2017
Официальное издание

В НОМЕРЕ

Постановление по делу о проверке конституционности положений части четвертой статьи 25¹⁰ и подпункта 1 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина Республики Корея Х.
от 20 октября 2016 года № 20-П 4

Постановление по делу о проверке конституционности части 3 статьи 8 Закона Алтайского края «О регулировании отдельных лесных отношений на территории Алтайского края» в связи с жалобой гражданки Г. А. Пенкиной
от 25 октября 2016 года № 21-П 14

Постановление по делу о проверке конституционности абзаца третьего статьи 5 и пункта 5 статьи 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» в связи с жалобой гражданина Д. В. Батарагина
от 8 ноября 2016 года № 22-П 26

Постановление по делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 1 статьи 2 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» в связи с жалобой гражданина Н. Н. Марасанова
от 10 ноября 2016 года № 23-П 40

Постановление по делу о проверке конституционности пункта «б» части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Вологодского областного суда и жалобой граждан Н. В. Королева и В. В. Королевой
от 15 ноября 2016 года № 24-П 50

Постановление по делу о проверке конституционности части 4 статьи 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина Е. С. Сизикова
от 17 ноября 2016 года № 25-П 61

1'2017

Постановление по делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан

от 29 ноября 2016 года № 26-П 74

Определение об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества «Корфовский каменный карьер» на нарушение конституционных прав и свобод частью 1 статьи 7 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования»

от 6 июня 2016 года № 1169-О 91

Определение об отказе в принятии к рассмотрению жалобы акционерного общества «Авиационные редуктора и трансмиссии – Пермские моторы» на нарушение конституционных прав и свобод частью 1 статьи 7 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования»

от 6 июня 2016 года № 1170-О 97

Определение об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Трубиловой Май Георгиевны на нарушение ее конституционных прав положениями частей первой и четвертой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, части четвертой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, статьи 151 и пункта 2 статьи 1099 Гражданского кодекса Российской Федерации

от 6 июня 2016 года № 1171-О 103

Определение об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Плетнева Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав частями второй и третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

от 6 июня 2016 года № 1232-О 106

Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации

А. Н. Кокотова 109

1'2017

Определение об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Аронова Владимира Ильича на нарушение его конституционных прав пунктом 15 статьи 71 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и пунктом 10 статьи 91 Закона Ярославской области «О выборах в органы государственной власти Ярославской области и органы местного самоуправления муниципальных образований Ярославской области»

от 6 июня 2016 года № 1233-О 112

Определение об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Цветкова Алексея Анатольевича на нарушение его конституционных прав частями 1 и 2 статьи 102 Федерального закона «Об исполнительном производстве» и статьей 117 Семейного кодекса Российской Федерации

от 6 июня 2016 года № 1417-О 119

Определение по жалобе гражданина Максимова Максима Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями частей пятой, шестой и седьмой статьи 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

от 6 июня 2016 года № 1436-О 124

**20 октября
2016 года,
город Санкт-
Петербург**

№ 20-П

по делу о проверке конституционности положений части четвертой статьи 25¹⁰ и подпункта 1 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина Республики Корея Х.

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева, руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности положений части четвертой статьи 25¹⁰ и подпункта 1 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию».

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина Республики Корея Х. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Н. В. Мельникова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно части четвертой статьи 25¹⁰ Федерального закона от 15 августа 1996 года № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства, незаконно находящихся на территории Российской Федерации, либо лица, которому не разрешен въезд в Российскую Федерацию, а также в случае, если пребывание (проживание) иностранного гражданина или лица без гражданства, законно находящихся в Российской Федерации, создает реальную угрозу обороноспособности или безопасности государства, либо общественному порядку, либо здоровью населения, в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, прав и законных интересов других лиц может быть принято решение о нежелательности пребывания (проживания) данного иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных абзацем вторым пункта 3 статьи 11 Федерального закона от 30 марта 1995 года № 38-ФЗ «О предупреждении распространения в Российской Фе-

дерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)»; порядок принятия решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации и перечень федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных принимать такие решения, устанавливаются Правительством Российской Федерации.

Подпункт 1 части первой статьи 27 того же Федерального закона предусматривает, что въезд в Российскую Федерацию иностранному гражданину или лицу без гражданства не разрешается в случае, если это необходимо в целях обеспечения обороноспособности или безопасности государства, либо общественного порядка, либо защиты здоровья населения, за исключением случаев, предусмотренных абзацем вторым пункта 3 статьи 11 Федерального закона «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)».

Как следует из жалобы и приложенных к ней материалов, у заявителя по настоящему делу гражданина Республики Корея Х. в период его нахождения на территории Российской Федерации было выявлено заболевание — инфильтративный туберкулез легких. В ходе лечения, которое началось непосредственно после обнаружения заболевания, заявителю была предложена ампутация легкого. Поскольку методы лечения, используемые в клиниках Республики Корея, позволяют при подобном диагнозе избежать хирургического вмешательства, он отказался от лечения в Российской Федерации и выехал в Республику Корея, где начиная с октября 2014 года проходил курс интенсивной противотуберкулезной терапии, в том числе месяц лечения в стационаре. Согласно медицинскому заключению, выданному 5 января 2015 года клиникой, в которой проводилось лечение, состояние здоровья Х. признано удовлетворительным, позволяющим вести обычный образ жизни и опасности для окружающих не представляющим.

После получения медицинского заключения Х. обратился в Тверской районный суд города Москвы с заявлением об отмене принятого 27 ноября 2014 года (в период прохождения им лечения в Республике Корея) Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека решения о нежелательности его пребывания (проживания) в Российской Федерации в связи с выявлением у него инфильтративного туберкулеза, отнесенного к инфекционным заболеваниям, представляющим опасность для окружающих. Суд не согласился с доводами представителя Х., ссылавшегося на то, что от заболевания, послужившего основанием для вынесения этого решения, заявитель излечился и более источником инфекции не является, и не принял во внимание представленные им медицинские документы. Отказывая решением от 8 июля 2015 года в удовлетворении заявленных требований, суд исходил из того, что документы, которые могли бы подтвердить правовые основания для отложения обжалуемого решения, заявителем представлены не были и порядок его принятия уполномоченным органом соблюден. Оставляя решение суда первой инстанции без изменения, судебная коллегия по административным делам Московского городского суда в апелляционном определении от 28 октября 2015 года также отметила, что выздоровление иностранного гражданина не указывает на незаконность принятия решения о нежелательности его пребывания (проживания) в Российской Федерации.

Нарушение оспариваемыми законоположениями своих прав, гарантированных статьями 19 (части 1 и 2), 45, 46 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, заявитель усматривает в том, что они позволяют правоприменительным органам при принятии решения о нежелатель-

ности пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранного гражданина, у которого было выявлено такое инфекционное заболевание, как инфильтративный туберкулез, устанавливать бессрочный запрет на въезд данного иностранного гражданина в Российскую Федерацию вне зависимости от факта последующего излечения от этого заболевания.

Таким образом, с учетом требований статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» положения части четвертой статьи 25¹⁰ и подпункта 1 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в их взаимосвязи являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу в той части, в какой на их основании принимается решение о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства в связи с наличием у него инфекционного заболевания, представляющего опасность для окружающих.

2. Конституция Российской Федерации, признавая и гарантируя права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права (статья 17, часть 1), устанавливает, что иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации (статья 62, часть 3). По смыслу названных положений Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьей 17 (часть 3), в силу которой осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц, а также с другими ее положениями, касающимися прав и свобод человека и гражданина, речь идет о случаях, устанавливаемых лишь применительно к таким правам и обязанностям, которые являются правами и обязанностями именно гражданина Российской Федерации, т. е. возникают и осуществляют в силу особой связи между государством и его гражданами (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 1998 года № 6-П).

Соответственно, в России иностранным гражданам и лицам без гражданства гарантируются без какой бы то ни было дискриминации права и свободы человека и гражданина, в том числе право на охрану достоинства личности, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, а также право на судебную защиту (статья 19, часть 2; статья 21, часть 1; статья 23, часть 1; статьи 45 и 46 Конституции Российской Федерации). Вместе с тем, предусматривая право каждого на свободный выезд за пределы Российской Федерации, Конституция Российской Федерации признает право на беспрепятственный в нее въезд только за российскими гражданами (статья 27, часть 2), а право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства на территории Российской Федерации гарантирует только тем, кто законно на ней находится (статья 27, часть 1).

Приведенные конституционные положения соотносятся с требованиями Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в том числе ее статьи 8, провозглашающей право каждого на уважение его частной и семейной жизни, а также с пунктом 1 статьи 2 Декларации о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают (принята Генеральной Ассамблеей ООН 13 декабря 1985 года), закрепляющим, что ее нормы не должны толковаться как ограничивающие право государства принимать законы и правила, касающиеся въезда иностранцев и условий их пребывания, или устанавливать различия между его граждана-

ми и иностранцами и как узаконивающие незаконное проникновение иностранца в государство или его присутствие в государстве.

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, при определении условий реализации фундаментальных прав федеральный законодатель должен, исходя из принципа равенства и вытекающих из него критериев разумности, необходимости и соразмерности, обеспечивать баланс конституционных ценностей, а также прав и законных интересов участников конкретных правоотношений (постановления от 18 февраля 2000 года № 3-П, от 14 ноября 2005 года № 10-П, от 26 декабря 2005 года № 14-П, от 16 июля 2008 года № 9-П, от 7 июня 2012 года № 14-П, от 12 марта 2015 года № 4-П и др.). К числу таких конституционно значимых ценностей, составляющих наряду с другими факторами основу национальной безопасности, относится здоровье как неотъемлемое и неотчуждаемое благо, принадлежащее человеку от рождения и охраняемое государством (статья 7, часть 2; статья 17, часть 2; статья 41 Конституции Российской Федерации), что обязывает федерального законодателя принимать все меры, направленные на его защиту.

Осуществляя соответствующее правовое регулирование, предполагающее, по смыслу статей 17 (часть 3), 19, 55 (части 2 и 3) и 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации, возможность разумного и соразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина при справедливом соотношении публичных и частных интересов, без умаления этих прав и свобод, федеральный законодатель обязан любое свое решение основывать на оценке данных, характеризующих существенные признаки того или иного предмета регулирования (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 марта 2015 года № 4-П). Это требование применимо и к условиям предоставления иностранным гражданам и лицам без гражданства возможности въезда в Российскую Федерацию, пребывания и проживания на ее территории, которые могут относиться, в частности, к состоянию здоровья таких лиц и соблюдение которых имеет целью предотвращение угрозы здоровью населения.

Такой подход не вступает в противоречие с предписаниями Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, обязывающего государство гарантировать осуществление признаваемых в нем прав без какой-либо дискриминации по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения или иных обстоятельств (пункт 2 статьи 2), к числу которых Комитет по экономическим, социальным и культурным правам — орган Организации Объединенных Наций, осуществляющий надзор за соблюдением данного Пакта, относит состояние здоровья (Замечание общего порядка № 20 (2009)).

3. Действующее российское законодательство предусматривает возможность признания пребывания или проживания в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства нежелательным (что влечет за собой обязанность такого лица выехать из Российской Федерации), а также отказ во въезде в Российскую Федерацию иностранному гражданину или лицу без гражданства, в том числе в связи с признанием ранее нежелательности его пребывания (проживания) в Российской Федерации.

В частности, решение о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации может быть принято, как следует из статьи 25¹⁰ Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», в отношении законно находящегося на территории Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства в случае, если

его пребывание (проживание) в Российской Федерации создает реальную угрозу здоровью населения.

3.1. Во исполнение предписания части четвертой статьи 25¹⁰ Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» постановлением Правительства Российской Федерации от 7 апреля 2003 года № 199 утверждены Положение о принятии решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации и Перечень федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных принимать решение о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации, в который включена Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор).

Согласно данному Положению в случае выявления предусмотренных Федеральным законом «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» обстоятельств, являющихся основанием для принятия решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации, территориальные органы (подразделения) уполномоченных федеральных органов исполнительной власти представляют в соответствующий уполномоченный федеральный орган исполнительной власти материалы, подтверждающие указанные обстоятельства; порядок представления материалов и их рассмотрения определяется нормативными правовыми актами уполномоченных федеральных органов исполнительной власти (пункт 3).

Таким нормативным правовым актом в системе Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека является Инструкция о порядке подготовки, представления и рассмотрения материалов по принятию решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации (утверждена приказом Роспотребнадзора от 14 сентября 2010 года № 336). Как следует из ее пункта 3.3, при подготовке проекта решения Роспотребнадзор руководствуется приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 29 июня 2015 года № 384н «Об утверждении перечня инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих и являющихся основанием для отказа в выдаче либо аннулирования разрешения на временное проживание иностранных граждан и лиц без гражданства, или вида на жительство, или патента, или разрешения на работу в Российской Федерации, а также порядка подтверждения их наличия или отсутствия, а также формы медицинского заключения о наличии (об отсутствии) указанных заболеваний» (на момент рассмотрения дела заявителя соответствующий перечень был утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 2 апреля 2003 года № 188 «О перечне инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих и являющихся основанием для отказа в выдаче либо аннулирования разрешения на временное проживание иностранным гражданам и лицам без гражданства, или вида на жительство, или разрешения на работу в Российской Федерации»).

В перечень инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих, приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 29 июня 2015 года № 384н включен, в частности, туберкулез, определяемый Федеральным законом от 18 июня 2001 года № 77-ФЗ «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации» как инфекционное заболевание, вызываемое микобактериями туберкулеза (статья 1), подтверждение наличия или отсутствия которого у иностранного граж-

данина или лица без гражданства осуществляется в рамках медицинского освидетельствования, проводимого в строго установленном порядке. Принятие в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства, страдающего таким инфекционным заболеванием в активной форме, решения о нежелательности его пребывания (проживания) в Российской Федерации, как создающего угрозу здоровью населения, можно признать объективно оправданным, обоснованным и преследующим конституционно значимые цели.

3.2. В соответствии с процедурой, определенной Инструкцией о порядке подготовки, представления и рассмотрения в системе Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека материалов по принятию решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации, при выявлении у иностранного гражданина или лица без гражданства инфекционного заболевания, представляющего опасность для окружающих, управление Роспотребнадзора по субъекту Российской Федерации готовит материалы, документально подтверждающие основания, указанные в статье 25¹⁰ Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» и относящиеся к компетенции Роспотребнадзора, и проект решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации; документами, подтверждающими заболевание, являются медицинские справки (иные документы), выданные организациями здравоохранения или лечебно-профилактическими учреждениями, проводящими медицинское освидетельствование, которые рассматриваются в виде оригиналов либо их копий, заверенных уполномоченными лицами организаций здравоохранения либо лечебно-профилактических учреждений, выдавшими данные документы (пункт 3.3).

Принятие решения о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства переносится на время проведения лечения в случае представления им договора с медицинским учреждением о проведении лечения до выздоровления (применительно к туберкулезу — до абациллирования) и финансовых документов, подтверждающих оплату лечения, либо иных документов, гарантирующих проведение лечения до выздоровления (абациллирования), или в случае, если реализуются государственные, региональные, муниципальные и иные программы, в соответствии с которыми иностранный гражданин или лицо без гражданства может и обязуется пройти курс лечения до выздоровления (абациллирования); в случае последующего отказа или уклонения от лечения, нарушения порядка лечения либо иной невозможности проведения лечения в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства управлением Роспотребнадзора по субъекту Российской Федерации в порядке, указанном в пункте 6 Инструкции, должны быть подготовлены и направлены в Роспотребнадзор проект решения о нежелательности пребывания (проживания) данного иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации и иные материалы, к которым прилагаются документы, подтверждающие факты отказа от лечения, уклонения, нарушения порядка лечения или иной невозможности лечения (пункты 4 и 5 Инструкции).

Поскольку в Инструкции не предусматривается возможность отложения принятия решения о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства, отказавшегося от лечения в Российской Федерации в связи с намерением пройти лечение за ее пределами, такой отказ может расцениваться право-

применительными органами как основание для признания пребывания (проживания) данного иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации нежелательным (как это имело место в отношении заявителя по настоящему делу).

3.3. Ни федеральные законы, ни иные нормативные правовые акты, регламентирующие порядок принятия Роспотребнадзором решения о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства в связи с выявлением у него инфекционного заболевания, представляющего опасность для окружающих, не допускают возможность отмены либо пересмотра такого решения во внесудебном порядке, например вследствие того, что отпали основания для его принятия (неправильное диагностирование, излечение и т. д.).

При этом решение о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства принимается уполномоченным органом исполнительной власти без определения срока действия соответствующего запрета, — уведомление о состоявшемся решении, которое получает иностранный гражданин или лицо без гражданства, содержит лишь указание на срок, в рамках которого они должны покинуть территорию Российской Федерации и по истечении которого они подлежат депортации. Единственно возможный способ отменить решение Роспотребнадзора — оспорить его в порядке главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации. Однако суд, рассматривая соответствующее административное исковое заявление, исходит, как правило, лишь из необходимости соблюдения Роспотребнадзором формальных требований и принимает во внимание только те обстоятельства, которые имели место на момент принятия оспариваемого решения, не оценивая обстоятельства, которые на тот момент не существовали.

Если решение о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства не было им обжаловано или было признано судом законным и обоснованным, оно приобретает бессрочный характер, — въезд в Российскую Федерацию иностранного гражданина или лица без гражданства, в отношении которого принято это решение, не допускается ни при каких обстоятельствах даже на непродолжительное время (части восьмая и девятая статьи 25¹⁰ Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»).

Между тем ряд представляющих опасность для окружающих инфекционных заболеваний, такие как туберкулез, лепра (болезнь Гансена) и сифилис, входящие в Перечень, утвержденный приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 29 июня 2015 года № 384н, являются — при современном уровне развития медицины — излечимыми. Из излечимости туберкулеза исходит и утвержденная приказом Роспотребнадзора от 14 сентября 2010 года № 336 Инструкция, не предполагающая принятие решения о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства, прошедшего соответствующее лечение в Российской Федерации. Установление факта излечения от туберкулеза, как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, может стать основанием для отмены решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина на территории Российской Федерации и получения им разрешения на въезд в Российскую Федерацию (определения от 23 июня 2015 года № 1297-О и от 29 сентября 2015 года № 1848-О).

Что касается иностранных граждан и лиц без гражданства, отказавшихся проходить лечение в Российской Федерации и выехавших для прохожде-

ния лечения за ее пределы, то они — в силу образующих единый нормативный комплекс положений статьи 25¹⁰ и подпункта 1 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», постановления Правительства Российской Федерации от 7 апреля 2003 года № 199 и Инструкции, утвержденной приказом Роспотребнадзора от 14 сентября 2010 года № 336, — в дальнейшем, при излечении, все равно остаются лишены права на въезд в Российскую Федерацию. В системе действующего на сегодняшний день правового регулирования не предусмотрен механизм, который позволил бы им въехать в Российскую Федерацию для проведения медицинского освидетельствования и в случае установления факта излечения рассчитывать на отмену решения о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации либо направить в уполномоченный орган исполнительной власти медицинские документы, подтверждающие факт излечения, которые могли бы послужить основанием для пересмотра их статуса как нежелательных для въезда в Российскую Федерацию.

4. Отсутствие на законодательном уровне возможности отмены решения о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства, страдающего инфекционным заболеванием, которое представляет опасность для окружающих, и выехавшего для лечения за пределы Российской Федерации, в случае документально подтвержденного факта его излечения от такого заболевания в другом государстве создает непреодолимые препятствия для его въезда в Российскую Федерацию. Тем самым нарушаются требования справедливости и соразмерности, соблюдение которых необходимо при осуществлении правового регулирования в этой сфере, что, в свою очередь, приводит к необоснованным и непропорциональным ограничениям гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина.

Кроме того, лишение иностранных граждан и лиц без гражданства, излечившихся от инфекционного заболевания, представляющего опасность для окружающих, за пределами Российской Федерации и представивших соответствующие медицинские документы, — в отличие от иностранных граждан и лиц без гражданства, получивших необходимое лечение в Российской Федерации, — права на въезд в Российскую Федерацию и проживание на ее территории означает установление необоснованных различий в условиях реализации такими лицами своих прав исключительно в зависимости от местонахождения медицинского учреждения, в котором они проходили лечение (на территории Российской Федерации или за ее пределами). Тем самым нарушается конституционный принцип равенства, означающий, помимо прочего, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, обеспечение равных условий для реализации лицами, относящимися к одной и той же категории (в данном случае — иностранными гражданами и лицами без гражданства, у которых было диагностировано инфекционное заболевание, представляющее опасность для окружающих, и которые впоследствии от него излечились), своих прав и свобод. Такого рода различия не имеют объективного и разумного оправдания, а обусловленные ими ограничения не могут быть признаны соразмерными и адекватными конституционно значимым целям.

Таким образом, положения части четвертой статьи 25¹⁰ и подпункта 1 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» не соответствуют Конституции Российской Федерации, ее статьям 17, 19 (части 1 и 2), 45, 46 (части 1 и 2), 55 (часть 3) и 62 (часть 3), в той мере, в какой в системе правового регулирования отношений по поводу принятия решения о неже-

лательности пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства в связи с наличием у него инфекционного заболевания, представляющего опасность для окружающих, эти положения создают непреодолимые препятствия для въезда такого иностранного гражданина или лица без гражданства в Российскую Федерацию — вне зависимости от факта его последующего документально подтвержденного излечения от данного инфекционного заболевания.

Федеральному законодателю надлежит — руководствуясь требованиями Конституции Российской Федерации и основанными на них правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, выраженными в настоящем Постановлении, — внести необходимые изменения в действующее правовое регулирование, в том числе предусмотреть порядок приостановления принятия или условного действия решения о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства, страдающего инфекционным заболеванием, представляющим опасность для окружающих, в случае его отказа проходить лечение в Российской Федерации и выезда с этой целью в другое государство, равно как и порядок отмены такого решения в случае подтверждения факта излечения иностранного гражданина или лица без гражданства, прошедшего лечение в другом государстве, а также порядок подтверждения данного факта.

Впредь до внесения в правовое регулирование соответствующих отношений надлежащих изменений, вытекающих из настоящего Постановления, суд вправе отменить решение о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства, принятое в связи с выявлением у него инфекционного заболевания, представляющего опасность для окружающих, в случае документального подтверждения факта его излечения от данного заболевания и медицинского освидетельствования в Российской Федерации, для прохождения которого такому иностранному гражданину или лицу без гражданства должна быть предоставлена возможность въехать на территорию Российской Федерации.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 80 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать положения части четвертой статьи 25¹⁰ и подпункта 1 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они направлены на защиту здоровья как конституционно значимой ценности и в этих целях предусматривают возможность принятия в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства, у которого обнаружено инфекционное заболевание, представляющее опасность для окружающих, решения о нежелательности его пребывания (проживания) в Российской Федерации в случае отказа либо уклонения такого иностранного гражданина или лица без гражданства от лечения, а также нарушения им установленного порядка лечения, влекущих возникновение реальной угрозы для здоровья населения.

2. Признать положения части четвертой статьи 25¹⁰ и подпункта 1 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» не соответствующими Кон-

ституции Российской Федерации, ее статьям 17, 19 (части 1 и 2), 45, 46 (части 1 и 2), 55 (часть 3) и 62 (часть 3), в той мере, в какой в системе правового регулирования отношений по поводу принятия решения о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства в связи с наличием у него инфекционного заболевания, представляющего опасность для окружающих, эти положения создают непреодолимые препятствия для въезда такого иностранного гражданина или лица без гражданства в Российскую Федерацию — вне зависимости от факта его последующего документально подтвержденного излечения от данного инфекционного заболевания.

3. Федеральному законодателю надлежит — руководствуясь требованиями Конституции Российской Федерации и основанными на них правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, выраженными в настоящем Постановлении, — внести необходимые изменения в порядок принятия решения о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства, страдающего инфекционным заболеванием, представляющим опасность для окружающих, в случае его выезда на лечение за пределы Российской Федерации, а также определить порядок отмены такого решения при подтверждении факта излечения иностранного гражданина или лица без гражданства от соответствующего инфекционного заболевания.

Впредь до внесения в правовое регулирование соответствующих отношений надлежащих изменений, вытекающих из настоящего Постановления, суд вправе отменить решение о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства, принятое в связи с выявлением у него инфекционного заболевания, представляющего опасность для окружающих, в случае документального подтверждения факта его излечения от данного заболевания и медицинского освидетельствования в Российской Федерации, для прохождения которого такому иностранному гражданину или лицу без гражданства должна быть предоставлена возможность въехать на территорию Российской Федерации.

4. Правоприменительные решения, принятые по делу гражданина Республики Корея Х. на основании положений части четвертой статьи 25¹⁰ и подпункта 1 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в той мере, в какой они признаны настоящим Постановлением не соответствующими Конституции Российской Федерации, подлежат пересмотру в установленном порядке.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

**25 октября
2016 года,
город Санкт-
Петербург**

№ 21-П

по делу о проверке конституционности части 3 статьи 8 Закона Алтайского края «О регулировании отдельных лесных отношений на территории Алтайского края» в связи с жалобой гражданки Г. А. Пенкиной

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева, руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности части 3 статьи 8 Закона Алтайского края «О регулировании отдельных лесных отношений на территории Алтайского края».

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданки Г. А. Пенкиной. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем положения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Л. М. Жарковой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно части 3 статьи 8 Закона Алтайского края от 10 сентября 2007 года № 87-ЗС «О регулировании отдельных лесных отношений на территории Алтайского края» гражданами, испытывающими потребность в древесине для индивидуального жилищного строительства, являются:

граждане, принятые органами местного самоуправления на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях в соответствии с Жилищным кодексом Российской Федерации и Законом Алтайского края от 9 декабря 2005 года № 115-ЗС «О порядке ведения органами местного самоуправления учета граждан в качестве нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма»;

граждане, снятые с учета в качестве нуждающихся в жилых помещениях в связи с получением в установленном порядке от органа государственной власти или органа местного самоуправления бюджетных средств на строительство жилого помещения, но не реализовавшие своего права на строительство жилого помещения;

граждане, снятые с учета в качестве нуждающихся в жилых помещениях в связи с получением в установленном порядке от органа государственной власти или органа местного самоуправления земельного участка для строительства жилого дома, но не реализовавшие своего права на строительство жилого дома.

Оспаривающая конституционность названных законоположений гражданка Г. А. Пенкина является собственницей земельного участка площадью 764 кв. м, расположенного на территории Железнодорожного района города Барнаула Алтайского края. 26 сентября 2014 года она получила разрешение на строительство на этом земельном участке одноэтажного индивидуального жилого дома общей площадью 54 кв. м, а в июле 2015 года обратилась в выдавшую разрешение администрацию Железнодорожного района города Барнаула с заявлением о постановке на учет в качестве испытывающей потребность в древесине для собственных нужд.

Постановлением администрации Железнодорожного района города Барнаула от 28 августа 2015 года в удовлетворении данного заявления Г. А. Пенкиной было отказано на том основании, что она не отвечает условиям для постановки на учет граждан, испытывающих потребность в древесине в целях строительства индивидуального жилого дома, которые установлены пунктом 4 Порядка ведения учета граждан, испытывающих потребность в древесине для собственных нужд (утвержден постановлением администрации города Барнаула от 27 декабря 2007 года № 4174), воспроизводящим часть 3 статьи 8 Закона Алтайского края «О регулировании отдельных лесных отношений на территории Алтайского края». Со ссылкой на ту же норму названного Закона Алтайского края Железнодорожный районный суд города Барнаула решением от 14 января 2016 года (оставлено без изменения определением судебной коллегии по гражданским делам Алтайского краевого суда от 22 марта 2016 года) отказал Г. А. Пенкиной в удовлетворении искового заявления о признании за ней права на постановку на учет в качестве нуждающейся в древесине для собственных нужд.

Нарушение оспариваемыми законоположениями своих прав, гарантированных статьями 6, 9, 18, 19, 55, 76 и 132 Конституции Российской Федерации, заявительница усматривает в том, что они ограничивают право граждан, проживающих в Алтайском крае и не состоящих (или не состоявших) на учете в органах местного самоуправления в качестве нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма, на заготовку древесины для возведения строений (статья 30 Лесного кодекса Российской Федерации) и ставят их в неравное положение с гражданами, проживающими в других субъектах Российской Федерации, где подобное регулирование отсутствует.

Таким образом, с учетом требований статей 3, 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», конкретизирующих статью 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, часть 3 статьи 8 Закона Алтайского края «О регулировании отдельных лесных отношений на территории Алтайского края» является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку ею определяются – в рамках реализации Алтайским краем полномочий по установлению порядка и нормативов заготовки гражданами древесины для собственных нужд на территории Алтайского края – основания для постановки граждан на учет как испытывающих потребность в древесине для индивидуального жилищного строительства.

2. Согласно Конституции Российской Федерации земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории; земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности (статья 9); вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами, разграничение государствен-

ной собственности, природопользование, жилищное, земельное, лесное законодательство, законодательство об охране окружающей среды находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов (статья 72, пункты «в», «г», «д», «к» части 1).

В силу названных положений Конституции Российской Федерации народам, проживающим на территории того или иного субъекта Российской Федерации, должны быть гарантированы охрана и использование земли и других природных ресурсов, в том числе лесов, как естественного богатства, ценности (достояния) всенародного значения; в свою очередь, федеральный законодатель, определяя правовые основы государственной политики в области охраны окружающей среды, должен исходить из необходимости решения социально-экономических задач, сохранения благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов в целях укрепления правопорядка в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2000 года № 10-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года № 92-О, от 21 декабря 2011 года № 1743-О-О и др.).

Лесной фонд — ввиду его жизненно важной многофункциональной роли и значимости для общества в целом, требований сбалансированного развития экономики и улучшения состояния окружающей природной среды в условиях возрастания глобального экологического значения лесов России и необходимости рационального использования этого природного ресурса в интересах Российской Федерации и ее субъектов, граждан, имеющих право на благоприятную окружающую среду (статья 42 Конституции Российской Федерации), — представляет собой публичное достояние многонационального народа России, является как таковой федеральной собственностью особого рода и имеет специальный правовой режим; осуществляемые же в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов как сфере совместного ведения полномочия Российской Федерации и ее субъектов распределены Лесным кодексом Российской Федерации на основе Конституции Российской Федерации таким образом, чтобы при принятии соответствующих решений обеспечивались учет и согласование интересов Российской Федерации и ее субъектов (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 9 января 1998 года № 1-П и от 7 июня 2000 года № 10-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года № 92-О и от 3 февраля 2010 года № 238-О-О).

По смыслу приведенных конституционных положений и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, рассматриваемых во взаимосвязи с провозглашенной в преамбуле Конституции Российской Федерации целью обеспечения благополучия и процветания России исходя из ответственности перед нынешним и будущими поколениями и во исполнение конституционной обязанности каждого сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам (статья 58 Конституции Российской Федерации), правовое регулирование отношений, связанных с использованием лесных ресурсов, основывается на принципе приоритета публичных интересов и предполагает, в частности, обеспечение сохранности лесного фонда, его рациональное использование и эффективное воспроизводство, ответственность субъектов хозяйственной деятельности, связанной с использованием лесов, за соблюдение установленного лесным законодательством правопорядка и их публичные обязательства по восполнению части лесного фонда, утраченной в результате хозяйственной деятельности (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 2015 года № 5-О).

При этом федеральный законодатель вправе вводить – с учетом целей федеральной политики в области экономического, экологического и социального развития Российской Федерации, установление основ которой отнесено к ведению Российской Федерации (статья 71, пункт «е», Конституции Российской Федерации), – льготный порядок пользования лесными ресурсами для поддержки тех или иных категорий граждан или отраслей национальной экономики, если такие меры необходимы и пропорциональны значимости тех интересов, для обеспечения которых они вводятся, что не снимает с государства конституционную ответственность за сохранение природы и не освобождает от обязанностей осуществлять эффективный контроль в данной сфере общественных отношений, препятствовать причинению избыточного вреда окружающей среде в результате лесопользования и минимизировать экологические риски (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 3 февраля 2010 года № 238-О-О).

3. Конституция Российской Федерации, провозглашая Российскую Федерацию социальным правовым государством, в котором гарантируется равенство прав и свобод человека и гражданина и политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (статья 1, часть 1; статья 7, часть 1; статья 18; статья 19, части 1 и 2), предопределяет тем самым обязанность государства заботиться о благополучии своих граждан, их социальной защищенности (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 декабря 1997 года № 20-П; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 февраля 2005 года № 17-О и др.). Конституционные начала взаимоотношений личности, общества и государства в социальной сфере распространяются и на отношения, связанные с осуществлением права на жилище, которое получило в том числе международно-правовое признание в качестве одного из необходимых условий гарантирования права на достойный жизненный уровень (статья 25 Всеобщей декларации прав человека, статья 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах).

Соответственно, Конституция Российской Федерации, закрепляя в статье 40 (часть 1) право каждого на жилище, одновременно возлагает на органы государственной власти и органы местного самоуправления обязанность по созданию условий для осуществления данного права (статья 40, часть 2) и устанавливает, что малоимущим, иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами (статья 40, часть 3). Реализуя в данной сфере совместного ведения свои дискреционные полномочия по определению категорий граждан, нуждающихся в жилище, а также конкретных форм, источников и порядка обеспечения их жильем с учетом реальных финансово-экономических и иных возможностей, имеющихся у государства, федеральный законодатель в Жилищном кодексе Российской Федерации предусмотрел институт социального найма жилых помещений, суть которого состоит в предоставлении из государственных и муниципальных фондов жилых помещений во владение и пользование малоимущим гражданам, нуждающимся в жилье (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 3 ноября 2009 года № 1368-О-О и от 1 декабря 2009 года № 1548-О-О).

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации (определения от 9 апреля 2002 года № 123-О, от 4 марта 2004 года № 80-О, от 15 июля 2010 года № 955-О-О, от 25 ноября 2010 года № 1543-О-О и др.), осуществление права на жилище может быть обусловлено опре-

деленными требованиями, закрепленными в актах жилищного законодательства, что в полной мере относится и к закрепленным в статье 49 Жилищного кодекса Российской Федерации условиям реализации гражданского права на предоставление жилого помещения по договору социального найма из государственного или муниципального жилищного фонда: малоимущим гражданам, признанным по установленным данным Кодексом основаниям нуждающимися в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма, жилые помещения муниципального жилищного фонда по договорам социального найма предоставляются в установленном Кодексом порядке; при этом малоимущими гражданами в целях данного Кодекса являются граждане, если они признаны таковыми органом местного самоуправления в порядке, установленном законом соответствующего субъекта Российской Федерации, с учетом дохода, приходящегося на каждого члена семьи, и стоимости имущества, находящегося в собственности членов семьи и подлежащего налогообложению (часть 2); жилые помещения жилищного фонда Российской Федерации или жилищного фонда субъекта Российской Федерации по договорам социального найма предоставляются иным определенным федеральным законом, указом Президента Российской Федерации или законом субъекта Российской Федерации категориям граждан, признанных по установленным данным Кодексом и (или) федеральным законом, указом Президента Российской Федерации или законом субъекта Российской Федерации основаниям нуждающимися в жилых помещениях; данные жилые помещения предоставляются в установленном данным Кодексом порядке, если иной порядок не предусмотрен указанным федеральным законом, указом Президента Российской Федерации или законом субъекта Российской Федерации (часть 3). Согласно статье 52 Жилищного кодекса Российской Федерации состоять на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях имеют право указанные в статье 49 данного Кодекса категории граждан, которые могут быть признаны нуждающимися в жилых помещениях; если гражданин имеет право состоять на указанном учете по нескольким основаниям (как малоимущий гражданин и как относящийся к определенной федеральным законом, указом Президента Российской Федерации или законом субъекта Российской Федерации категории), по своему выбору такой гражданин может быть принят на учет по одному из этих оснований или по всем основаниям (часть 2).

Приведенное законодательное регулирование согласуется со статьей 40 (часть 3) Конституции Российской Федерации, которая обязывает государство обеспечить дополнительные гарантии жилищных прав путем предоставления жилища бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами не любым, а только малоимущим и иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 5 марта 2009 года № 376-О-П, от 3 ноября 2009 года № 1368-О-О, от 23 марта 2010 года № 331-О-О и др.).

Вместе с тем — поскольку в условиях рыночной экономики граждане обеспечивают реализацию своих жилищных прав в основном самостоятельно, используя для этого различные допускаемые законом способы, — государство, исходя из предписаний статьи 40 (часть 2) Конституции Российской Федерации, должно способствовать им в строительстве жилья собственными силами, в том числе путем предоставления возможности заготовки древесины для индивидуального жилищного строительства. Устанавливая соответствующее регулирование, законодатель должен руководствоваться конституционным принципом равенства, который, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, носит универсаль-

ный характер, оказывает регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений и выступает конституционным критерием оценки законодательного регулирования не только прав и свобод, закрепленных непосредственно в Конституции Российской Федерации, но и прав, приобретаемых на основании закона; соблюдение данного принципа, гарантирующего защиту от всех форм дискриминации при осуществлении прав и свобод, означает, помимо прочего, запрет вводить такие различия в правах лиц, принадлежащих к одной и той же категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания; при равных условиях субъекты права должны находиться в равном положении; если же условия не являются равными, законодатель вправе устанавливать для них различный правовой статус; в то же время конституционный принцип равенства, предполагающий равный подход к формально равным субъектам, не обуславливает необходимость предоставления одинаковых гарантий лицам, относящимся к разным категориям, а равенство перед законом и судом не исключает фактических различий и необходимость их учета законодателем; при этом различия в условиях приобретения и реализации отдельными категориями граждан того или иного права не должны устанавливаться произвольно: как следует из Конституции Российской Федерации, в том числе ее статьи 55 (часть 3), такие различия допустимы, если объективно оправданны, обоснованы и преследуют конституционно значимые цели, а используемые для достижения этих целей правовые средства соразмерны им (постановления от 16 июня 2006 года № 7-П, от 5 апреля 2007 года № 5-П, от 16 июля 2007 года № 12-П, от 25 марта 2008 года № 6-П, от 26 февраля 2010 года № 4-П и др.).

4. Согласно статье 76 Конституции Российской Федерации по предметам совместного ведения издаются федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации (часть 2); законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации не могут противоречить федеральным законам, принятым по предметам совместного ведения (часть 5).

4.1. Лесной кодекс Российской Федерации как федеральный закон, принятый в рамках совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, будучи нормативным правовым актом общего действия, определяет права и обязанности участников соответствующих правоотношений (в данном случае – лесных), в том числе полномочия органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляя тем самым их разграничение.

Согласно данному Кодексу леса располагаются на землях лесного фонда и землях иных категорий (часть 1 статьи 6); при этом лесные участки в составе земель лесного фонда находятся в федеральной собственности, а формы собственности на лесные участки в составе земель иных категорий подлежат определению в соответствии с земельным законодательством (статья 8). Следовательно, такие лесные участки могут находиться также в собственности других, помимо Российской Федерации, участников лесных отношений – субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, граждан и юридических лиц.

Статья 25 Лесного кодекса Российской Федерации, устанавливая виды использования лесов, не определяет их перечень исчерпывающим образом (часть 1) и допускает использование лесов для одной или нескольких целей, предусмотренных ее частью 1, в том числе для заготовки древесины, если иное не установлено данным Кодексом, другими федеральными законами (часть 2). Заготовка древесины, в свою очередь, может осуществляться либо в качестве предпринимательской деятельности, регулируемой статьями 29 и 29¹ Лесного кодекса Российской Федерации, либо в соответствии с его

статьей 30 – гражданами для целей отопления, возведения строений и иных собственных нужд, по общему правилу, на основании договоров купли-продажи лесных насаждений (в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности лиц, относящихся к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации и ведущих традиционный образ жизни, такие лица имеют право бесплатно осуществлять заготовку древесины для собственных нужд исходя из нормативов, установленных в соответствии с частью 5 данной статьи); при этом древесина, заготовленная гражданами для собственных нужд, не может отчуждаться или переходить от одного лица к другому иными способами (части 1, 2, 4 и 4¹).

Согласно части 5 статьи 30 Лесного кодекса Российской Федерации порядок и нормативы заготовки гражданами древесины для собственных нужд устанавливаются законами субъектов Российской Федерации, а порядок и нормативы заготовки гражданами древесины для собственных нужд, осуществляемой на землях особо охраняемых природных территорий федерального значения, – федеральным органом исполнительной власти, в ведении которого находятся особо охраняемые природные территории. Аналогичное положение о полномочиях субъектов Российской Федерации закреплено в подпункте 60 пункта 2 статьи 26³ Федерального закона от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Кроме того, статьей 82 Лесного кодекса Российской Федерации к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации в области лесных отношений помимо утверждения порядка и нормативов заготовки гражданами древесины для собственных нужд (пункт 4) отнесены, в частности, установление для граждан ставок платы по договору купли-продажи лесных насаждений для собственных нужд, за исключением случаев, предусмотренных пунктом 41⁴ статьи 81 данного Кодекса (установление ставок платы по договору купли-продажи лесных насаждений, расположенных на землях особо охраняемых природных территорий федерального значения, для собственных нужд), и учет древесины, заготовленной гражданами для собственных нужд в лесах, расположенных на лесных участках, находящихся в собственности субъектов Российской Федерации, в том числе на землях особо охраняемых природных территорий регионального значения (пункты 7 и 7³), а статьей 83 – в рамках передачи осуществления отдельных полномочий Российской Федерации – учет древесины, заготовленной гражданами для собственных нужд в лесах, расположенных на землях лесного фонда (пункт 8 части 1).

Из приведенных законоположений следует, что право граждан заготавливать древесину для собственных нужд, как одно из прав природопользования, выступает возмездной формой реализации ими (за исключением лиц, относящихся к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации и ведущих традиционный образ жизни) права на использование природных ресурсов, вытекающего из статьи 9 Конституции Российской Федерации; при этом субъекты Российской Федерации наделены полномочиями по нормативному регулированию таких элементов порядка реализации данного права, которые связаны с обеспечением рационального и неистощительного использования лесов как относительно ограниченного природного ресурса и тем самым непосредственно затрагивают интересы как самих субъектов Российской Федерации, так и проживающих на их территории граждан.

Определяя в рамках указанных полномочий нормативы и порядок заготовки гражданами древесины для собственных нужд, субъекты Российской Федерации

Федерации должны принимать во внимание состояние лесных насаждений на конкретных территориях — причем как на лесных участках в составе земель лесного фонда, т. е. находящихся в федеральной собственности (за исключением лесных участков в составе земель особо охраняемых природных территорий федерального значения), так и на лесных участках, находящихся в собственности самих субъектов Российской Федерации, — и одновременно решать социальные задачи по созданию для граждан, проживающих на этих территориях, достойных условий проживания, включая удовлетворение их потребностей в древесине для индивидуального жилищного строительства.

Осуществление такого правового регулирования предполагает и право субъектов Российской Федерации, соотнося потребности граждан в заготовке древесины и объемы лесных насаждений, необходимые для удовлетворения этих потребностей без ущерба для сохранности лесов и экологического благополучия, и основываясь на принципах правового социального государства, справедливости и равенства, определять соответствующие приоритеты, в том числе устанавливать очередность удовлетворения потребности граждан в древесине для индивидуального жилищного строительства с учетом степени их нуждаемости в улучшении жилищных условий, обеспечивая тем самым реализацию ими права на жилище, как оно закреплено в статье 40 Конституции Российской Федерации.

4.2. В рамках реализации предусмотренных федеральным законодательством полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации в Алтайском крае принят Закон «О регулировании отдельных лесных отношений на территории Алтайского края», который регламентирует два способа удовлетворения потребности граждан в древесине для индивидуального жилищного строительства: заготовку древесины на основании договора купли-продажи лесных насаждений на лесных участках, не переданных в аренду в целях использования лесов для заготовки древесины, и ее приобретение для собственных нужд граждан на арендованных лесных участках. В обоих случаях применяются одни и те же установленные данным Законом нормативы заготовки или приобретения древесины для индивидуального жилищного строительства — до 100 куб. м деловой ликвидной сырорастающей древесины хвойных пород, пригодной для строительства, один раз в 25 лет из расчета на одного застройщика на лесных участках, не переданных в аренду в целях использования лесов для заготовки древесины, на основании договоров купли-продажи лесных насаждений (подпункт «а» пункта 1 части 1 статьи 7), до 100 куб. м лесоматериалов для выработки пиломатериалов и заготовок из древесины хвойных пород, длиной от 3 до 6,5 м и диаметром от 0,14 м и более, один раз в 25 лет из расчета на одного застройщика на лесных участках, переданных в аренду в целях использования лесов для заготовки древесины (подпункт «б» пункта 1 части 1 статьи 7).

Согласно Закону Алтайского края «О регулировании отдельных лесных отношений на территории Алтайского края» объемы ежегодного отпуска древесины в первую очередь распределяются на лесные участки, не переданные в аренду для заготовки древесины, в ближайших лесничествах от места жительства граждан, нуждающихся в древесине для собственных нужд; в случае отказа гражданина от заготовки древесины на лесных участках, не переданных в аренду, в ближайших лесничествах от его места жительства он вправе приобрести древесину у арендатора лесного участка в порядке и на условиях, установленных данным Законом, договором аренды лесного участка, в соответствии с гражданским законодательством (части 4 и 5 статьи 9); плата по договорам купли-продажи лесных насаждений для собственных

нужд граждан определяется на основании ставок, утвержденных нормативным правовым актом Администрации Алтайского края (часть 1 статьи 11); на лесных участках, переданных в аренду для заготовки древесины, граждане приобретают древесину для собственных нужд непосредственно у арендатора лесного участка исходя из нормативов, установленных статьей 7 данного Закона, согласно спискам граждан, испытывающих потребность в древесине для собственных нужд, подготовленным органами местного самоуправления в порядке, предусмотренном статьей 8 данного Закона (часть 1 статьи 13); стоимость древесины, приобретаемой гражданами для собственных нужд на лесных участках, переданных в аренду для заготовки древесины, устанавливается уполномоченным органом исполнительной власти Алтайского края в сфере лесных отношений и определяется как сумма компенсации арендатору арендной платы, пропорциональной объему древесины, отпускаемой для собственных нужд граждан, и затрат на заготовку древесины, рассчитанных по нормативам, установленным уполномоченным органом исполнительной власти Алтайского края в сфере лесных отношений (статья 14).

Учет граждан, испытывающих потребность в древесине для собственных нужд, осуществляется, как следует из Закона Алтайского края «О регулировании отдельных лесных отношений на территории Алтайского края», органами местного самоуправления соответствующих поселений и городских округов на основании письменных заявлений указанных граждан (часть 2 статьи 8); при этом договоры купли-продажи лесных насаждений с гражданами по ставкам, установленным органами публичной власти, заключаются в соответствии с объемами ежегодного отпуска древесины, утвержденными уполномоченным органом исполнительной власти Алтайского края в сфере лесных отношений, и списками граждан, нуждающихся в древесине для собственных нужд, предоставленными органами местного самоуправления поселений и городских округов (часть 2 статьи 10); порядок заключения гражданами таких договоров устанавливается уполномоченным органом исполнительной власти Алтайского края в сфере лесных отношений (часть 3 статьи 10).

Гражданами, испытывающими потребность в древесине в целях индивидуального жилищного строительства, в Алтайском крае признаются только относящиеся к прямо перечисленным в части 3 статьи 8 Закона Алтайского края «О регулировании отдельных лесных отношений на территории Алтайского края» категориям, определяемым на основе факта постановки их (в том числе ранее) на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма в соответствии с Жилищным кодексом Российской Федерации и Законом Алтайского края от 9 декабря 2005 года № 115-ЗС «О порядке ведения органами местного самоуправления учета граждан в качестве нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма».

В соответствии с подпунктом 1 пункта 2.9 Порядка заключения гражданами договоров купли-продажи лесных насаждений для собственных нужд (утвержден приказом Управления лесами Алтайского края от 24 июня 2009 года № 69), принятого во исполнение Закона Алтайского края «О регулировании отдельных лесных отношений на территории Алтайского края», одним из оснований для возврата заявления гражданина о заключении договора купли-продажи лесных насаждений для собственных нужд является его отсутствие в списках нуждающихся в древесине, представленных органами местного самоуправления. Аналогичное основание для отказа в приеме документов, необходимых для предоставления государственной услуги по заключению договоров купли-продажи лесных насаждений для собственных нужд, содержится в подпункте «а» пункта 2.7 Административного регламента предоставления Главным управлением природных ресур-

сов и экологии Алтайского края государственной услуги по заключению договоров купли-продажи лесных насаждений для собственных нужд граждан, утвержденного указом губернатора Алтайского края от 8 апреля 2016 года № 33 (подпункт «а» пункта 2.7 утратившего силу Административного регламента предоставления Управлением лесами Алтайского края гражданам государственной услуги по заключению договоров купли-продажи лесных насаждений для собственных нужд, утвержденного постановлением Администрации Алтайского края от 20 марта 2013 года № 155).

В соответствии с актами органов местного самоуправления поселений и городских округов Алтайского края о ведении учета граждан, испытывающих потребность в древесине для собственных нужд, принимаемыми во исполнение части 1 статьи 8 Закона Алтайского края «О регулировании отдельных лесных отношений на территории Алтайского края», правом постановки на учет в целях заготовки древесины для индивидуального жилищного строительства обладают только категории граждан, указанные в части 3 той же статьи (постановление администрации города Барнаула от 27 декабря 2007 года № 4174, постановление администрации города Рубцовска от 3 июня 2014 года № 2357 и др.), отсылающей к Жилищному кодексу Российской Федерации, согласно статьям 49 и 52 которого состоять на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях имеют право граждане, признанные малоимущими органами местного самоуправления в порядке, установленном законом соответствующего субъекта Российской Федерации (с учетом дохода, приходящегося на каждого члена семьи, и стоимости имущества, находящегося в собственности членов семьи и подлежащего налогообложению), а также относящиеся к иным определенным федеральным законом, указом Президента Российской Федерации или законом субъекта Российской Федерации категориям лиц, признанных по нормативно установленным основаниям нуждающимися в жилых помещениях.

По смыслу части 3 статьи 8 Закона Алтайского края «О регулировании отдельных лесных отношений на территории Алтайского края» во взаимосвязи с названными положениями Жилищного кодекса Российской Федерации и статьей 3 Закона Алтайского края «О порядке ведения органами местного самоуправления учета граждан в качестве нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма», граждане, не состоящие (и ранее не состоявшие) на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, не признаются нуждающимися в древесине для индивидуального жилищного строительства и потому лишаются возможности ее заготовки (приобретения) по установленным в Алтайском крае ставкам (ценам), которые значительно, в десятки раз, отличаются от рыночных цен. Тем самым законодатель Алтайского края, признав преимущество в удовлетворении потребностей в древесине для индивидуального жилищного строительства за гражданами, нуждающимися в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма, в соответствии с жилищным законодательством, фактически закрепил возможность заготовки древесины для индивидуального жилищного строительства — в порядке, по нормативам и ставкам, установленным данным Законом, — исключительно за этой категорией граждан.

Сам по себе такой критерий предоставления права на заготовку древесины, избранный в целях защиты прав и законных интересов этой категории граждан, не может быть признан произвольным. Однако следует учитывать, что закрепленная в статье 40 (часть 2) Конституции Российской Федерации обязанность органов публичной власти поощрять жилищное строительство и создавать условия для осуществления права на жилище распространяется, в отличие от установленного частью 3 той же статьи права на предоставление жилища бесплатно или за доступную плату из государствен-

ных, муниципальных и других жилищных фондов, не только на малоимущих и иных указанных в законе граждан, нуждающихся в жилище, которые, будучи поставлены на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях, в любом случае могут рассчитывать на удовлетворение жилищных потребностей с помощью публичной власти и в этом смысле — с точки зрения возможного участия государства в решении их жилищной проблемы — находятся в более выгодном положении, чем граждане, также нуждающиеся в улучшении жилищных условий, но не относящиеся к малоимущим или иным специально предусмотренным законодательством категориям.

Следовательно, законодатель субъекта Российской Федерации, исходя из принципов равенства и справедливости, не должен был лишать не упомянутых в статье 40 (часть 3) Конституции Российской Федерации, но испытывающих потребность в древесине для индивидуального жилищного строительства граждан возможности ее заготовки для этих целей. Между тем часть 3 статьи 8 Закона Алтайского края «О регулировании отдельных лесных отношений на территории Алтайского края» — в нарушение указанных конституционных принципов — ограничивает круг граждан, признаваемых нуждающимися в древесине для индивидуального жилищного строительства и имеющих в связи с этим право на заготовку древесины для собственных нужд по ставкам, утвержденным нормативным правовым актом Администрации Алтайского края, теми, кто поставлен на учет в качестве нуждающихся в улучшении жилищных условий в соответствии с жилищным законодательством или снят с учета нуждающихся в улучшении жилищных условий ввиду использования других, не связанных с предоставлением жилого помещения, форм удовлетворения потребности в жилье.

4.3. Таким образом, часть 3 статьи 8 Закона Алтайского края «О регулировании отдельных лесных отношений на территории Алтайского края» не противоречит Конституции Российской Федерации в той мере, в какой она исходит из приоритетности удовлетворения потребности в древесине граждан, проживающих на территории Алтайского края, для целей осуществления ими права на жилище и тем самым направлена на реализацию статей 7 (часть 1) и 40 Конституции Российской Федерации.

Вместе с тем часть 3 статьи 8 Закона Алтайского края «О регулировании отдельных лесных отношений на территории Алтайского края» не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 9 (часть 1), 19 (части 1 и 2) и 40, в той мере, в какой она не позволяет признать испытывающими потребность в древесине для индивидуального жилищного строительства проживающих на территории Алтайского края граждан, которые не относятся к принятым на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях в соответствии с жилищным законодательством или к снятым с такого учета ввиду использования указанных в данной статье форм удовлетворения потребности в жилье, не связанных с предоставлением жилого помещения, и тем самым лишает таких граждан права на заготовку древесины для собственных нужд по ставкам, утвержденным нормативным правовым актом Администрации Алтайского края.

Законодателю Алтайского края надлежит — исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций, выраженных Конституционным Судом Российской Федерации в настоящем Постановлении, — внести в действующее правовое регулирование соответствующие изменения. Федеральный законодатель также не лишен возможности конкретизировать гарантии предоставления права на заготовку древесины для индивидуального жилищного строительства в соответствии с правовыми позициями, выраженными в настоящем Постановлении.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 80 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать часть 3 статьи 8 Закона Алтайского края «О регулировании отдельных лесных отношений на территории Алтайского края» не противоречащей Конституции Российской Федерации в той мере, в какой она исходит из приоритетности удовлетворения потребности в древесине граждан, проживающих на территории Алтайского края, для целей осуществления ими права на жилище и тем самым направлена на реализацию статей 7 (часть 1) и 40 Конституции Российской Федерации.

2. Признать часть 3 статьи 8 Закона Алтайского края «О регулировании отдельных лесных отношений на территории Алтайского края» не соответствующей Конституции Российской Федерации, ее статьям 9 (часть 1), 19 (части 1 и 2) и 40, в той мере, в какой она не позволяет признать испытываемыми потребность в древесине для индивидуального жилищного строительства проживающих на территории Алтайского края граждан, которые не относятся к принятым на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях в соответствии с жилищным законодательством или к снятым с такого учета ввиду использования указанных в данной статье форм удовлетворения потребности в жилье, не связанных с предоставлением жилого помещения, и тем самым лишает таких граждан права на заготовку древесины для собственных нужд по ставкам, утвержденным нормативным правовым актом Администрации Алтайского края.

Нормативные правовые акты органов государственной власти и органов местного самоуправления Алтайского края, основанные на части 3 статьи 8 Закона Алтайского края «О регулировании отдельных лесных отношений на территории Алтайского края» в той мере, в какой она признана не соответствующей Конституции Российской Федерации, а также содержащие такое же регулирование нормативные правовые акты других субъектов Российской Федерации и муниципальных образований подлежат отмене.

3. Законодатель Алтайского края надлежит – исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций, выраженных Конституционным Судом Российской Федерации в настоящем Постановлении, – внести в действующее правовое регулирование соответствующие изменения.

4. Правоприменительные решения, принятые по делу гражданки Пенкиной Галины Антоновны, основанные на положениях части 3 статьи 8 Закона Алтайского края «О регулировании отдельных лесных отношений на территории Алтайского края» в той мере, в какой они признаны настоящим Постановлением не соответствующими Конституции Российской Федерации, подлежат пересмотру в установленном порядке.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru), а также в официальных изданиях органов государственной власти Алтайского края. Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**8 ноября
2016 года,
город Санкт-
Петербург**

№ 22-П

по делу о проверке конституционности
абзаца третьего статьи 5 и пункта 5
статьи 8 Федерального закона
«О материальной ответственности
военнослужащих» в связи с жалобой
гражданина Д. В. Батарагина

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева, руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности абзаца третьего статьи 5 и пункта 5 статьи 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих».

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина Д. В. Батарагина. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика С. П. Маврина, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. В соответствии с Федеральным законом от 12 июля 1999 года № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих» военнослужащие несут материальную ответственность за ущерб, причиненный ими при исполнении обязанностей военной службы имуществу, находящемуся в федеральной собственности и закрепленному за воинскими частями, в полном размере ущерба в случае, когда ущерб причинен действиями (бездействием) военнослужащего, содержащими признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации (абзац третий статьи 5); возмещение ущерба производится независимо от привлечения военнослужащего к дисциплинарной, административной или уголовной ответственности за действия (бездействие), которыми причинен ущерб (пункт 5 статьи 8).

1.1. Постановлением следователя уголовное дело в отношении заявителя по настоящему делу – бывшего командира войсковой части 52361 полковника Д. В. Батарагина и бывшего техника отдела эксплуатации специальных систем той же войсковой части старшего лейтенанта К. А. Ходулина, подозревавшихся в совершении преступления, предусмотренного частью первой статьи 293 «Халатность» УК Российской Федерации, было прекращено с их согласия на основании пункта 3 части первой статьи 24 УПК

Российской Федерации – в связи с истечением сроков давности уголовного преследования. В ходе предварительного следствия было установлено, что в результате небрежного отношения Д. В. Батарагина и К. А. Ходулина к службе государству в лице Министерства обороны Российской Федерации причинен материальный ущерб в размере 2,4 миллиона рублей.

Решением Краснознаменского гарнизонного военного суда от 31 марта 2015 года, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам 3 окружного военного суда от 29 июня 2015 года, иск Министерства обороны Российской Федерации к Д. В. Батарагину и К. А. Ходулину о возмещении ущерба, причиненного преступлением, удовлетворен частично: с Д. В. Батарагина взысканы денежные средства в размере 1 млн руб., а с К. А. Ходулина – 300 тыс. руб. Принимая такое решение, суды исходили из того, что вина этих лиц в совершении преступления установлена и доказана органом предварительного расследования и что, давая согласие на прекращение уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, т. е. по нереабилитирующему основанию, они полностью признали свою вину как в совершении преступления, так и в причинении материального ущерба, а потому должны нести материальную ответственность в полном размере причиненного ущерба; однако с учетом отсутствия у ответчиков умысла на причинение ущерба, их материального положения и нахождения на иждивении Д. В. Батарагина двоих детей размер возмещаемого ущерба подлежит уменьшению. В передаче кассационной жалобы Д. В. Батарагина на указанные судебные постановления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции отказано (определение судьи 3 окружного военного суда от 9 декабря 2015 года).

1.2. В силу статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», конкретизирующих статью 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации принимает к рассмотрению жалобу гражданина на нарушение его конституционных прав и свобод законом, примененным в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде, если придет к выводу, что оспариваемые законоположения затрагивают конституционные права и свободы и что имеется неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли эти законоположения Конституции Российской Федерации; Конституционный Суд Российской Федерации принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм.

Нарушение оспариваемыми законоположениями своих прав, гарантированных Конституцией Российской Федерации, ее статьями 19 (часть 2), 23 (часть 1), 49, 54 (часть 2) и 55 (части 2 и 3), гражданин Д. В. Батарагин усматривает в том, что они позволяют суду в рамках гражданского судопроизводства делать вывод о виновности военнослужащего в совершении преступления и причинении им ущерба в результате преступных действий при отсутствии приговора суда, которым установлен как сам факт совершения преступления данным лицом, так и его вина.

Таким образом, взаимосвязанные положения абзаца третьего статьи 5 и пункта 5 статьи 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку они

служат основанием для решения вопроса о привлечении к полной материальной ответственности военнослужащего в связи с наличием в инкриминируемом ему деянии признаков состава преступления, если уголовное дело в отношении него было прекращено органом предварительного расследования вследствие истечения сроков давности уголовного преследования.

2. Согласно Конституции Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанностью государства (статья 2); достоинство личности охраняется государством, ничто не может быть основанием для его умаления (статья 21, часть 1); каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (статья 23, часть 1). Возлагая на государство обязанность охранять достоинство личности, Конституция Российской Федерации гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод и возможность обжаловать в суд решения и действия (или бездействие) органов государственной власти и должностных лиц (статья 46, части 1 и 2), устанавливает запрет на лишение лица права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом (статья 47, часть 1), а также закрепляет, что каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (статья 49, часть 1).

Эти права, как следует из статей 17 (часть 1) и 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации, не подлежат ограничению, они признаются и гарантируются в Российской Федерации согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, в том числе выраженным во Всеобщей декларации прав человека (статьи 7, 8, 10 и 11), Международном пакте о гражданских и политических правах (статья 14) и Конвенции о защите прав человека и основных свобод (статья 6), в соответствии с которыми каждый при рассмотрении любого предъявленного ему уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона; каждый обвиняемый в преступлении имеет право считаться невиновным, пока его виновность не будет доказана согласно закону.

2.1. Статья 118 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации устанавливает, что правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Тем самым предполагается, что один вид судопроизводства не должен смешиваться с другим и подменять его собой.

Применительно к уголовному судопроизводству, которое призвано обеспечить уголовное преследование лиц, совершивших преступления, и назначение виновным справедливого наказания, а также защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (статья 6 УПК Российской Федерации), Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 14 июля 2011 года № 16-П пришел к следующим выводам:

осуществляя соответствующее правовое регулирование, федеральный законодатель — по смыслу статей 19 (части 1 и 2), 45, 46, 49 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации — правомочен как устанавливать ответственность за правонарушения, так и устранять ее, а также определять, какие меры государственного принуждения подлежат использованию в качестве средства реагирования на те или иные противоправные деяния и при

каких условиях возможен отказ от их применения, обеспечивая тем самым дифференциацию уголовной ответственности, восстановление прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещение причиненного вреда;

из статьи 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации, конкретизирующей общепризнанный правовой принцип *nullum crimen, nulla poena sine lege* (нет преступления, нет наказания без указания на то в законе), во взаимосвязи с ее статьей 49, закрепляющей принцип презумпции невиновности, следует, что подозрение или обвинение в совершении преступления могут основываться лишь на положениях уголовного закона, определяющего преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия, закрепляющего все признаки состава преступления, наличие которых в деянии, будучи единственным основанием уголовной ответственности, должно устанавливаться только в надлежащем, обязательном для суда, прокурора, следователя, дознавателя и иных участников уголовного судопроизводства процессуальном порядке;

если же противоправность того или иного деяния или его совершение конкретным лицом не установлены и не доказаны в соответствующих уголовно-процессуальных процедурах, все сомнения должны толковаться в пользу этого лица, которое – применительно к вопросу об уголовной ответственности – считается невиновным. В силу принципов, вытекающих из статей 49 и 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации, такое деяние не может не только влечь за собой уголовную ответственность и применение иных мер уголовно-правового характера, но и квалифицироваться в процессуальном решении как деяние, содержащее все признаки состава преступления, факт совершения которого конкретным лицом установлен, хотя бы это и было связано с ранее имевшим место в отношении данного лица уголовным преследованием.

2.2. Соблюдение фундаментальных процессуальных гарантий прав личности, включая презумпцию невиновности, должно обеспечиваться и при разрешении вопроса о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям. В качестве одного из таких оснований закон (статья 78 УК Российской Федерации и пункт 3 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации) признает истечение сроков давности уголовного преследования, что обусловлено как нецелесообразностью применения мер уголовной ответственности ввиду значительного уменьшения общественной опасности преступления по прошествии значительного времени с момента его совершения, так и реализацией в уголовном судопроизводстве принципа гуманизма (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июня 2012 года № 1220-О, от 5 июня 2014 года № 1309-О и др.).

По смыслу части второй статьи 27 УПК Российской Федерации, действующей в нормативной связи с пунктом 3 части первой его статьи 24, обязательным условием принятия решения о прекращении уголовного дела на стадии досудебного производства в связи с истечением сроков давности уголовного преследования является согласие на это подозреваемого или обвиняемого; если лицо возражает против прекращения уголовного дела, производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке. Предоставление лицам, в отношении которых принимается решение о прекращении уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям, права настаивать на продолжении расследования и рассмотрении дела в судебном заседании направлено, как указывал Конституционный Суд Российской Федерации, на обеспечение судебной защиты их прав и законных интересов в рамках уголовного судопроизводства; при этом само по себе решение о прекращении уголовного дела не подменяет приговор суда и, следова-

тельно, не является актом, которым устанавливается виновность обвиняемого в том смысле, как это предусмотрено статьей 49 Конституции Российской Федерации; соответственно, принимая решение о прекращении уголовного дела на досудебных стадиях уголовного процесса, компетентные государственные органы должны исходить из того, что лица, в отношении которых прекращено уголовное преследование, виновными в совершении преступления либо (что равнозначно) в деянии, содержащем все признаки состава преступления, не признаны, а значит, и не могут быть названы таковыми – в конституционно-правовом смысле эти лица могут считаться лишь привлекавшимися к участию в уголовном судопроизводстве на соответствующей стадии ввиду выдвижения против них подозрения или обвинения (постановления от 28 октября 1996 года № 18-П, от 24 апреля 2003 года № 7-П и от 14 июля 2011 года № 16-П).

Таким образом, решение о прекращении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, принятое органом предварительного расследования, не равнозначно приговору суда ни с точки зрения юридической силы, ни с точки зрения полноты и достоверности фактических обстоятельств. В силу этого в соответствующем акте органа предварительного расследования не могут быть разрешены те вопросы, которые подлежат разрешению исключительно судом при вынесении приговора, в том числе о возможности признания деяния, инкриминируемого лицу, подвергавшемуся уголовному преследованию, преступлением, а также о виновности этого лица в совершении данного преступления (пункты 3 и 4 части первой статьи 299 УПК Российской Федерации).

2.3. В случае, когда в результате совершения преступления физическому либо юридическому лицу причинен имущественный вред, вопрос о его возмещении разрешается, как правило, судом, рассматривающим соответствующее уголовное дело, на основании гражданского иска, который может быть предъявлен после возбуждения уголовного дела и до окончания судебного следствия при разбирательстве данного дела в суде первой инстанции; в подобных случаях характер и размер вреда, причиненного преступлением, входит в предмет доказывания в рамках производства по уголовному делу, а вопрос о том, подлежит ли удовлетворению гражданский иск, в чью пользу и в каком размере, разрешается судом при вынесении приговора (часть вторая статьи 44, пункт 4 части первой статьи 73 и пункт 10 части первой статьи 299 УПК Российской Федерации).

При прекращении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования лицо, в отношении которого оно осуществлялось, также не освобождается от обязательств по возмещению причиненного им ущерба, – в этом случае, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, не исключается защита потерпевшим своих прав в порядке гражданского судопроизводства, причем не содержит каких-либо ограничений для такой защиты и пункт 3 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации (определения от 16 июля 2009 года № 996-О-О, от 20 октября 2011 года № 1449-О-О, от 28 мая 2013 года № 786-О, от 24 июня 2014 года № 1458-О и др.).

Вместе с тем при рассмотрении в порядке гражданского судопроизводства иска о возмещении ущерба, причиненного подвергавшимся уголовному преследованию лицом, данные предварительного расследования, включая сведения об установленных органом предварительного расследования фактических обстоятельствах совершенного деяния, содержащиеся в решении о прекращении в отношении этого лица уголовного дела на стадии досудебного производства в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, могут в силу части первой статьи 67 и части первой статьи 71

ГПК Российской Федерации быть приняты судом в качестве письменных доказательств, которые — наряду с другими имеющимися в деле доказательствами — он обязан оценивать по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании.

Тем не менее данные предварительного расследования не имеют преюдициального значения для гражданского судопроизводства: в соответствии с частью четвертой статьи 61 ГПК Российской Федерации только приговор суда по уголовному делу, вступивший в законную силу, обязателен для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого он вынесен, и только по вопросам, имели ли место соответствующие действия и совершены ли они этим лицом. Данный вид судопроизводства — в силу возложенных на него задач, заключающихся в правильном и своевременном рассмотрении и разрешении гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений (статья 2 ГПК Российской Федерации), — не предназначен для установления в действиях (бездействии) лица признаков состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации, в том числе в случаях, когда это необходимо для защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

Соответственно, при рассмотрении гражданского дела о взыскании материального ущерба с лица, в отношении которого уголовное дело было прекращено на стадии досудебного производства в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, суд не вправе давать оценку его действиям (бездействию) как содержащим или не содержащим признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации, и, ссылаясь на нашедшие отражение в решении о прекращении уголовного дела фактические обстоятельства, установленные органом предварительного расследования, и на его выводы относительно содеянного этим лицом, высказывать суждение о его виновности в совершении преступления. Иной подход не отвечал бы принципам справедливого правосудия, включая принцип презумпции невиновности, а также приводил бы к ограничению фундаментального права на судебную защиту (статья 46, части 1 и 2; статья 49 Конституции Российской Федерации).

3. По смыслу статьи 59 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 32 (часть 4), 37 и 71 (пункт «м»), военная служба, посредством прохождения которой военнослужащие реализуют право на труд, представляет собой особый вид федеральной государственной службы, непосредственно связанный с защитой Отечества, обеспечением обороны и безопасности государства. Этим обуславливается правовой статус военнослужащих, специфический характер воинской дисциплины, необходимость некоторых ограничений прав и свобод, устанавливаемых федеральным законодательством в отношении военнослужащих.

В соответствии с Федеральным законом от 27 мая 1998 года № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» на военнослужащих возлагаются обязанности по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации, которые связаны с необходимостью беспрекословного выполнения поставленных задач в любых условиях, в том числе с риском для жизни; защита государственного суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации, обеспечение безопасности государства, отражение вооруженного нападения, а также выполнение задач в соответствии с

международными обязательствами Российской Федерации составляют существо воинского долга, который обязывает военнослужащих, в частности, быть верными Военной присяге, беззаветно служить своему народу, мужественно и умело защищать свое Отечество, строго соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы Российской Федерации, требования общевоинских уставов, беспрекословно выполнять приказы командиров, совершенствовать воинское мастерство, содержать в постоянной готовности к применению вооружение и боевую технику, беречь военное имущество (пункт 2 статьи 1; часть первая статьи 26).

Из приведенных положений Конституции Российской Федерации и конкретизирующих их положений федерального законодательства следует, что военнослужащий принимает на себя бремя неукоснительно, в режиме жесткой военной дисциплины выполнять обязанности, обусловленные характером военной службы, в том числе не допускать утраты имущества, закрепленного за воинскими частями, нести особую материальную ответственность, возмещающую ущерб, причиненный им этому имуществу умышленно или по неосторожности при исполнении обязанностей военной службы (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 апреля 2001 года № 5-П).

Соответственно, федеральный законодатель в рамках предоставленных ему дискреционных полномочий вправе определять основания и содержание материальной ответственности военнослужащих, а также процессуальный порядок ее реализации, соблюдая при этом как общие принципы юридической ответственности, так и гарантии судебной защиты и не допуская подмены одного вида судопроизводства другим.

3.1. Условия и размеры материальной ответственности военнослужащих за ущерб, причиненный ими при исполнении обязанностей военной службы имуществу, находящемуся в федеральной собственности и закрепленному за воинскими частями, порядок возмещения такого ущерба предусмотрены Федеральным законом «О материальной ответственности военнослужащих».

Названный Федеральный закон, возлагая на военнослужащих материальную ответственность в размере причиненного ими ущерба, устанавливает предел соответствующего возмещения, который, по общему правилу, для причинивших ущерб по неосторожности военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, составляет не более одного оклада месячного денежного содержания и одной месячной надбавки за выслугу лет, а в отдельных случаях – не более двух окладов месячного денежного содержания и двух месячных надбавок за выслугу лет (пункты 1 и 2 статьи 4); в случаях же, предусмотренных его статьей 5, военнослужащие несут полную материальную ответственность, в частности, за ущерб, причиненный в результате действий (бездействия) военнослужащего, содержащих признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации (причем безотносительно к форме вины), а также за ущерб вследствие хищения, умышленных уничтожения, повреждения, порчи, незаконных расходования или использования имущества либо иных умышленных действий (бездействия) независимо от того, содержат ли они признаки состава преступления (абзацы третий и четвертый); при этом военнослужащие несут материальную ответственность только за причиненный по их вине реальный ущерб, а привлечение к материальной ответственности возможно лишь в течение трех лет со дня обнаружения ущерба (пункты 1 и 4 статьи 3).

Использование дифференцированного подхода к определению размеров материальной ответственности военнослужащих за ущерб, причиненный

ими при исполнении обязанностей военной службы, в том числе с учетом характера и степени общественной опасности действий (бездействия), повлекших за собой причинение ущерба, и формы вины военнослужащего в их совершении, не выходит за пределы дискреционных полномочий федерального законодателя и само по себе не может рассматриваться как не согласующееся с конституционными предписаниями. Закрепляя в качестве одного из оснований для привлечения военнослужащих к полной материальной ответственности причинение ими ущерба при совершении действий (бездействия), содержащих признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации, федеральный законодатель был вправе не только исходить из специфики военной службы, характера воинской дисциплины и обусловленных этим особого рода публично-правовых по своему существу обязанностей военнослужащего, скрепленных Военной присягой (в данном случае – обязанности сохранять закрепленное за воинскими частями имущество, находящееся в федеральной собственности, т. е. обязанности, которая непосредственно связана с необходимостью обеспечения обороны страны и безопасности государства), но и принимать во внимание наибольшую степень общественной опасности преступлений по сравнению с остальными видами правонарушений.

Вместе с тем в целях соблюдения имущественных прав военнослужащего, возникающих в связи с получением им денежного вознаграждения за службу, а также обеспечения справедливого баланса между правами военнослужащего и правомерными интересами общества и государства в Федеральном законе «О материальной ответственности военнослужащих» предусмотрен и различный порядок привлечения военнослужащего к материальной ответственности – в зависимости от размера причиненного ущерба и его соотношения с размерами оклада месячного денежного содержания военнослужащего и месячной надбавки за выслугу лет: так, возмещение ущерба, размер которого не превышает одного оклада месячного денежного содержания военнослужащего и одной месячной надбавки за выслугу лет, производится по приказу командира (начальника) воинской части, издаваемому в двухнедельный срок со дня окончания административного расследования или принятия соответствующим командиром (начальником) решения по результатам рассмотрения материалов о дисциплинарном проступке либо поступления решения суда или материалов ревизии, проверки, дознания, следствия; в отношении командира (начальника) воинской части приказ о возмещении ущерба вправе издать вышестоящий в порядке подчиненности командир (начальник) воинской части; при пропуске указанного срока, а также в случаях, когда размер подлежащего возмещению ущерба превышает один оклад месячного денежного содержания военнослужащего и одну месячную надбавку за выслугу лет, привлечение военнослужащего к материальной ответственности осуществляется в судебном порядке по иску командира (начальника) воинской части (вышестоящего в порядке подчиненности командира (начальника) воинской части) (пункты 1 и 2 статьи 8).

Учитывая, что в силу пункта 5 статьи 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» материальная ответственность военнослужащего наступает независимо от привлечения его к дисциплинарной, административной или уголовной ответственности за действия (бездействие), которыми причинен ущерб, поскольку преследует самостоятельную цель – возмещение соответствующего ущерба, привлечению к материальной ответственности должно предшествовать установление в надлежащей юридической процедуре причин и способа причинения ущерба, его размера и виновных лиц. Такой процедурой, как следует из названного Федерального закона, является, по общему правилу, назначаемое командиром (на-

чальником) воинской части административное расследование, которое должно быть завершено в месячный срок со дня обнаружения ущерба; данный срок может быть продлен в необходимых случаях вышестоящим в порядке подчиненности командиром (начальником) воинской части; при этом административное расследование может не проводиться, если причины ущерба, его размер и виновные лица установлены судом, в ходе разбирательства по факту совершения военнослужащим дисциплинарного проступка либо в результате ревизии, проверки, дознания или следствия (пункты 1 и 2 статьи 7).

Возложение на военнослужащего обязанности возместить причиненный ущерб во всяком случае предполагает установление юридически значимых обстоятельств, необходимых и достаточных для его привлечения к тому или иному виду материальной ответственности (ограниченной либо полной), включая характер действий (бездействия) военнослужащего, наличие и форму его вины, причинную связь между его действиями (бездействием) и наступлением ущерба и др. При этом, если возможность привлечения к полной материальной ответственности по конкретному основанию, предусмотренному законом, связывается с наличием в действиях (бездействии) военнослужащего, которыми причинен ущерб, признаков состава того или иного вида правонарушения, установление соответствующих признаков должно осуществляться исключительно в рамках предназначенных для этого юридических процедур.

Следовательно, для привлечения военнослужащего к полной материальной ответственности по основанию, предусмотренному абзацем третьим статьи 5 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих», наличие в совершенном им деянии признаков состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации, должно быть установлено и доказано в надлежащих уголовно-процессуальных процедурах.

3.2. По смыслу пункта 1 статьи 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» во взаимосвязи с положениями части второй статьи 44, пункта 4 части первой статьи 73 и пункта 10 части первой статьи 299 УПК Российской Федерации, привлечение военнослужащего, преступными действиями (бездействием) которого был причинен ущерб имуществу, находящемуся в федеральной собственности и закрепленному за воинскими частями, к полной материальной ответственности по основанию, предусмотренному абзацем третьим статьи 5 названного Федерального закона, осуществляется, по общему правилу, в рамках производства по уголовному делу на основании гражданского иска, предъявленного командиром (начальником) воинской части до окончания судебного следствия при разбирательстве данного дела в суде первой инстанции; в случае причинения ущерба командиром (начальником) воинской части такой иск предъявляется вышестоящим в порядке подчиненности командиром (начальником) воинской части.

Если же гражданский иск не был предъявлен своевременно, однако наличие в совершенном военнослужащим деянии, вследствие которого им был причинен материальный ущерб, признаков состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации, установлено приговором суда, вступившим в законную силу, привлечение военнослужащего к полной материальной ответственности по указанному основанию возможно — исходя из размера ущерба и его соотношения с размерами оклада месячного денежного содержания военнослужащего и месячной надбавки за выслугу лет, а также периода, прошедшего с момента поступления командиру (начальнику) воинской части приговора суда, — во внесудебном порядке, путем издания приказа командиром (начальником)

воинской части (вышестоящим в порядке подчиненности командиром (начальником) воинской части) либо по иску данного должностного лица, подлежащему рассмотрению судом общей юрисдикции в порядке гражданского судопроизводства. При этом для суда, рассматривающего соответствующее дело, вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу в отношении лица, преступными действиями (бездействием) которого был причинен материальный ущерб, обязателен по вопросам, имели ли место эти действия (бездействие) и совершены ли они данным лицом.

Таким образом, привлечение военнослужащего, действиями (бездействием) которого был причинен ущерб имуществу, находящемуся в федеральной собственности и закрепленному за воинскими частями, к полной материальной ответственности по основанию, предусмотренному абзацем третьим статьи 5 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих», предполагает наличие вступившего в законную силу приговора суда, которым в совершенном военнослужащим деянии установлены признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации.

Аналогичный подход прослеживается и в трудовом законодательстве: для привлечения работника к полной материальной ответственности по пункту 5 части первой статьи 243 Трудового кодекса Российской Федерации, т. е. за причинение ущерба в результате преступных действий, обязательным условием является наличие вступившего в законную силу обвинительного приговора суда (пункт 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 ноября 2006 года № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего материальную ответственность работников за ущерб, причиненный работодателю»). Приведенное правовое регулирование распространяется также на отношения, связанные с прохождением службы в органах внутренних дел (часть 6 статьи 15 Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

Отсутствие же вступившего в законную силу обвинительного приговора ввиду прекращения в ходе предварительного расследования или в суде уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования либо вынесение судом оправдательного приговора само по себе не является препятствием для принятия командиром (начальником) воинской части или судом в пределах срока привлечения к материальной ответственности решения о взыскании с военнослужащего причиненного им ущерба при условии установления в надлежащей процедуре (административное расследование, судебное производство, разбирательство по факту совершения военнослужащим дисциплинарного проступка, ревизия, проверка, дознание или следствие) юридически значимых обстоятельств, необходимых и достаточных для привлечения этого лица к ограниченной либо — при наличии иных предусмотренных статьей 5 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» оснований — полной материальной ответственности, включая вину военнослужащего в причинении ущерба, а при совместном причинении ущерба несколькими лицами — степень вины каждого из них.

Однако при принятии решения о взыскании материального ущерба с военнослужащего, уголовное дело в отношении которого было прекращено на стадии досудебного производства в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, как командир (начальник) воинской части (вышестоящий в порядке подчиненности командир (начальник) воинской части), так и суд во всяком случае не вправе давать оценку действиям (бездей-

ствию) этого лица как содержащим или не содержащим признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации, и, ссылаясь на установленные органом предварительного расследования фактические обстоятельства, а также на его выводы относительно содеянного данным лицом, нашедшие отражение в решении о прекращении уголовного дела, высказывать суждение о его виновности в совершении соответствующего преступления.

Соответственно, суд, рассматривающий в порядке гражданского судопроизводства иск командира (начальника) воинской части (вышестоящего командира (начальника) воинской части) о возмещении причиненного военнослужащим материального ущерба, а равно в порядке административного судопроизводства административный иск военнослужащего об оспаривании решения командира (начальника) воинской части о привлечении его к материальной ответственности, во всяком случае не правомочен квалифицировать деяние военнослужащего как содержащее признаки состава преступления, поскольку – по смыслу статьи 118 (часть 1) Конституции Российской Федерации – это допустимо только в уголовном судопроизводстве, что само по себе не исключает возможность использования в целях разрешения соответствующего дела данных предварительного расследования, содержащихся в решении о прекращении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, в качестве письменных доказательств, которые суд обязан оценивать наравне со всеми иными доказательствами по своему внутреннему убеждению.

Таким образом, взаимосвязанные положения абзаца третьего статьи 5 и пункта 5 статьи 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» соответствуют Конституции Российской Федерации в той мере, в какой по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они предполагают привлечение военнослужащего к полной материальной ответственности за ущерб, причиненный имуществу, находящемуся в федеральной собственности и закрепленному за воинскими частями, в случае совершения им преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации, что установлено вступившим в законную силу приговором суда, и не препятствуют при отсутствии такого приговора принятию, в пределах определенного пунктом 4 статьи 3 данного Федерального закона срока, решения о взыскании с военнослужащего причиненного им ущерба в ограниченном либо – при наличии иных перечисленных в его статье 5 оснований – в полном размере при условии установления в надлежащей процедуре юридически значимых обстоятельств, необходимых и достаточных для привлечения этого лица к соответствующему виду материальной ответственности.

4. Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в том числе в постановлениях от 23 февраля 1999 года № 4-П, от 28 марта 2000 года № 5-П, от 23 января 2007 года № 1-П, от 8 ноября 2012 года № 25-П, в судебной практике должно обеспечиваться конституционное истолкование подлежащих применению нормативных положений; хотя механизм действия закона должен быть понятен субъектам соответствующих правоотношений прежде всего из содержания конкретного нормативного положения или системы находящихся во взаимосвязи нормативных положений, не исключаются случаи, когда необходимая степень определенности правового регулирования может быть достигнута путем выявления более сложной взаимосвязи правовых предписаний, целью которого является устранение неопределенности нормы применительно к конкретной сфере общественных отношений; в тех случаях, когда в судебной практике допускается придание тем или иным законоположениям норма-

тивно-правового смысла, влекущего нарушение реализуемых на их основе конституционных прав, возникает вопрос о соответствии этих законоположений Конституции Российской Федерации, который подлежит разрешению Конституционным Судом Российской Федерации, с тем чтобы исключить их применение и истолкование в значении, противоречащем конституционным нормам.

Материалы, представленные в Конституционный Суд Российской Федерации Д. В. Батарагиным, свидетельствуют о том, что при рассмотрении гражданского дела о взыскании с него материального ущерба суд истолковал положение абзаца третьего статьи 5 и пункта 5 статьи 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» как позволяющие устанавливать наличие в действиях (бездействии) военнослужащего признаков состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации, на основании решения органов предварительного расследования о прекращении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования. Тем самым, несмотря на прекращение дальнейшего доказывания виновности заявителя, от уголовного преследования которого государство отказалось в связи с истечением сроков давности, суд в рамках гражданского судопроизводства, по сути, подтвердил вывод органа предварительного расследования о совершении им деяния, содержащего признаки состава преступления. В результате заявитель без вынесения в рамках уголовного судопроизводства обвинительного приговора суда фактически был признан виновным в совершении преступления в процедуре гражданского судопроизводства и в силу этого — обязанным возместить причиненный совершенным деянием материальный ущерб в полном объеме.

Между тем истолкование названных законоположений в качестве допускающих возможность привлечения военнослужащего к полной материальной ответственности за ущерб, причиненный его действиями (бездействием) как содержащими признаки состава преступления, — притом что уголовное дело в отношении данного военнослужащего прекращено на стадии досудебного производства в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, а наличие в действиях (бездействии) этого лица признаков состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации, установлено судом в рамках гражданского судопроизводства на основании данных предварительного расследования — не согласуется с конституционным требованием обеспечения прав, вытекающих из презумпции невиновности, и приводит к нарушению гарантий, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, ее статьями 46 (части 1 и 2), 47 (часть 1), 49 (часть 1), 55 (часть 3) и 118 (часть 2).

Кроме того, привлечение военнослужащего к полной материальной ответственности по основанию, предусмотренному абзацем третьим статьи 5 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих», в связи с установлением в его действиях (бездействии) признаков состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации, судом в рамках гражданского судопроизводства, а равно иными органами и должностными лицами не может быть оправдано ни особым характером военной службы и обусловленной им спецификой правового статуса военнослужащих, ни повышенными требованиями к обеспечению сохранности военного имущества и создает предпосылки для нарушения в отношении данной категории граждан конституционного принципа равенства всех перед законом и судом и равноправия (статья 19, части 1 и 2, Конституции Российской Федерации) при реализации права на судебную защиту, неслучайно составляющей которого является право каждого на

рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.

Таким образом, взаимосвязанные положения абзаца третьего статьи 5 и пункта 5 статьи 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» не соответствуют Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 46 (части 1 и 2), 47 (часть 1), 49 (часть 1), 55 (часть 3) и 118 (часть 2), в той мере, в какой эти положения – по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, – допускают возможность привлечения военнослужащего, уголовное дело в отношении которого прекращено на стадии досудебного производства в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, к полной материальной ответственности за ущерб, причиненный имуществу, находящемуся в федеральной собственности и закрепленному за воинскими частями, вследствие установления в его действиях (бездействии) признаков состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации (и тем самым – фактического признания его виновным в совершении преступления), иным, отличным от вынесенного в процедуре уголовного судопроизводства приговора суда, правоприменительным решением, включая постановление суда, принятое в рамках гражданского судопроизводства на основании содержащихся в акте органа предварительного расследования о прекращении уголовного дела сведений о фактических обстоятельствах деяния и его выводов относительно совершения этого деяния данным лицом.

Федеральному законодателю надлежит, руководствуясь Конституцией Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, изложенных в настоящем Постановлении, внести надлежащие изменения в действующее нормативное регулирование порядка привлечения военнослужащих к полной материальной ответственности, с тем чтобы исключить возможность установления в их действиях (бездействии) признаков состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации, вне рамок уголовного судопроизводства.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 80 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать взаимосвязанные положения абзаца третьего статьи 5 и пункта 5 статьи 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой эти положения по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования предполагают привлечение военнослужащего к полной материальной ответственности за ущерб, причиненный имуществу, находящемуся в федеральной собственности и закрепленному за воинскими частями, в случае совершения преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации, что установлено вступившим в законную силу приговором суда, и не препятствуют при отсутствии такого приговора принятию в пределах срока, определенного пунктом 4 статьи 3 данного Федерального закона, решения о взыскании с военнослужащего причиненного им ущерба в ограниченном либо – при наличии иных перечисленных в его статье 5 оснований – в полном размере при условии установления в надлежащей процедуре юридически значимых обстоятельств, необходимых и достаточных для привлечения этого лица к соответствующему виду материальной ответственности.

2. Признать взаимосвязанные положения абзаца третьего статьи 5 и пункта 5 статьи 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 46 (части 1 и 2), 47 (часть 1), 49 (часть 1), 55 (часть 3) и 118 (часть 2), в той мере, в какой эти положения – по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, – допускают возможность привлечения военнослужащего, уголовное дело в отношении которого прекращено на стадии досудебного производства в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, к полной материальной ответственности за ущерб, причиненный имуществу, находящемуся в федеральной собственности и закрепленному за воинскими частями, вследствие установления в его действиях (бездействии) признаков состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации (и тем самым – фактического признания его виновным в совершении преступления), иным, отличным от вынесенного в процедуре уголовного судопроизводства приговора суда, правоприменительным решением, включая постановление суда, принятое в рамках гражданского судопроизводства на основании содержащихся в акте органа предварительного расследования о прекращении уголовного дела сведений о фактических обстоятельствах деяния и его выводов относительно совершения этого деяния данным лицом.

3. Правоприменительные решения по делу гражданина Батарагина Дмитрия Викторовича, основанные на положениях абзаца третьего статьи 5 и пункта 5 статьи 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» в той мере, в какой эти положения признаны настоящим Постановлением не соответствующими Конституции Российской Федерации, подлежат пересмотру в установленном порядке.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

10 ноября
2016 года,
город Санкт-
Петербург

№ 23-П

по делу о проверке конституционности
положений абзаца второго пункта 1
статьи 2 Федерального закона
«О государственной регистрации прав
на недвижимое имущество и сделок
с ним» в связи с жалобой гражданина
Н. Н. Марасанова

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева, с участием представителя гражданина Н. Н. Марасанова — адвоката Т. Л. Пуховой, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М. В. Кротова, руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности абзаца второго пункта 1 статьи 2 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним».

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина Н. Н. Марасанова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика В. Г. Ярославцева, объяснения представителей сторон, выступления приглашенных в заседание представителей: от Министерства юстиции Российской Федерации — М. А. Мельниковой, от Генерального прокурора Российской Федерации — Т. А. Васильевой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно абзацу второму пункта 1 статьи 2 Федерального закона от 21 июля 1997 года № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» государственная регистрация является единственным доказательством существования зарегистрированного права; зарегистрированное право на недвижимое имущество может быть оспорено только в судебном порядке.

1.1. Общим собранием собственников домовладений товарищества собственников жилья «Дачный поселок “Барвиха”», которое было образовано 29 марта 2003 года для управления имуществом общего пользования данной некоммерческой организации и членом которого до 1 января 2010 года являлся гражданин Н. Н. Марасанов, было принято решение от 31 июля 2003 года о приобретении в границах поселка земельного участка и иного

недвижимого имущества (включая асфальтированные дороги, пешеходные дорожки и другие объекты инфраструктуры) за счет кредитных средств.

С этой целью ТСЖ «Дачный поселок “Барвиха”» 22 августа 2003 года заключило договор купли-продажи объектов недвижимости с государственным унитарным предприятием Московской области, действовавшим в качестве продавца. Право собственности товарищества на данное имущество зарегистрировано в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним 26 августа 2003 года. Кроме того, 8 октября 2003 года между Министерством имущественных отношений Московской области (продавец) и товариществом (покупатель) был заключен договор купли-продажи земельного участка площадью 48 354 кв. м. Впоследствии земельный участок был разделен, и 30 июня 2005 года на больший из образованных в результате раздела земельных участков – площадью 45 114 кв. м зарегистрировано право собственности товарищества.

27 декабря 2005 года ТСЖ «Дачный поселок “Барвиха”» (продавец) и ООО «Прогресс» (покупатель) заключили договор купли-продажи земельного участка площадью 45 114 кв. м с находящимися на нем объектами недвижимости. Право собственности на это имущество было зарегистрировано за ООО «Прогресс», которое, в свою очередь, разделило участок. В дальнейшем право собственности на принадлежавшее данному хозяйственному обществу недвижимое имущество перешло ООО «Вис Холдинг», в частности по договору купли-продажи от 13 октября 2011 года, и было зарегистрировано за ним.

Решением Одинцовского городского суда Московской области от 27 ноября 2014 года, в который Н. Н. Марасанов и соистец обратились с иском о признании недействительными ряда сделок, применении последствий их недействительности, а также с иными требованиями, сводящимися, по существу, к возврату из чужого незаконного владения обслуживающих жилые дома объектов инфраструктуры, отчужденных ТСЖ «Дачный поселок “Барвиха”» третьим лицам, в удовлетворении данных требований отказано. Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда от 16 марта 2015 года решение суда первой инстанции было отменено и вынесено новое решение, которым требования истцов удовлетворены частично. Однако Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации определением от 1 декабря 2015 года отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, который оставил решение суда первой инстанции без изменения (апелляционное определение от 4 апреля 2016 года). Отказывая в удовлетворении заявленных требований, суды исходили из того, что спорное имущество было передано третьим лицам его собственником, каковым согласно записи в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним являлось ТСЖ «Дачный поселок “Барвиха”»; истцы же, не будучи собственниками и законными владельцами спорного имущества, не вправе истребовать его из чужого незаконного владения.

1.2. Как следует из статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации проверяет по жалобе гражданина конституционность законоположений, примененных в деле заявителя и затрагивающих конституционные права и свободы, на нарушение которых он ссылается; Конституционный Суд Российской Федерации принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и

смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм.

Нарушение абзацем вторым пункта 1 статьи 2 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» своих прав, гарантированных статьями 8 (часть 2), 15 (часть 4), 17 (части 1 и 2), 18, 35 (части 2 и 3), 36 (части 1 и 2), 46 (часть 1) и 120 (часть 2) Конституции Российской Федерации, гражданин Н. Н. Марасанов усматривает в том, что его положения – в силу неопределенности своего содержания, порождающей в правоприменительной практике их неоднозначное толкование, – допускают возможность отчуждения в пользу лиц, не контролируемых членами товарищества собственников жилья и иными домовладельцами и не заинтересованных в обеспечении их достойного уровня жизни, объектов инфраструктуры, обслуживающей жилые дома, расположенные на соответствующей территории, и лишают собственников этих домов возможности судебной защиты прав на имущество, которое, по утверждению заявителя, в силу закона находится в их общей долевой собственности.

Таким образом, положения абзаца второго пункта 1 статьи 2 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку на их основании судом разрешается вопрос о защите прав собственников индивидуальных жилых домов на относящиеся к недвижимому имуществу объекты инфраструктуры, обслуживающей эти домовладения.

2. Согласно Конституции Российской Федерации в России признаются и защищаются равным образом все формы собственности; право частной собственности относится к основным правам человека и подлежит защите со стороны государства наряду с другими правами и свободами человека и гражданина, которые обеспечиваются правосудием, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, а также местного самоуправления (статья 8, часть 2; статья 18). Исходя из этого статья 35 Конституции Российской Федерации предписывает, что право частной собственности охраняется законом (часть 1); каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами (часть 2); никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда; принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения (часть 3).

Приведенным положениям Конституции Российской Федерации, выражающим один из основополагающих аспектов верховенства права – общепризнанный в демократических государствах принцип неприкосновенности собственности, выступающий гарантией права собственности во всех его составляющих, корреспондируют положения Всеобщей декларации прав человека (статья 17) и Конвенции о защите прав человека и основных свобод (статья 1 Протокола № 1), согласно которым каждое физическое или юридическое лицо имеет право беспрепятственно пользоваться своим имуществом; никто не может быть лишен своего имущества кроме как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права; государство вправе обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами.

При осуществлении правового регулирования отношений собственности федеральному законодателю, действующему в рамках предоставленных ему статьей 71 (пункты «в», «о») Конституции Российской Федерации дискреционных полномочий, надлежит руководствоваться фундаментальными принципами верховенства права, юридического равенства и справедливости, в силу которых необходимые ограничения права собственности должны обуславливаться потребностью защиты конституционно значимых ценностей, включая достойную жизнь, свободное развитие человека, право каждого на жилище (статья 7; статья 19, части 1 и 2; статья 40; статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации), а соответствующее правовое регулирование — отвечать общеправовым требованиям определенности, ясности и непротиворечивости, притом что механизм его действия должен быть понятен субъектам правоотношений из содержания конкретного нормативного положения или системы находящихся в очевидной взаимосвязи нормативных положений (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года № 15-П, от 23 декабря 2013 года № 29-П, от 22 апреля 2014 года № 12-П и др.).

Федеральный законодатель должен также иметь в виду вытекающее из статей 7 (часть 1), 8 (часть 2) и 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации требование о необходимости соотнесения принадлежащих лицу прав с правами и свободами других лиц, в силу которого собственник может по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, если они не противоречат закону и иным правовым актам и не нарушают права и законные интересы других лиц. Данное требование — исходя из того, что право собственности в пределах, определенных Конституцией Российской Федерации, предполагает не только возможность реализации собственником составляющих это право правомочий владения, пользования и распоряжения имуществом в своих интересах, но и предотвращение причинения вреда другим лицам, — обязывает федерального законодателя учитывать особенности этого имущества при регламентации содержания права собственности, в том числе при возложении на собственников дополнительных обязанностей и обременений, связанных с обладанием имуществом (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 31 мая 2005 года № 6-П, от 22 апреля 2011 года № 5-П и от 12 апреля 2016 года № 10-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 16 апреля 2009 года № 495-О-О, от 24 декабря 2012 года № 2353-О и др.).

Применительно к отношениям собственности в жилищной сфере отвечающее указанным критериям правовое регулирование призвано обеспечить надлежащее исполнение органами государственной власти возложенной на них Конституцией Российской Федерации, ее статьей 40 (части 1 и 2), обязанности по созданию условий для осуществления права каждого на жилище, выступающей одновременно и в качестве гарантии его реализации. Приведенное конституционное предписание составляет основу законодательного регулирования жилищных отношений, базирующихся также на признании равенства участников этих отношений и необходимости обеспечения сохранности жилищного фонда и использования жилых помещений по назначению (часть 1 статьи 1 Жилищного кодекса Российской Федерации), и в этом смысле, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 12 апреля 2016 года № 10-П, означает обращенное к органам государственной власти и органам местного самоуправления требование об установлении таких правовых механизмов, которые позволяли бы обеспечить должное содержание и эксплуатацию жилищного фонда в целях создания безопасных и благоприятных условий для прожива-

ния в нем граждан, а также сохранение целевого назначения объектов жилищного фонда.

3. В Российской Федерации индивидуальные жилые дома, будучи объектами права собственности (статья 288 ГК Российской Федерации) и жилищных прав (часть 1 статьи 15 Жилищного кодекса Российской Федерации), являются также важной составляющей жилищного фонда (часть 1 статьи 19 Жилищного кодекса Российской Федерации) – материального ресурса, необходимого для стабильного развития Российской Федерации как социального государства и обеспечения одной из базовых потребностей человека – потребности в жилище, что предопределяет значительную специфику правового регулирования в данной сфере общественных отношений, связанную, в частности, с необходимостью создания, содержания и надлежащей эксплуатации объектов коммунальной инфраструктуры, обслуживающей индивидуальные жилые дома на земельных участках, разрешенное использование которых допускает возведение таких домов, и отвечающей потребности их владельцев в благоприятных условиях проживания.

Исходя из этого Жилищным кодексом Российской Федерации предусматривается возможность создания товариществ собственников жилья собственниками нескольких жилых домов, если эти дома расположены близко, на земельных участках, которые имеют общую границу и в пределах которых имеются сети инженерно-технического обеспечения, другие элементы инфраструктуры, предназначенные для обслуживания более чем одного жилого дома (пункт 2 части 2 статьи 136).

3.1. Обращаясь к вопросу о природе и функциях товарищества собственников жилья, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 3 апреля 1998 года № 10-П отметил, что такое товарищество образуется домовладельцами в целях согласования порядка реализации своих прав по владению, пользованию и, в установленных законодательством пределах, распоряжению общим имуществом в кондоминиуме, а также для осуществления деятельности по содержанию, сохранению и приращению недвижимости в кондоминиуме, распределения между домовладельцами обязанностей по возмещению соответствующих издержек, для обеспечения надлежащего санитарного и технического состояния общего имущества; выбор домовладельцами на основе свободного волеизъявления такого способа управления, как товарищество, означает реализацию их права на создание объединения для достижения названных целей.

Товарищество собственников жилья как вид товарищества собственников недвижимого имущества является, таким образом, правовой формой совместной реализации ими имущественных прав и удовлетворения общих интересов, позволяющей оптимизировать формирование общей воли и исключить необходимость индивидуального участия в гражданском обороте каждого из множества собственников по поводу единого предмета общего интереса благодаря самостоятельной правосубъектности (статусу юридического лица) товарищества, что предполагает совпадение его хозяйственных интересов с общими интересами собственников жилой недвижимости. Аналогичного подхода придерживается и судебная практика, не признающая товарищество собственников жилья хозяйствующим субъектом с самостоятельными экономическими интересами, отличными от интересов его членов (пункт 2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 5 октября 2007 года № 57 «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами дел, касающихся взимания налога на добавленную стоимость по операциям, связанным с предоставлением жилых помещений в пользование, а также с их обеспечением коммунальными услугами и с содержанием, эксплуатацией и ремонтом общего имущества мно-

гоквартирных домов»; постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2009 года № 12537/09; Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за IV квартал 2011 года, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 14 марта 2012 года; определения Верховного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2015 года № 302-ЭС14-1496, от 28 декабря 2015 года № 308-ЭС15-16297 и др.).

3.2. Основания возникновения подлежащих государственной регистрации прав на объекты инфраструктуры, обслуживающей жилые помещения, и отношения по поводу этих объектов регламентируются гражданским и жилищным законодательством в соответствии с требованиями Конституции Российской Федерации, в том числе ее статей 17 (часть 3), 35 (части 1–3) и 40.

Так, права собственников помещений в многоквартирном доме на имущество, функционально и технически предназначенное для обслуживания жилых помещений, определены статьей 290 ГК Российской Федерации и статьей 36 Жилищного кодекса Российской Федерации, в соответствии с которыми такое имущество принадлежит собственникам помещений в многоквартирном доме на праве общей долевой собственности. Нормативно установлен и порядок определения состава общего имущества: согласно части 1 статьи 36 Жилищного кодекса Российской Федерации и положениям раздела I Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме (утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 13 августа 2006 года № 491) к общему имуществу относятся земельный участок, на котором расположен многоквартирный дом, элементы здания (конструктивные элементы, инженерные системы, общие помещения), а также иные объекты, расположенные на том же земельном участке, что и многоквартирный дом, и предназначенные для обслуживания, эксплуатации и благоустройства данного дома, объединенные общим функциональным назначением, заключающимся в создании условий для достойной жизни людей посредством обеспечения возможности эксплуатации помещений в многоквартирном доме исходя из жизненных потребностей их собственников и пользователей, а также в соответствии с нормативно установленными техническими и санитарными требованиями.

Учитывая служебное предназначение объектов общего имущества собственников помещений в многоквартирном доме, объективную потребность собственников помещений в наличии такого имущества, обеспечении его сохранности, поддержании в надлежащем состоянии и постоянном использовании, а также социальную значимость отношений в этой сфере для реализации ряда основных прав и свобод, гарантированных Конституцией Российской Федерации, федеральный законодатель – исходя из того, что право общей долевой собственности на такие объекты, как это вытекает в том числе из статьи 35 Конституции Российской Федерации, носит производный характер, – предусмотрел для них специальный правовой режим.

Соответственно, в силу регулирующих данный правовой режим нормативных положений возникновение права общей долевой собственности на общее имущество в многоквартирном доме производно от приобретения права собственности на помещения в этом доме (статья 289 ГК Российской Федерации и часть 1 статьи 36 Жилищного кодекса Российской Федерации) и не связано с государственной регистрацией прав на объекты, относящиеся к общему имуществу (пункт 2 статьи 23 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», письмо Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии от 9 июля 2012 года № 14-5162-ГЕ). Доля в праве собственности на общее имущество следует судьбе права собственности на помещение в

многоквартирном доме и не подлежит выделу в натуре (пункт 2 статьи 290 ГК Российской Федерации, части 2 и 4 статьи 37 Жилищного кодекса Российской Федерации). Кроме того, по смыслу положений частей 2–4 статьи 36 и пункта 1 части 2 статьи 137 Жилищного кодекса Российской Федерации в их взаимосвязи, общее имущество в многоквартирном доме также не подлежит разделу либо отчуждению в целом третьим лицам.

Что касается возможности распоряжения отдельными объектами из числа общего имущества в многоквартирном доме, включая их обременение правами третьих лиц, то она, как следует из статьи 161 Жилищного кодекса Российской Федерации, обусловлена требованием сохранения комплексом общего имущества функциональных свойств, позволяющих обеспечить надежность и безопасность многоквартирного дома, доступность пользования помещениями и иным имуществом, входящим в состав общего имущества, надлежащую эксплуатацию конструктивных и технических элементов здания, необходимых для поддержания постоянной готовности инженерных коммуникаций, приборов учета и другого оборудования, входящих в состав общего имущества, к осуществлению поставок ресурсов, необходимых для предоставления коммунальных услуг проживающим в многоквартирном доме гражданам. Иной подход к определению пределов распоряжения общим имуществом в многоквартирном доме повлек бы нарушение предписаний статей 17 (часть 3), 35 и 40 Конституции Российской Федерации.

Гарантиями защиты прав собственников помещений в многоквартирном доме от действий, выходящих за пределы законодательно установленных ограничений по распоряжению общим имуществом, являются корпоративные правовые механизмы, предполагающие, в частности, возможность участия указанных лиц в принятии соответствующих решений и их обжалования (статья 46, часть 2 статьи 143 и часть 1 статьи 143¹ Жилищного кодекса Российской Федерации), а также вещно-правовые способы защиты прав (глава 20 ГК Российской Федерации). Использованию этих способов в отношении объектов недвижимости, входящих в состав общего имущества в многоквартирном доме, собственниками помещений в таком доме как законными владельцами данного имущества – в силу специфики его правового режима, установленного жилищным законодательством, – не препятствует несоблюдение предъявляемых к объектам недвижимости требований, связанных с их индивидуализацией (кадастровый учет) и государственной регистрацией прав (соответствующая позиция относительно несформированного земельного участка под многоквартирным домом отражена, в частности, в пункте 67 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 года № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»).

Таким образом, в основе предусмотренного действующим законодательством для комплекса общего имущества в многоквартирном доме особого правового режима (право общей долевой собственности собственников помещений со специальным регулированием) лежат объективные предпосылки – технические и экономические характеристики, предопределяющие ограничение оборотоспособности этого имущества, невозможность его отчуждения в целом третьим лицам, и обусловленные непосредственно свойствами самого многоквартирного дома как объемной строительной системы, включающей в себя помещения, сети и системы инженерно-технического обеспечения и предназначенной для проживания и (или) деятельности людей (пункты 6 и 14 части 2 статьи 2 Федерального закона от 30 декабря

2009 года № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений»).

Что касается правового режима имущества общего пользования собственников индивидуальных жилых домов, то следует принимать во внимание, что в Российской Федерации освоение и застройка земель, отведенных под индивидуальное жилищное строительство и, как правило, переданных в частную собственность, осуществлялись в контексте становления и развития на основе Конституции Российской Федерации, в том числе ее статей 8, 19, 34 и 35, свободных рыночных отношений по поводу оснащения объектов коммунальной инфраструктуры и последующей их передачи собственникам жилых домов, расположенных на земельных участках, составляющих единый элемент планировочной структуры. Это привело к возникновению имущественных прав юридических и физических лиц, в том числе не являющихся собственниками таких жилых домов, на отдельные объекты обслуживающей их инфраструктуры, что требует обеспечения справедливого баланса интересов указанных лиц, понесших расходы на создание, приобретение, реконструкцию и восстановление работоспособности соответствующих объектов, и интересов собственников индивидуальных жилых домов.

Отсутствие в действующем законодательстве единого специального регулирования, посвященного правовому режиму общего имущества в многоквартирном доме и имущества общего пользования собственников индивидуальных жилых домов, обусловлено тем, что обслуживающая индивидуальные жилые дома инфраструктура, в силу своей пространственной обособленности, обладает отличными от общего имущества в многоквартирном доме характеристиками. Соответственно, закон непосредственно не связывает сам по себе факт приобретения права собственности на индивидуальный жилой дом с возникновением доли в праве собственности на имущество общего пользования.

Основания и порядок приобретения прав на отдельные объекты из числа имущества общего пользования определяются земельным и гражданским законодательством. Учитывая принадлежность большинства из соответствующих объектов к недвижимым вещам, права на них согласно пункту 2 статьи 8¹, статье 219, пункту 2 статьи 223 и пункту 1 статьи 234 ГК Российской Федерации, пункту 2 статьи 4 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» подлежат государственной регистрации и возникают с момента такой регистрации. В силу приведенных законоположений государственная регистрация прав на объекты обслуживающей индивидуальные жилые дома инфраструктуры (инженерные сети и системы, трансформаторные подстанции, тепловые пункты, коллективные автостоянки, гаражи, детские и спортивные площадки, дороги и т. д.) завершает юридический состав, влекущий возникновение прав на объект недвижимости.

3.3. По смыслу положений части 4 статьи 136 и части 2 статьи 137 Жилищного кодекса Российской Федерации, участником отношений по созданию и приобретению обслуживающего индивидуальные жилые дома имущества в интересах собственников этих домов может являться созданное ими и обладающее самостоятельной правосубъектностью товарищество собственников жилья, которое в указанном случае представляет в регистрирующий орган соответствующие правоустанавливающие документы, являющиеся основаниями для государственной регистрации наличия, возникновения, прекращения, перехода, ограничения (обременения) прав на недвижимое имущество согласно положениям Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (статьи 17 и 25).

В силу пункта 1 статьи 123¹³ ГК Российской Федерации, части 4 статьи 136 и части 1 статьи 151 Жилищного кодекса Российской Федерации в собственности созданного собственниками индивидуальных жилых домов товарищества собственников жилья может находиться недвижимое и движимое имущество. Следовательно, если стороной сделки по созданию или приобретению объектов обслуживающей жилые дома инфраструктуры в интересах домовладельцев выступает товарищество собственников жилья, оно же и указывается в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним в качестве собственника имущества общего пользования.

Как следует из правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, основанных на положениях статей 8, 17, 19, 35, 40 и 46 Конституции Российской Федерации, законодательное закрепление необходимости государственной регистрации права на недвижимое имущество, являющейся единственным доказательством существования зарегистрированного права на недвижимое имущество, которое может быть оспорено только в судебном порядке, свидетельствует о признании со стороны государства публично-правового интереса в установлении принадлежности недвижимого имущества конкретному лицу, чем обеспечивается защита прав других лиц, стабильность гражданского оборота и предсказуемость его развития (Постановление от 26 мая 2011 года № 10-П; определения от 5 июля 2001 года № 132-О и № 154-О, от 29 января 2015 года № 216-О и др.).

Вместе с тем указание в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним на принадлежность недвижимого имущества, представляющего собой объекты инфраструктуры, предназначенной для обслуживания индивидуальных жилых домов, т. е. имущества общего пользования, юридическому лицу, действующему в организационно-правовой форме «товарищество собственников жилья», предполагает, что у него как собственника такого имущества отсутствует самостоятельный интерес в нем, отличный от интересов его участников, и что данное юридическое лицо распоряжается им в интересах своих участников, не нарушая при этом прав других лиц. В свою очередь, собственники индивидуальных жилых домов, в том числе не являющиеся членами товарищества собственников жилья, которые считают, что их права и законные интересы нарушены действиями данного товарищества, направленными на отчуждение объектов обслуживающей эти дома инфраструктуры, в силу прямого указания абзаца второго пункта 1 статьи 2 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» вправе оспаривать зарегистрированное право на недвижимое имущество (что и было сделано заявителем по настоящему делу).

Соответственно, положения абзаца второго пункта 1 статьи 2 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» — по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего законодательного регулирования — не предполагают, что регистрация права собственности товарищества собственников жилья на объекты обслуживающей индивидуальные жилые дома инфраструктуры препятствует использованию собственниками таких домов, расположенных в границах управляемой товариществом территории, судебной защиты своих гражданских прав, и как таковые не противоречат Конституции Российской Федерации.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 87 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать положения абзаца второго пункта 1 статьи 2 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» в их конституционно-правовом смысле, выявленном в настоящем Постановлении, не противоречащими Конституции Российской Федерации.

2. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

3. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

15 ноября
2016 года,
город Санкт-
Петербург

№ 24-П

по делу о проверке конституционности пункта «б» части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Вологодского областного суда и жалобой граждан Н. В. Королева и В. В. Королевой

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева, руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктами 3 и 3¹ части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97, 99, 101, 102 и 104 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности пункта «б» части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 УИК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явились запрос Вологодского областного суда и жалоба граждан Н. В. Королева и В. В. Королевой. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителями законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Ю. М. Данилова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. В соответствии с Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации осужденным, отбывающим наказание в исправительных колониях особого режима в строгих условиях, разрешается иметь два краткосрочных свидания в течение года (пункт «б» части третьей статьи 125); в строгие условия отбывания наказания по прибытии в исправительную колонию особого режима помещаются все осужденные к пожизненному лишению свободы; перевод из строгих условий отбывания наказания в обычные условия отбывания наказания производится по отбытии не менее 10 лет в строгих условиях отбывания наказания по основаниям, указанным в части шестой статьи 124 данного Кодекса; если в период пребывания в следственном изоляторе к осужденному не применялась мера взыскания в виде водворения в карцер, срок его нахождения в строгих условиях отбывания наказания исчисляется со дня заключения под стражу (часть третья статьи 127).

1.1. Решением Белозерского районного суда Вологодской области от 11 апреля 2016 года удовлетворен административный иск О. В. Мацыни-

ной, состоящей с 26 апреля 2013 года в браке с А. Ю. Мацыниным, который приговором суда от 3 февраля 2014 года осужден к пожизненному лишению свободы, и действующей в своих интересах и интересах их несовершеннолетней дочери, родившейся 27 ноября 2010 года, к федеральному казенному учреждению «Исправительная колония № 18 Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Ямало-Ненецкому автономному округу». Признав незаконным отказ в предоставлении им длительного свидания и возложив на администрацию исправительного учреждения обязанность предоставлять одно такое свидание в течение года, суд первой инстанции сослался в числе прочего на постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 30 июня 2015 года по делу «Хорошенко против России».

Судебная коллегия по административным делам Вологодского областного суда при рассмотрении административного дела по апелляционной жалобе федерального казенного учреждения «Исправительная колония № 18 Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Ямало-Ненецкому автономному округу», в которой указывалось на несоответствие решения Белозерского районного суда Вологодской области действующему законодательству, пришла к выводу о наличии неопределенности в вопросе о конституционности подлежащих применению в этом деле пункта «б» части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 УИК Российской Федерации и, приостановив апелляционное производство, направила в Конституционный Суд Российской Федерации запрос в порядке статьи 101 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» (определение от 10 июня 2016 года).

По мнению судебной коллегии по административным делам Вологодского областного суда, оспариваемые законоположения, как допускающие непредоставление длительных свиданий осужденным к пожизненному лишению свободы в течение продолжительного времени (не менее 10 лет), нарушают конституционное требование об уважении частной и семейной жизни, которому корреспондируют положения международных правовых актов (статья 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, Рекомендация Комитета Министров Совета Европы от 11 января 2006 года Rec (2006) 2 «Европейские пенитенциарные правила», постановление Европейского Суда по правам человека от 30 июня 2015 года по делу «Хорошенко против России»), несоразмерно ограничивают конституционные права осужденного и членов его семьи и тем самым противоречат Конституции Российской Федерации, ее статьям 15 (часть 4), 21, 23 (часть 1) и 55 (часть 3).

1.2. Н. В. Королев, осужденный по совокупности приговоров от 15 мая 2008 года и от 10 апреля 2012 года к пожизненному лишению свободы, прибывший в колонию особого режима 13 мая 2009 года и отбывающий наказание в строгих условиях, и его супруга В. В. Королева, брак с которой был заключен 9 сентября 2009 года, неоднократно обращались в Федеральную службу исполнения наказаний с просьбой о предоставлении им длительных свиданий.

Управлением Федеральной службы исполнения наказаний по Ямало-Ненецкому автономному округу им было разъяснено, что длительные свидания предоставляются только после перевода осужденного из строгих условий отбывания наказания в обычные, что для Н. В. Королева в соответствии с частью третьей статьи 127 УИК Российской Федерации возможно в 2019 году. Бабушкинский районный суд города Москвы, рассмотрев административное исковое заявление Н. В. Королева и В. В. Королевой о признании незаконным отказа администрации колонии особого режима, в которой отбывает наказание Н. В. Королев, в предоставлении им длительных

свиданий, решением от 9 февраля 2016 года признал этот отказ незаконным и обязал администрацию повторно рассмотреть данный вопрос. Однако апелляционным определением судебной коллегии по административным делам Московского городского суда от 4 июля 2016 года указанное решение отменено и принято новое решение — об отказе в удовлетворении заявленных требований.

Как утверждают заявители, положения пункта «б» части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 УИК Российской Федерации — в той мере, в какой они устанавливают для осужденных к пожизненному лишению свободы абсолютный запрет на длительные свидания в течение как минимум первых 10 лет заключения, — исключают естественное зачатие ребенка, что при невозможности применения вспомогательных репродуктивных технологий является жестоким и бесчеловечным обращением и наказанием, нарушением права на семейную жизнь, в том числе лица, не совершавшего преступлений против общества и государства, и тем самым противоречат статьям 15 (часть 4), 21 и 23 Конституции Российской Федерации, а также статьям 3 и 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в их истолковании Европейским Судом по правам человека.

1.3. Положения части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 УИК Российской Федерации уже являлись предметом обращения в Конституционный Суд Российской Федерации в порядке конкретного нормоконтроля. Придя к выводу о том, что конституционные права заявителей в их конкретных делах оспариваемыми законоположениями нарушены не были, Конституционный Суд Российской Федерации отказал в принятии к рассмотрению соответствующих жалоб (определения от 24 мая 2005 года № 257-О по жалобам гражданина А. А. Хорошенко и от 9 июня 2005 года № 248-О по жалобе граждан В. А. Захаркина и И. Н. Захаркиной). Европейский Суд по правам человека признал непредоставление осужденным к пожизненному лишению свободы долгосрочных свиданий с близкими родственниками в течение первых 10 лет отбывания наказания нарушением со стороны Российской Федерации статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (постановление от 30 июня 2015 года по делу «Хорошенко против России»).

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 6 декабря 2013 года № 27-П, наличие определения Конституционного Суда Российской Федерации, в котором содержится вывод об отсутствии нарушения конституционных прав заявителя оспаривавшимися законоположениями, примененными судом в его конкретном деле, не исключает обращения в Конституционный Суд Российской Федерации в надлежащей процедуре любого из управомоченных на то субъектов с требованием проверить конституционность тех же законоположений. При этом Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что он принимает решение по делу, оценивая как буквальный смысл оспариваемой нормы, так и смысл, придаваемый ей официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из ее места в системе правовых норм, поэтому содержащийся в окончательном постановлении Европейского Суда по правам человека вывод о нарушении прав, гарантированных Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, положениями российского законодательства, примененными в конкретном деле заявителя, может свидетельствовать о неопределенности в вопросе о соответствии этих законоположений Конституции Российской Федерации и — при наличии надлежащего обращения — явиться основанием для возбуждения конституционного судопроизводства.

При таких обстоятельствах Конституционный Суд Российской Федерации полагает возможным вернуться к вопросу о конституционности поло-

жений части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 УИК Российской Федерации и принять к рассмотрению жалобу граждан Н. В. Королева и В. В. Королевой и запрос Вологодского областного суда, соединив их в одном производстве.

Соответственно, пункт «б» части третьей статьи 125 и часть третья статьи 127 УИК Российской Федерации являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку на основании содержащихся в них положений разрешается вопрос о регламентации (ограничении) права на длительные свидания в отношении осужденных к пожизненному лишению свободы, отбывающих наказание в строгих условиях.

2. Принимая определения от 24 мая 2005 года № 257-О и от 9 июня 2005 года № 248-О, Конституционный Суд Российской Федерации исходил из того, что законоположения, предоставляющие осужденным к пожизненному заключению право на длительные свидания не ранее, чем по отбытии ими 10 лет лишения свободы, установлены федеральным законодателем в пределах предоставленных ему полномочий и в конкретных делах заявителей, по жалобам которых были приняты указанные определения, не нарушают справедливый баланс между интересами общества в целом и интересами личности.

Тем не менее в рамках настоящего дела Конституционный Суд Российской Федерации – с учетом того, что по вопросу о конституционности положений пункта «б» части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 УИК Российской Федерации итоговое решение в виде постановления ранее не принималось, – считает необходимым обратиться к правовым позициям Европейского Суда по правам человека, сформированным после принятия определений Конституционного Суда Российской Федерации от 24 мая 2005 года № 257-О и от 9 июня 2005 года № 248-О на основе новых подходов к социализации заключенных и гуманизации отбывания уголовного наказания, которые нашли отражение в правовых документах Организации Объединенных Наций и Совета Европы.

2.1. Рекомендация Комитета Министров Совета Европы от 11 января 2006 года Rec (2006) 2 «Европейские пенитенциарные правила» ориентирует на такую организацию содержания заключенных, которая способствовала бы возвращению лиц, лишенных свободы, в общество (правило 6), и на такую организацию посещений заключенных, которая давала бы им возможность максимально естественно поддерживать и укреплять семейные отношения (правило 24.4).

Как отмечается в меморандуме Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания от 27 июня 2007 года, нередко пожизненное или долговременное лишение свободы приводит к разрушению супружеских и семейных отношений, которые питаются эмоциональными связями; предотвращение обесценивания этих отношений имеет существенное значение для поддержания психического здоровья заключенных и является дополнительной мотивацией для позитивного использования ими времени пребывания в заключении; соответственно, необходимо, чтобы условия отбывания пожизненного или долгосрочного лишения свободы способствовали поддержанию семейных и супружеских отношений, что требует принятия мер, позволяющих избежать их ухудшения, в том числе путем обеспечения доступности семейных посещений, отсутствие которых может иметь пагубные последствия для психического здоровья заключенного и мотивации к позитивному использованию времени пребывания в заключении.

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 69/172 от 18 декабря 2014 года «Права человека при отправлении правосудия» признает важность принци-

па, в соответствии с которым лица, лишённые свободы, должны продолжать пользоваться не допускающими отступлений правами человека и всеми другими правами человека и основными свободами, за исключением тех законных ограничений, необходимость которых явно обусловлена фактом лишения свободы, и напоминает, что социальная реабилитация и реинтеграция лиц, лишённых свободы, как одна из важнейших целей системы уголовного правосудия, должна быть направлена, насколько это возможно, на то, чтобы правонарушители были готовы вести законопослушный образ жизни и обеспечивать свое существование по возвращении в общество. Рассмотреть возможность разработки и усиления политики в интересах семей заключённых призывает государства и одобренная Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 70/174 от 17 декабря 2015 года Дохинская декларация (подпункт «j» пункта 5).

В Минимальных стандартных правилах ООН в отношении обращения с заключёнными (Правила Нельсона Манделы), принятых Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 70/175 от 17 декабря 2015 года, подчеркивается, что особое внимание следует уделять поддержанию и укреплению связей между заключённым и его семьёй, которые представляются желательными и служат интересам обеих сторон (правило 106); дисциплинарные взыскания или ограничительные меры не должны включать запрет на контакты с семьёй; ограничения на такие контакты могут устанавливаться лишь на непродолжительный срок и только если это требуется для поддержания безопасности и порядка (пункт 3 правила 43); заключённым следует давать возможность общаться через регулярные промежутки времени и под должным надзором с их семьями, в том числе в ходе свиданий (пункт 1 правила 58).

2.2. Гарантируя каждому право на уважение его частной и семейной жизни, статья 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод вместе с тем допускает вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права в случаях, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности либо защиты прав и свобод других лиц.

В своей практике применения данной статьи Европейский Суд по правам человека исходит из того, что содержание под стражей, как любая другая мера лишения свободы, влечёт естественные ограничения частной и семейной жизни, однако существенной составляющей права заключённого на уважение семейной жизни является разрешение или, при необходимости, содействие со стороны властей в поддержании контакта с близкими родственниками; соответственно, регулирование вопросов предоставления свиданий осуждённым к лишению свободы, в том числе на длительные или пожизненные сроки, не должно приводить к установлению негибких, шаблонных ограничений, а потому от государств — участников Конвенции ожидается развитие техники оценки соразмерности, позволяющей уравнивать конкурирующие индивидуальные и публичные интересы и принимать во внимание особенности каждого конкретного дела (постановления от 23 февраля 2012 года по делу «Тросин против Украины», от 30 июня 2015 года по делу «Хорошенко против России» и др.).

Отмечая, что среди государств — участников Конвенции о защите прав человека и основных свобод минимальная частота свиданий в местах лишения свободы — если это касается осуждённых к пожизненному лишению свободы — составляет не менее одного раза каждые два месяца, т. е. их количество в целом равно шести в год, Европейский Суд по правам челове-

ка признает, что на европейском уровне отправной точкой в регулировании права на свидания осужденных к пожизненному лишению свободы является обязанность государства предотвращать разрушение семейных связей и обеспечивать их разумно хорошим уровнем контактов с семьями, свиданиями, организованными как можно чаще и в столь нормальной обстановке, насколько это возможно (постановление от 30 июня 2015 года по делу «Хорошенко против России»).

Таким образом, правовое регулирование порядка предоставления свиданий осужденным к лишению свободы с членами их семей должно, не препятствуя процессу исполнения наказания и не создавая угрозы для общественной и личной безопасности, учитывать признаваемые государством непротивоправные интересы этих лиц, обеспечивать как исправление осужденного, так и сохранение, поддержку социально полезных семейных отношений, не допуская чрезмерного (по длительности или по объему) вмешательства в частную жизнь, необоснованных или недифференцированных ограничений, не зависящих от характера поведения осужденного или его близких, что требует нахождения баланса соответствующих публичных и частных интересов.

В связи с этим Европейский Суд по правам человека в постановлении от 30 июня 2015 года по делу «Хорошенко против России» не согласился с тем, что ограничение права на длительные свидания в течение десятилетнего периода вытекает из существа пожизненного лишения свободы, поскольку в отношении заявителя условия предоставления данного права выражались в таком сочетании ограничений, которое существенно ухудшало его положение по сравнению с положением обычного российского заключенного, отбывающего длительный срок лишения свободы, и которое нельзя считать неизбежным или присущим самому понятию наказания в виде лишения свободы. Принимая во внимание всю совокупность продолжительных и суровых ограничений возможности иметь длительные свидания в колонии и тот факт, что условия ее предоставления не придают должного значения принципу пропорциональности и необходимости перевоспитания и реинтеграции осужденных к пожизненному лишению свободы, Европейский Суд по правам человека пришел к выводу, что в данном случае отсутствует справедливое равновесие между правом заявителя на защиту частной и семейной жизни, с одной стороны, и целями уголовного наказания, на которые ссылалось государство-ответчик, — с другой, и что государство-ответчик вышло за рамки имеющейся у него свободы усмотрения.

Одновременно Европейский Суд по правам человека отметил, что подход к оценке соразмерности мер, принятых государством со ссылкой на «цели наказания», за последние годы изменился и теперь большее значение придается необходимости установления надлежащего баланса между наказанием и исправлением заключенных, в связи с чем акцент на реабилитацию и реинтеграцию становится обязательным фактором, который государствам — участникам Конвенции о защите прав человека и основных свобод следует учитывать при разработке своей уголовной политики.

2.3. Как следует из Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 года № 21-П, взаимодействие европейского и конституционного правопорядка невозможно в условиях субординации, поскольку только диалог между различными правовыми системами является основой их надлежащего равновесия и от уважения Европейским Судом по правам человека национальной конституционной идентичности государств — участников Конвенции о защите прав человека и основных свобод во многом зависит эффективность ее норм во внутригосударственном правопорядке; соответственно, Конституционный Суд Российской Федерации,

признавая фундаментальное значение европейской системы защиты прав и свобод человека и гражданина, частью которой являются постановления Европейского Суда по правам человека, готов к поиску правомерного компромисса ради поддержания этой системы, но оставляет за собой определение степени своей готовности к нему, поскольку границы компромисса в данном вопросе очерчивает именно Конституция Российской Федерации.

Оценивая законодательные нормы на их соответствие Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации при принятии решения исходит из того, какое толкование – данное им на основе положений Конституции Российской Федерации или данное Европейским Судом по правам человека на основе положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод – лучше обеспечивает права и свободы человека и гражданина в правовой системе Российской Федерации с учетом баланса конституционно защищаемых ценностей и международно-правового регулирования статуса личности, имея в виду не только лиц, непосредственно обратившихся за их защитой, но и всех тех, чьи права и свободы могут быть затронуты оспариваемым регулированием. Соответственно, если из толкования положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейским Судом по правам человека вытекают повышенные гарантии прав определенной категории граждан, не посягая при этом на иные охраняемые Конституцией Российской Федерации ценности, необходимо – в силу правовой позиции, выраженной в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 года № 21-П, – определение возможных путей гармонизации подхода, используемого Европейским Судом по правам человека, и российского законодательства.

Применительно к вопросу о конституционности законоположений, предусматривающих, что осужденные к пожизненному заключению имеют право на длительные свидания не ранее, чем по отбытии ими 10 лет лишения свободы, Конституционный Суд Российской Федерации – принимая во внимание подход, сложившийся в правоприменительной практике Европейского Суда по правам человека на основе современных тенденций социализации заключенных и гуманизации условий отбывания уголовного наказания, – не связан вытекающим из его определений от 24 мая 2005 года № 257-О и от 9 июня 2005 года № 248-О, принятых в рамках конкретного нормоконтроля, выводом об отсутствии неопределенности в этом вопросе, тем более что подход Европейского Суда по правам человека не вступает в противоречие с российскими конституционными установлениями.

3. В Российской Федерации как правовом государстве человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита – обязанностью государства; права и свободы человека и гражданина признаются и гарантируются в Российской Федерации согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации, они определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием (статья 1, часть 1; статья 2; статья 17, часть 1; статья 18 Конституции Российской Федерации).

Согласно Конституции Российской Федерации достоинство личности охраняется государством, ничто не может быть основанием для его умаления; никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию (статья 21); каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (статья 23, часть 1); семья, материнство, отцовство и детство в Российской Федерации находятся под защитой государства (статья 7, часть 2; статья 38, часть 1); ограничения прав и свобод человека и гражданина возможно федеральным законом

только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (статья 55, часть 3).

Как следует из статьи 71 (пункты «в», «о») Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 22, 32 (часть 3), 49 (часть 1) и 50 (часть 3), федеральный законодатель вправе предусмотреть пожизненное лишение свободы как меру наказания, назначаемую осужденному за преступление по приговору суда, а также порядок и условия исполнения и отбывания данного вида наказания. Обладая широкой дискрецией в регулировании этих вопросов, он вместе с тем обязан соблюдать вытекающие из статей 1, 2, 15, 17, 18, 19, 49, 50, 54 и 55 Конституции Российской Федерации и признаваемые Российской Федерацией как правовым государством общие принципы юридической, в том числе уголовно-правовой, ответственности, такие как справедливость, равенство, соразмерность, законность, вина, гуманизм, ориентируясь при этом не только на истолкование названных принципов Конституционным Судом Российской Федерации, но и на соответствующие правовые позиции Европейского Суда по правам человека в их динамике.

Закрепляя в статье 50 (часть 3) право каждого осужденного за преступление просить о помиловании или смягчении наказания, Конституция Российской Федерации тем самым не исключает и возможность освобождения осужденного к пожизненному лишению свободы, что обязывает федерального законодателя учитывать при определении ограничений, составляющих сущность такого наказания, необходимость достижения всех целей наказания, которыми в соответствии с частью второй статьи 43 УК Российской Федерации являются не только восстановление социальной справедливости и предупреждение совершения новых преступлений, но и исправление осужденного.

Соответственно, федеральный законодатель, регулируя условия отбывания пожизненного лишения свободы, обязан вводить лишь необходимые ограничения, обеспечивая, по возможности, не только правопослушное поведение осужденных в период отбывания наказания и их исправление, но и подготовку к допуске к допуске Конституцией Российской Федерации – на основании акта помилования, амнистии или решения суда об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания – возможному освобождению. При этом он должен исходить из того, что в целом осужденные обладают теми же правами и свободами, что и остальные граждане, за изъятиями, обусловленными особенностями их личности, совершенных ими преступлений и специальным режимом мест лишения свободы, а потому как вводимые им ограничения, так и критерии их дифференциации должны отвечать требованиям справедливости, равенства, соразмерности, законности и гуманизма (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июня 2005 года № 248-О).

Установление федеральным законом уголовной ответственности и наказания без учета личности виновного и иных обстоятельств, имеющих объективное и разумное обоснование и способствующих адекватной юридической оценке общественной опасности как самого преступного деяния, так и совершившего его лица, и применение мер ответственности без учета характеризующих личность виновного обстоятельств противоречили бы конституционному запрету дискриминации и выраженным в Конституции Российской Федерации принципам справедливости и гуманизма. Из приведенной правовой позиции, изложенной в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 19 марта 2003 года № 3-П, вытекает необ-

ходимость соблюдения дифференцированного подхода и к определению в уголовно-исполнительном законодательстве условий отбывания конкретных видов наказания.

4. В соответствии с Исправительно-трудовым кодексом РСФСР в исправительных колониях особого режима отбывали наказание мужчины, осужденные при особо опасном рецидиве преступлений, лица, осужденные к пожизненному лишению свободы, а также лица, которым смертная казнь заменена пожизненным лишением свободы в порядке помилования; такие осужденные имели право в течение года на три краткосрочных и два длительных свидания (части первая и вторая статьи 65). Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, введенный в действие 1 июля 1997 года, изменил порядок отбывания пожизненного лишения свободы, исключив предоставление длительных свиданий в течение всего периода нахождения осужденного в строгих условиях и одновременно установив безусловное (обязательное) сохранение режима таких условий в первые 10 лет отбывания наказания.

С учетом того, что в Российской Федерации действует конкретизирующий закрепленные Конституцией Российской Федерации гарантии права на жизнь комплексный мораторий на применение смертной казни и что сформировались устойчивые гарантии права не быть подвергнутым смертной казни (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2009 года № 1344-О-Р), пожизненное лишение свободы в настоящее время фактически замещает смертную казнь (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 мая 2014 года № 16-П).

Пожизненное лишение свободы выступает в качестве наиболее строгой из всех в настоящий момент реально возможных мер наказания за наиболее опасные виды преступлений (согласно части первой статьи 57 УК Российской Федерации – за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, а также за совершение особо тяжких преступлений против здоровья населения и общественной нравственности, общественной безопасности, половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста), что предполагает и наибольший комплекс ограничений прав и свобод для лиц, их совершивших. Соответственно, установление для осужденных к пожизненному лишению свободы более длительного (по сравнению с осужденными к определенным срокам лишения свободы) периода строгих условий отбывания наказания направлено на дифференциацию условий отбывания наказания с учетом характера совершенных преступлений и строгости назначенного за них наказания и как таковое создает предпосылки для достижения целей наказания.

4.1. К числу важнейших элементов российской системы исполнения наказаний относятся институты воспитательного воздействия (включая меры поощрения и взыскания) и перевода осужденных из одних условий отбывания наказания в другие. При регулировании данных институтов федеральный законодатель не может не учитывать, что они не только потенциально способствуют исправлению осужденного, но и призваны обеспечивать реализацию прав членов его семьи в сфере семейных отношений.

Исходя из этого федеральный законодатель предусмотрел в качестве одной из мер поощрения осужденных к лишению свободы возможность предоставления им помимо свиданий, на которые они имеют право в силу закона, до четырех дополнительных краткосрочных или длительных свиданий в течение года (пункт «е» части первой статьи 113 и часть вторая статьи 114 УИК Российской Федерации), не оговорив при этом ни ограничений, ни исключения их применения в отношении осужденных к пожизненному лишению свободы. Статья 89 УИК Российской Федерации, закрепляя, что осужденным к лишению свободы предоставляются краткосрочные свидания

ния продолжительностью четыре часа и длительные свидания продолжительностью трое суток на территории исправительного учреждения с супругом (супругой), родителями, детьми, усыновителями, усыновленными, родными братьями и сестрами, дедушками, бабушками, внуками, а с разрешения начальника исправительного учреждения — с иными лицами (части первая и вторая), по существу, также признает право на длительные свидания за всеми категориями осужденных к лишению свободы, а следовательно, и за осужденными к пожизненному лишению свободы. Между тем в правоприменительной практике, как следует из ответа Федеральной службы исполнения наказаний, полученного Конституционным Судом Российской Федерации при рассмотрении настоящего дела, указанным законоположением — во взаимосвязи с пунктом «б» части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 УИК Российской Федерации — придается смысл, исключающий предоставление осужденным к пожизненному лишению свободы длительных свиданий в качестве меры поощрения до их перевода в обычные или облегченные условия отбывания наказания.

Между тем согласно положениям статьи 127 УИК Российской Федерации перевод осужденных к пожизненному лишению свободы из строгих условий отбывания наказания в обычные производится по отбытии не менее 10 лет в строгих условиях отбывания наказания по основаниям, указанным в части шестой статьи 124 данного Кодекса (часть третья); по отбытии не менее 10 лет в обычных условиях отбывания наказания осужденные могут быть переведены в облегченные условия по основаниям, указанным в части второй статьи 124 данного Кодекса (часть четвертая); осужденные, признанные злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания и отбывающие наказание в облегченных условиях, переводятся в обычные или строгие условия отбывания наказания, а осужденные, отбывающие наказание в обычных условиях, — в строгие условия отбывания наказания; повторный перевод в обычные либо облегченные условия отбывания наказания производится в порядке, предусмотренном частями третьей и четвертой данной статьи (часть пятая).

Тем самым в течение первых 10 лет отбывания пожизненного лишения свободы перевод осужденного, независимо от характера его поведения, в иные условия отбывания наказания невозможен, что в правоприменительной практике приводит к истолкованию положений пункта «б» части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 УИК Российской Федерации как полностью исключающих предоставление таким осужденным в этот период длительных свиданий, не позволяя оценивать характер их поведения (как демонстрирующего стремление к исправлению, так и отражающего негативное отношение к общественно значимым ценностям), а также индивидуализировать меры воспитательного воздействия на них. Поскольку же применение мер поощрения в целях воспитательного воздействия на заключенного в определяющей степени остается в сфере усмотрения администрации уголовно-исполнительного учреждения, предоставление осужденным к пожизненному лишению свободы длительных свиданий в качестве меры поощрения не может рассматриваться как единственная форма решения конституционной проблемы, поставленной заявителями по настоящему делу.

4.2. Таким образом, положения пункта «б» части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 УИК Российской Федерации не соответствуют Конституции Российской Федерации, ее статьям 15 (часть 4), 17 (часть 1), 23 (часть 1) и 55 (часть 3), во взаимосвязи со статьей 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в ее интерпретации Европейским Судом по правам человека в той мере, в какой они исключают возможность предоставления длительных свиданий лицам, осужденным к пожизненному лишению свободы, в течение первых 10 лет отбывания наказания.

В целях достижения баланса конституционно значимых ценностей и в интересах субъектов права Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь пунктом 12 части первой статьи 75 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», считает возможным определить следующий порядок исполнения настоящего Постановления:

федеральному законодателю надлежит – руководствуясь требованиями Конституции Российской Федерации и с учетом изложенных в настоящем Постановлении правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека – предусмотреть условия и порядок реализации лицами, осужденными к пожизненному лишению свободы, права на длительные свидания;

впредь до внесения в правовое регулирование надлежащих изменений, вытекающих из настоящего Постановления, осужденным к пожизненному лишению свободы должна предоставляться возможность иметь одно длительное свидание в год с лицами, указанными в части второй статьи 89 УИК Российской Федерации. С учетом этого пересмотр состоявшихся по делу граждан Королева Николая Валентиновича и Королевой Вероники Владимовны правоприменительных решений, в связи с которыми они обратились в Конституционный Суд Российской Федерации, для целей защиты их конституционных прав не требуется.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 80, 100 и 104 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать положения пункта «б» части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 УИК Российской Федерации – в той мере, в какой они исключают возможность предоставления длительных свиданий лицам, осужденным к пожизненному лишению свободы, в течение первых 10 лет отбывания наказания, – не соответствующими статьям 15 (часть 4), 17 (часть 1), 23 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи со статьей 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в ее интерпретации Европейским Судом по правам человека.

2. Федеральному законодателю надлежит – исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций, выраженных Конституционным Судом Российской Федерации в настоящем Постановлении, а также соответствующих правовых позиций Европейского Суда по правам человека – установить условия и порядок реализации лицами, осужденными к пожизненному лишению свободы, права на длительные свидания.

Впредь до внесения в правовое регулирование надлежащих изменений, вытекающих из настоящего Постановления, осужденным к пожизненному лишению свободы должна предоставляться возможность иметь одно длительное свидание в год с лицами, указанными в части второй статьи 89 УИК Российской Федерации.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

17 ноября
2016 года,
город Санкт-
Петербург

№ 25-П

по делу о проверке конституционности части 4 статьи 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина Е. С. Сизикова

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева, руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности части 4 статьи 27.5 КоАП Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина Е. С. Сизикова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика С. Д. Князева, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно статье 27.5 КоАП Российской Федерации лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, влекущем в качестве одной из мер административного наказания административный арест, может быть подвергнуто административному задержанию на срок не более 48 часов (часть 3); срок административного задержания лица исчисляется с момента доставления в целях составления протокола об административном правонарушении в соответствии со статьей 27.2 данного Кодекса, а лица, находящегося в состоянии опьянения, — со времени его вытрезвления (часть 4).

1.1. Конституционность части 4 статьи 27.5 КоАП Российской Федерации оспаривает гражданин Е. С. Сизиков, который постановлением Бабушкинского районного суда города Москвы от 1 апреля 2013 года был признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 2 статьи 20.1 данного Кодекса (мелкое хулиганство, сопряженное с неповиновением законному требованию представителя власти либо иного лица, исполняющего обязанности по охране общественного порядка или пресекающего нарушение общественного порядка). Учитывая, что на момент административного задержания Е. С. Сизиков согласно проведенному медицинскому освидетельствованию находился в состоянии алкогольного опьянения, а следовательно, срок его административного задержания подлежал исчислению со времени вытрезвления, суд, руководствуясь

частью 3 статьи 3.9 КоАП Российской Федерации, засчитал в срок отбывания назначенного ему административного наказания в виде административного ареста на 12 суток время административного задержания, которое составило 59 часов — начиная с 23 часов 29 марта 2013 года и заканчивая 10 часами 1 апреля 2013 года.

Производство по гражданскому делу по заявлению Е. С. Сизикова о признании незаконными действий, связанных с применением к нему административного задержания на срок свыше 48 часов без судебного решения, а также о признании права на компенсацию морального вреда было прекращено Бабушкинским районным судом города Москвы, который посчитал рассмотрение заявленных требований в порядке гражданского судопроизводства невозможным на том основании, что они неразрывно связаны с соответствующим делом об административном правонарушении и не могут быть предметом самостоятельного обжалования вне производства по делу об административном правонарушении (определение от 17 июня 2015 года).

Оставляя без удовлетворения жалобу Е. С. Сизикова на постановление Бабушкинского районного суда города Москвы от 1 апреля 2013 года, поданную в порядке главы 30 КоАП Российской Федерации, Московский городской суд в постановлении от 2 октября 2015 года указал, что превышение в отношении Е. С. Сизикова предусмотренного частью 3 статьи 27.5 данного Кодекса максимального срока административного задержания (48 часов) не повлияло на правильное установление фактических обстоятельств дела, юридическую квалификацию действий Е. С. Сизикова в качестве административного правонарушения, предусмотренного частью 2 статьи 20.1 данного Кодекса, и обоснованность применения к нему административного наказания в виде административного ареста. При этом Е. С. Сизикову было разъяснено, что он вправе обжаловать в суде законность действий должностного лица, производившего административное задержание, но не в порядке производства по делам об административных правонарушениях, а в ином установленном законодательством порядке.

С данными выводами согласился Верховный Суд Российской Федерации, который постановлением от 14 января 2016 года оставил жалобу Е. С. Сизикова на постановление Бабушкинского районного суда города Москвы от 1 апреля 2013 года и постановление Московского городского суда от 2 октября 2015 года без удовлетворения, не усмотрев нарушений закона при привлечении его к административной ответственности по части 2 статьи 20.1 КоАП Российской Федерации и попутно подтвердив, что жалобы на действия (бездействие) должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении, подлежат рассмотрению и разрешению в ином судебном порядке.

1.2. По мнению гражданина Е. С. Сизикова, часть 4 статьи 27.5 КоАП Российской Федерации, устанавливающая исчисление срока административного задержания лица, находящегося в состоянии опьянения, не с момента доставления его в отдел полиции, а со времени вытрезвления, позволяет подвергать такое лицо административному задержанию на срок более 48 часов без судебного решения, что прямо противоречит Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 22 (часть 2) и 55 (часть 2).

Заявитель ранее обращался в Конституционный Суд Российской Федерации с теми же требованиями, однако Конституционный Суд Российской Федерации Определением от 25 февраля 2016 года № 248-О отказал в принятии его жалобы к рассмотрению на том основании, что жалоба поступила в Конституционный Суд Российской Федерации 22 января 2016 года, а в качестве доказательства применения в деле заявителя части 4 статьи 27.5 КоАП Российской Федерации к ней было приложено постановление Ба-

бушкинского районного суда города Москвы от 1 апреля 2013 года; согласно же предписанию пункта 2 статьи 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» жалоба должна быть подана в срок не позднее одного года после рассмотрения дела в суде.

Поскольку вновь направленная в Конституционный Суд Российской Федерации жалоба Е. С. Сизикова на нарушение его конституционных прав частью 4 статьи 27.5 КоАП Российской Федерации дополнена указанием на ее применение в отношении заявителя другими судами, что подтверждается копиями постановления Московского городского суда от 2 октября 2015 года и постановления Верховного Суда Российской Федерации от 14 января 2016 года, Конституционный Суд Российской Федерации полагает, что его Определение от 25 февраля 2016 года № 248-О не может препятствовать принятию к рассмотрению данной жалобы, которая отвечает критериям допустимости, как они определены Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Таким образом, с учетом требований статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» часть 4 статьи 27.5 КоАП Российской Федерации является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку на ее основании разрешается вопрос о сроке административного задержания лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, влекущем в качестве одной из мер административного наказания административный арест, в случае если это лицо в момент административного задержания находится в состоянии опьянения.

2. Согласно статье 22 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность (часть 1); арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению; до судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов (часть 2).

Как следует из статей 1 (часть 1), 2, 15 (часть 4), 17 (части 1 и 2), 19 (части 1 и 2), 21 (часть 1), 55 (части 2 и 3) и 64 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с положениями являющихся составной частью правовой системы России Всеобщей декларации прав человека (статья 3), Международного пакта о гражданских и политических правах (статья 9) и Конвенции о защите прав человека и основных свобод (статья 5), право на свободу и личную неприкосновенность, будучи неотчуждаемым и принадлежащим каждому от рождения, относится к числу основных прав человека, приверженность к всеобщему пониманию и соблюдению которых получила международно-правовое признание; оно воплощает в себе наиболее значимое социальное благо, без которого немислимо достоинство и ценность человеческой личности и демократическое правовое устройство общества и государства; его уважение и защита исключают возможность произвольного вмешательства в сферу индивидуальной автономии человека, допуская ограничение свободы и личной неприкосновенности на основе принципов правовой определенности и справедливости и с соблюдением конституционных критериев необходимости и соразмерности, препятствующих невозможной утрате самого существа данного права, образующего, наряду с иными конституционными правами и свободами человека и гражданина, основы правового статуса личности в Российской Федерации.

Конституционные характеристики права каждого на свободу и личную неприкосновенность коррелируют с его общеевропейскими стандартами, которые закреплены в статье 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, не допускающей лишения свободы иначе как в случаях и в

порядке, установленных законом. К числу таких случаев данная статья относит задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения (подпункт «с» пункта 1), и предусматривает, что каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение (пункт 2); каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом «с» ее пункта 1 незамедлительно доставляется к судье или иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда, которое может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд (пункт 3); каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным (пункт 4); каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений данной статьи, имеет право на компенсацию (пункт 5). Надлежащее обеспечение провозглашенного в статье 22 Конституции Российской Федерации и статье 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод права на свободу и личную неприкосновенность подразумевает, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, эффективную защиту от задержания, ареста, заключения под стражу или лишения свободы в иных формах без предусмотренных законом оснований и сверх установленных временных пределов; любые принудительные меры, применяемые в целях ограничения личной свободы и неприкосновенности, должны осуществляться только с соблюдением конституционных и конвенционных требований; до судебного решения граждане (иностранцы, лица без гражданства) могут быть при необходимости принудительно подвергнуты задержанию или иному лишению свободы на срок не свыше 48 часов; судебное решение призвано гарантировать лицу защиту не только от произвольного продления срока задержания сверх 48 часов, но и от неправомерного задержания как такового посредством беспристрастной оценки законности и обоснованности его применения; задержание на неопределенный срок не может рассматриваться как допустимое ограничение права каждого на свободу и личную неприкосновенность и, по сути, является умалением этого права (постановления от 13 июня 1996 года № 14-П, от 17 февраля 1998 года № 6-П, от 6 декабря 2011 года № 27-П и др.).

Выявляя смысл конституционных гарантий права на свободу и личную неприкосновенность, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что они распространяются не только на указанные в статье 22 Конституции Российской Федерации арест, заключение под стражу и содержание под стражей, но и на все другие виды лишения свободы; понятие «лишение свободы», которое по своему конституционно-правовому смыслу имеет автономное значение, охватывает собой любые вводимые в отраслевом законодательстве меры, если они фактически влекут лишение свободы (будь то санкция за правонарушение или принудительные меры, обеспечивающие производство по делу), а потому они должны отвечать критериям правомерности, производным от предписаний статьи 22 Конституции Российской Федерации и статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, составляющих нормативную основу регулирования мер допустимого лишения свободы в сфере преследования за совершение уголовных и административных правонарушений (постановления от 16 июня 2009 года № 9-П, от 20 июля 2011 года № 20-П, от 6 декабря 2011 года № 27-П и др.).

Европейский Суд по правам человека в своем толковании статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод также исходит из того, что лишение физической свободы в реальности может приобретать разнообразные формы, не всегда адекватные классическому тюремному заключению; различие между лишением свободы и ограничением свободы состоит лишь в степени или интенсивности, а не в самом характере или сути; их восприятие должно базироваться не на формальных, а на существенных признаках, таких как принудительное пребывание в ограниченном пространстве, изоляция человека от общества и семьи, невозможность свободного передвижения и общения с неограниченным кругом лиц; любое лишение свободы должно отвечать конвенционным критериям, защищающим человека от произвола властей, а основания его законности нельзя трактовать расширительно, поскольку они являются исключениями из фундаментальных гарантий личной свободы человека (постановления от 6 ноября 1980 года по делу «Гуццарди (*Guzzardi*) против Италии», от 24 ноября 1994 года по делу «Кеммаш (*Kemmache*) против Франции» (№ 3), от 25 мая 1998 года по делу «Курт (*Kurt*) против Турции», от 16 июля 2015 года по делу «Алексей Борисов против России» и др.).

Таким образом, положения статьи 22 Конституции Российской Федерации и статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод вкупе с выявляющими их смысл правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека определяют основания и пределы допустимых законодательных ограничений — независимо от их отраслевых юридических характеристик и целевого предназначения — права на свободу и личную неприкосновенность, если фактическим следствием их применения является лишение (ограничение) свободы.

Применительно к административному задержанию в качестве меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении это означает, что федеральный законодатель, закрепляя условия и сроки его применения, обязан — во исполнение предписаний статей 2, 15 (части 1 и 4), 17 (часть 1), 18, 19 (части 1 и 2), 22, 55 (часть 3), 71 (пункты «а», «в»), 72 (пункт «к» части 1) и 76 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации — исключить возможность необоснованного, несоразмерного и произвольного ограничения свободы привлекаемого к административной ответственности лица.

3. В соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях административное задержание является — наряду с доставлением, приводом и помещением в специальные учреждения иностранных лиц или лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации, — одной из мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, связанных с принудительным ограничением свободы, которые могут быть применены уполномоченными лицами в целях пресечения административного правонарушения, установления личности нарушителя, составления протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте выявления административного правонарушения, а также для обеспечения своевременного и правильного рассмотрения дела об административном правонарушении и исполнения принятого по делу постановления (часть 1 статьи 27.1).

Административное задержание представляет собой кратковременное ограничение свободы физического лица, применяемое в исключительных случаях, когда это необходимо для обеспечения правильного и своевременного рассмотрения дела об административном правонарушении, исполнения по-

становления по делу об административном правонарушении; его вправе осуществлять должностные лица органов внутренних дел (полиции), иных уполномоченных государственных органов и учреждений; по просьбе задержанного лица о месте его нахождения в кратчайший срок уведомляются родственники, администрация по месту работы (учебы), а также защитник; об административном задержании несовершеннолетнего в обязательном порядке уведомляются его родители или иные законные представители; задержанному лицу разъясняются его права и обязанности, о чем делается соответствующая запись в протоколе об административном задержании (статья 27.3 КоАП Российской Федерации).

О каждом случае административного задержания составляется протокол, в котором указываются дата и место его составления, должность, фамилия и инициалы лица, составившего протокол, сведения о задержанном лице, время, место и мотивы задержания; после составления протокол об административном задержании подписывается должностным лицом, его составившим, и задержанным лицом; если задержанное лицо отказывается подписать протокол, в нем делается соответствующая запись; копия протокола об административном задержании вручается задержанному лицу по его просьбе (статья 27.4 КоАП Российской Федерации).

Согласно статье 27.5 КоАП Российской Федерации срок административного задержания, по общему правилу, не должен превышать трех часов (часть 1); административному задержанию на срок не более 48 часов может быть подвергнуто лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, посягающем на установленный режим Государственной границы Российской Федерации и порядок пребывания на территории Российской Федерации, об административном правонарушении, совершенном во внутренних морских водах, в территориальном море, на континентальном шельфе, в исключительной экономической зоне Российской Федерации, или о нарушении таможенных правил, при необходимости для установления личности или для выяснения обстоятельств административного правонарушения, а также лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, влекущем в качестве одной из мер административного наказания административный арест (части 2 и 3).

Задержанные лица содержатся в специально отведенных помещениях органов, должностные лица которых произвели административное задержание, либо в специальных учреждениях, создаваемых в установленном порядке органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, причем такие помещения должны отвечать санитарным требованиям и исключать возможность их самовольного оставления; несовершеннолетние, в отношении которых применено административное задержание, содержатся отдельно от взрослых лиц (части 1 и 3 статьи 27.6 КоАП Российской Федерации); срок административного задержания включается (засчитывается) в срок административного ареста (часть 3 статьи 3.9 и часть 3 статьи 32.8 КоАП Российской Федерации).

Из приведенных положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях следует, что лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, может быть подвергнуто административному задержанию в исключительных случаях — только если его необходимость продиктована конкретной правоприменительной ситуацией (обстановкой), объективно подтверждающей, что без применения данной административно-принудительной меры невозможно установление личности нарушителя, выявление обстоятельств совершенного административного правонарушения, правильное и своевременное рас-

смотрение дела об административном правонарушении и исполнение принятого по его результатам постановления. При этом предусмотренные частями 1–3 статьи 27.5 КоАП Российской Федерации для административного задержания сроки, которые подлежат неукоснительному соблюдению при производстве по делам об административных правонарушениях, определяют максимальные временные пределы внесудебного ограничения свободы лица, привлекаемого к административной ответственности, что не освобождает уполномоченных должностных лиц от обязанности делать все возможное для скорейшего достижения целей, на которые направлена эта мера, в интересах безотлагательного рассмотрения дела об административном правонарушении, совершенном задержанным лицом.

Требования, предъявляемые к законности административного задержания, исходя из смысла статей 2, 15 (части 1 и 2), 17 (часть 1), 18, 19 (части 1 и 2), 22 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации и статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, не сводятся к соблюдению одних лишь формальных условий, предполагающих его применение уполномоченными должностными лицами в рамках закона, в законных целях, без выхода за установленные законом сроки и в соответствии с задачами законодательства об административных правонарушениях, — любое административное задержание может считаться конституционно оправданным, если его применение было вызвано необходимыми основаниями и не сопровождалось произвольным определением продолжительности ограничения свободы задержанного лица.

Соответственно, административное задержание, предусмотренное частью 3 статьи 27.5 КоАП Российской Федерации, может быть признано правомерным лишь при условии, что оно осуществлялось не просто в связи с совершением административного правонарушения, влекущего в качестве одной из мер административного наказания административный арест, а действительно было необходимо и соразмерно, в том числе по времени ограничения свободы задержанного лица, конституционно значимым целям охраны правопорядка и общественной безопасности, неотвратимости административной ответственности и справедливого разбирательства дел об административных правонарушениях. При этом должностные лица, осуществляющие производство по делам об административных правонарушениях, должны — исходя из того, что данная административно-принудительная мера является не чем иным, как одной из форм ограничения конституционного права на свободу и личную неприкосновенность, — избегать необоснованного вторжения в сферу индивидуальной (личной) автономии граждан, не допускать избыточного ограничения свободы лиц, в отношении которых она применяется, и во всяком случае соблюдать императивный запрет на их досудебную принудительную изоляцию от общества на срок более 48 часов.

4. Оценивая часть 4 статьи 27.5 КоАП Российской Федерации, в силу которой срок административного задержания лица, находящегося в состоянии опьянения, исчисляется — в изъятие из общего правила, связывающего начало его течения с доставлением лица, подвергнутого задержанию, в соответствующее помещение, указанное в статье 27.2 данного Кодекса, в целях составления протокола об административном правонарушении, — со времени вытрезвления такого лица, нельзя не учитывать, что применение административного задержания является одним из оснований возбуждения дела об административном правонарушении (часть 4 статьи 28.1 КоАП Российской Федерации), после чего задержанное лицо приобретает статус участника производства по делу об административном правонарушении и, как следствие, право знакомиться со всеми материалами дела, давать объяснения, представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, пользо-

ваться юридической помощью защитника, а также иными процессуальными правами (часть 1 статьи 25.1 КоАП Российской Федерации).

Наделение лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, перечисленными процессуальными правами обусловлено требованиями, вытекающими из статей 48 (часть 2) и 49 Конституции Российской Федерации, которые закрепляют презумпцию невиновности и гарантируют каждому задержанному, заключенному под стражу, обвиняемому в совершении преступления право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или обвинения. По смыслу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в ряде его решений, названные конституционные положения – хотя напрямую они адресованы лишь лицам, обвиняемым в совершении преступления, – выражают общие принципы права и в полной мере касаются публичной ответственности не только в уголовном, но и в административном праве (постановления от 7 июня 2000 года № 10-П, от 27 апреля 2001 года № 7-П, от 18 мая 2012 года № 12-П, от 23 сентября 2014 года № 24-П и др.).

Исходя из этого Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях предусматривает, что лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана в предусмотренном данным Кодексом порядке и установлена вступившим в законную силу постановлением судьи, органа, должностного лица, рассмотревших дело (часть 2 статьи 1.5); лицо, привлекаемое к административной ответственности, не может быть подвергнуто административному наказанию и мерам обеспечения производства по делу об административном правонарушении иначе как на основаниях и в порядке, установленных законом (часть 1 статьи 1.6); для оказания юридической помощи лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, в производстве по делу может участвовать защитник; в качестве защитника к участию в производстве по делу об административном правонарушении допускается адвокат или иное лицо; защитник допускается к участию в производстве по делу об административном правонарушении с момента возбуждения дела об административном правонарушении (части 1, 2 и 4 статьи 25.5).

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, из Конституции Российской Федерации, ее статей 2, 17 (часть 2), 18, 21 (часть 1) и 45 (часть 2), утверждающих приоритет человека, его прав и свобод и возлагающих на государство обязанность охранять личное достоинство каждого от любых форм унижения со стороны кого бы то ни было, включая само государство, следует, что личность в ее взаимоотношениях с государством выступает не как объект государственной деятельности, а как равноправный субъект, который может защищать свои права всеми не запрещенными способами и спорить с государством в лице любых его органов (постановления от 3 мая 1995 года № 4-П, от 20 апреля 2006 года № 4-П и др.). Данная правовая позиция, будучи универсальной, приобретает особое значение в сфере публичного принуждения, являющегося системообразующим признаком юридической, в том числе административной, ответственности.

Полноценное участие лица, привлекаемого к административной ответственности, в разрешении всех возникающих в связи с производством по делу об административном правонарушении вопросов не только отвечает его персональным интересам, связанным с защитой от незаконного и необоснованного применения к нему мер административного принуждения,

но и согласуется с общими задачами административно-деликтного производства, цивилизованное решение которых в правовом государстве недостижимо без соблюдения общепризнанных принципов гуманизма, справедливости и юридического равенства в отношении каждого, кто подвергается преследованию за административно-противоправное деяние (действия, бездействие), что, в свою очередь, исключает сугубо декларативный (формальный) подход к законодательному регулированию процессуального статуса лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, не подкрепленный разумной заботой об обеспечении должных условий для реализации этих принципов.

4.1. Состояние опьянения, тем более средней или тяжелой степени, несомненно, оказывает влияние на способность лица, подвергнутого административному задержанию, адекватно воспринимать и оценивать как собственное поведение, так и действия осуществляющих административное задержание должностных лиц, что существенно затрудняет осознанное использование им процессуальных прав, гарантированных законом участникам производства по делу об административном правонарушении, а в некоторых случаях вовсе делает их реализацию невозможной.

С учетом этого статья 27.12¹ КоАП Российской Федерации предусматривает, что лица, совершившие административные правонарушения (за исключением лиц, указанных в частях 1 и 1¹ статьи 27.12 данного Кодекса), в отношении которых имеются достаточные основания полагать, что они находятся в состоянии опьянения, подлежат направлению на медицинское освидетельствование на состояние опьянения (часть 1); направление на медицинское освидетельствование на состояние опьянения производится в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, должностными лицами, уполномоченными составлять протоколы об административных правонарушениях (часть 2); о направлении на медицинское освидетельствование на состояние опьянения составляется соответствующий протокол, копия которого вручается лицу, в отношении которого применена данная мера обеспечения производства по делу об административном правонарушении (часть 3); критерии, при наличии которых имеются достаточные основания полагать, что лицо находится в состоянии опьянения и подлежит направлению на медицинское освидетельствование, и порядок проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения устанавливаются федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения (часть 6); акт медицинского освидетельствования на состояние опьянения прилагается к соответствующему протоколу, а его копия вручается лицу, в отношении которого он был составлен (часть 7).

Принятыми в соответствии со статьей 27.12¹ КоАП Российской Федерации Правилами направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения лиц, совершивших административные правонарушения (утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 23 января 2015 года № 37), установлено, что медицинское освидетельствование таких лиц может проводиться только в медицинских организациях, имеющих лицензию на осуществление медицинской деятельности по оказанию соответствующих услуг, выполнению работ (пункт 8); перед направлением задержанного лица на медицинское освидетельствование уполномоченное должностное лицо обязано принять меры к установлению его личности; при отсутствии у направляемого на медицинское освидетельствование лица документов в протоколе о направлении на медицинское освидетельствование должны содержаться соответствующая отметка, а также све-

дения об официальном источнике информации, с помощью которого была определена его личность (пункт 6).

Иные вопросы, связанные с медицинским освидетельствованием на состояние опьянения лиц, совершивших административные правонарушения, детально урегулированы в Порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического), утвержденном приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 18 декабря 2015 года № 933н. В частности, им закрепляются критерии (запах алкоголя изо рта, неустойчивость позы и шаткость походки, нарушение речи, резкое изменение окраски кожных покровов лица), при наличии хотя бы одного из которых имеются достаточные основания полагать, что лицо, совершившее административное правонарушение, находится в состоянии опьянения и подлежит направлению на медицинское освидетельствование (пункт 6), а также предусмотрено вынесение по результатам проведенных в рамках медицинского освидетельствования осмотров и инструментальных и лабораторных исследований одного из следующих медицинских заключений о состоянии освидетельствуемого на момент проведения медицинского освидетельствования: установлено состояние опьянения; состояние опьянения не установлено; от медицинского освидетельствования освидетельствуемый (его законный представитель) отказался (пункт 14).

В совокупности со статьями 1.2, 1.4, 1.6, 24.1, 27.1, 27.3 и 27.5 КоАП Российской Федерации такое правовое регулирование медицинского освидетельствования на состояние опьянения лиц, совершивших административные правонарушения, предполагает обязанность должностных лиц, производящих административное задержание, во всех случаях, когда имеются достаточные основания полагать, что привлекаемое к административной ответственности лицо находится в состоянии опьянения, направить его на медицинское освидетельствование. Если по итогам медицинского освидетельствования будет установлено, что лицо, подвергнутое административному задержанию, находится в состоянии опьянения, составление протокола об административном правонарушении, равно как и иные совершаемые в рамках производства по делу об административном правонарушении действия должны быть отложены до вытрезвления такого лица, поскольку в противном случае не будут соблюдены условия, позволяющие ему надлежащим образом, своевременно и полно уяснить мотивы (причины) административного задержания, а также характер и объем предъявляемых претензий в нарушении действующего законодательства, без чего немыслима эффективная реализация права на защиту от административно-деликтного преследования.

Именно на обеспечение этих условий и направлена часть 4 статьи 27.5 КоАП Российской Федерации, закрепляющая правило об исчислении срока административного задержания лица, находящегося в состоянии опьянения, со времени его вытрезвления, подразумевающее, что соответствующие процессуальные действия в рамках производства по делу об административном правонарушении (опрос нарушителя, составление протокола об административном правонарушении и т. п.) в отношении такого лица могут осуществляться только после его вытрезвления. Введение в правовое регулирование подобной нормы не расходится с конституционными целями защиты прав и свобод человека и гражданина, отвечает правомерному решению задач производства по делам об административных правонарушениях и не выходит за рамки дискреционных полномочий федерального законодателя.

4.2. Вместе с тем указание в части 4 статьи 27.5 КоАП Российской Федерации на исчисление срока административного задержания лица, находя-

щегося в состоянии опьянения, со времени его вытрезвления не предполагает каких-либо других изъятий из правового режима применения административного задержания, предусмотренного положениями статей 27.1–27.4 и 27.6 КоАП Российской Федерации, а потому при подтверждении в установленном законом порядке состояния опьянения лица, подвергнутого административному задержанию, уполномоченные должностные лица продолжают осуществлять его принудительное удержание до вытрезвления, причем, как правило, в помещениях, предназначенных для содержания лиц, в отношении которых ведется производство по делу об административном правонарушении, если только необходимость охраны жизни и здоровья находящегося в состоянии опьянения лица не требует – в силу пункта 14 части 1 статьи 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» – оказания помощи в специализированных медицинских учреждениях.

В результате подвергнутые административному задержанию лица, которые находятся в состоянии опьянения, что установлено посредством соответствующего медицинского освидетельствования, претерпевают в рамках производства по делу об административном правонарушении принудительное ограничение личной свободы не только со времени вытрезвления, когда в соответствии с частью 4 статьи 27.5 КоАП Российской Федерации начинается течение срока административного задержания, но и в предшествующий вытрезвлению период. На практике – принимая во внимание, что оговоренный частью 3 данной статьи срок административного задержания не дифференцирован в зависимости от момента, с которого начинается его исчисление, – это приводит к тому, что общая продолжительность внесудебного принудительного ограничения личной свободы граждан, находящихся в состоянии опьянения, может превышать 48 часов (в отношении заявителя по настоящему делу срок со времени его доставления в соответствии со статьей 27.2 КоАП Российской Федерации и до принятия решения суда о назначении ему административного ареста составил 59 часов, причем данный факт не только не отрицался должностными лицами органов внутренних дел, но и, по существу, получил признание со стороны судов общей юрисдикции, засчитавших все указанное время в срок отбывания назначенного административного ареста).

В связи с этим Конституционный Суд Российской Федерации вынужден напомнить, что предусмотренные статьей 22 Конституции Российской Федерации и статьей 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод судебные гарантии права каждого на свободу и личную неприкосновенность охватывают собой любые способы воздействия на физических лиц, практическая реализация которых связана с изоляцией от общества, т. е. свидетельствует о фактическом лишении их свободы. Следовательно, в российской правовой системе – исходя из конституционных принципов юридического равенства и равноправия – должно быть исключено, в том числе в рамках производства по делам об административных правонарушениях, любое отступление (чем бы оно ни аргументировалось и какие бы формы ни принимало) от закрепленных в Конституции Российской Федерации и нормах международного права гарантий свободы и личной неприкосновенности, к числу которых относится запрет задержания лица до судебного решения на срок более 48 часов.

Схожих взглядов придерживается Европейский Суд по правам человека, по мнению которого принудительное ограничение свободы лиц, находящихся в состоянии опьянения, в контексте подпункта «е» пункта 1 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, допускающего законное заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркома-

нов или бродяг, является не чем иным, как лишением свободы, которое, так же как и любые другие меры, лишаящие лицо свободы, должно соответствовать национальному законодательству и быть совместимым с конвенционными гарантиями, защищающими свободу и личную неприкосновенность индивида от произвольных посягательств (постановление от 4 апреля 2000 года по делу «Витольд Литва (*Witold Litwa*) против Польши», от 8 июня 2004 года по делу «Хильда Хафстейнсдоттир (*Hilda Hafsteinsdottir*) против Исландии», от 3 февраля 2011 года по делу «Харин против России» и др.).

Соответственно, внесудебное принудительное ограничение свободы лица, подвергнутого административному задержанию и находящегося в состоянии опьянения, на период до его вытрезвления не может рассматриваться как не подпадающее под действие статьи 22 Конституции Российской Федерации и статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, позволяющих прибегать к мерам ограничения свободы лишь в случаях, когда их использование оправдано настоятельной потребностью охраны частно-правовых и публично-правовых интересов, не достижимой иными средствами, а потому его применение недопустимо в отрыве от конституционного запрета до судебного решения подвергать кого бы то ни было задержанию на срок более 48 часов, — иное приводило бы к игнорированию конституционных гарантий права на свободу и личную неприкосновенность и тем самым к умалению существа данного права.

4.3. Таким образом, закрепленное в части 4 статьи 27.5 КоАП Российской Федерации правило, согласно которому исчисление срока административного задержания лица, находящегося в состоянии опьянения, начинается со времени его вытрезвления, не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 17 (часть 1), 19 (части 1 и 2) и 22 (часть 2), в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования производства по делам об административных правонарушениях, влекущих в качестве одной из мер административного наказания административный арест, оно допускает ограничение свободы такого лица до судебного решения на срок более 48 часов.

Федеральному законодателю надлежит — исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, изложенных в настоящем Постановлении, — внести в действующее правовое регулирование изменения, вытекающие из настоящего Постановления.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78 и 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать положение части 4 статьи 27.5 КоАП Российской Федерации, согласно которому срок административного задержания лица, находящегося в состоянии опьянения, исчисляется со времени его вытрезвления, не соответствующим Конституции Российской Федерации, ее статьям 17 (часть 1), 19 (части 1 и 2) и 22 (часть 2), в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования производства по делам об административных правонарушениях, влекущих в качестве одной из мер административного наказания административный арест, оно допускает ограничение свободы такого лица до судебного решения на срок более 48 часов.

2. Федеральному законодателю надлежит — исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, изложенных в настоящем Поста-

новлении, — внести в действующее правовое регулирование изменения, вытекающие из настоящего Постановления.

3. Правоприменительные решения по делу гражданина Сизикова Евгения Сергеевича, основанием для вынесения которых часть 4 статьи 27.5 КоАП Российской Федерации послужила в той мере, в какой она признана настоящим Постановлением не соответствующей Конституции Российской Федерации, подлежат пересмотру в установленном порядке в соответствии со статьей 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**29 ноября
2016 года,
город Санкт-
Петербург**

№ 26-П

по делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева, руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3¹ части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 101, 102 и 104 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 ГК Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам».

Поводом к рассмотрению дела явился запрос Верховного суда Республики Башкортостан. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Ю. М. Данилова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Подпункт 8 пункта 2 статьи 235 ГК Российской Федерации предусматривает в качестве одного из оснований принудительного прекращения права собственности (изъятия у собственника его имущества) обращение по решению суда в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы.

Согласно статье 17 Федерального закона от 3 декабря 2012 года № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» Генеральный прокурор Российской Федерации или подчиненные ему прокуроры при получении материалов, свидетельствующих о несоответствии расходов лица, замещающего (занимающего) одну из должностей, указанных в пункте 1 части 1 статьи 2 дан-

ного Федерального закона, в том числе должностей государственной (муниципальной) службы, а также расходов его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей их общему доходу, в порядке, установленном законодательством о гражданском судопроизводстве, обращаются в суд с заявлением об обращении в доход Российской Федерации земельных участков, других объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), в отношении которых таким лицом не представлено сведений, подтверждающих их приобретение на законные доходы.

1.1. Стерлитамакский районный суд Республики Башкортостан, рассмотрев иски требования исполняющего обязанности прокурора Республики Башкортостан о взыскании в доход Российской Федерации с гражданки Е. В. Колесник, являющейся муниципальной служащей, и ее супруга — гражданина А. Ю. Колесника стоимости приобретенного в 2014 году и впоследствии проданного автомобиля в размере 2 800 000 рублей, согласился с доводами истца об отсутствии сведений о приобретении данного имущества на законные доходы и решением от 25 ноября 2015 года указанные иски требования удовлетворил. Как было установлено в судебном заседании, совокупный доход супругов за три года, предшествовавших покупке автомобиля, составил 2 702 391 рубль; при этом Е. В. Колесник, представляя как муниципальная служащая сведения о доходах и расходах, сообщила о приобретении ее мужем автомобиля за счет их собственных средств и материальной помощи родителей в размере 100 000 рублей, но в дальнейшем, в ходе осуществления уполномоченными органами контроля за расходами супругов, назвала другие источники денежных средств, достаточных для такой покупки. Доказательства, на которые ссылались ответчики в подтверждение приобретения автомобиля на законные доходы, суд отверг на том основании, что эти доходы не были отражены в первоначально представленной Е. В. Колесник справке (декларации), а сами доказательства, по мнению суда, составлены и представлены в заседании с целью придания видимости законности приобретения транспортного средства.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Республики Башкортостан, на рассмотрении которой находится апелляционная жалоба, поданная ответчиками на решение суда первой инстанции, определенном от 3 марта 2016 года приостановила производство и обратилась в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности подлежащих применению в данном деле положений подпункта 8 пункта 2 статьи 235 ГК Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам».

Неопределенность в вопросе о соответствии этих законоположений статьям 8, 35, 47 и 55 Конституции Российской Федерации заявитель усматривает в том, что они предполагают при осуществлении контроля за расходами государственного (муниципального) служащего, его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей учет их общего дохода лишь за три последних года, предшествующих году, в котором понесены контролируемые расходы, и не допускают возможность учета доходов, полученных ранее, а также в данном году до таких расходов; препятствуют суду принять доказательства законности происхождения полученных лицом доходов, дополнительно представленные им в судебном заседании; позволяют при отсутствии сведений, подтверждающих приобретение части имущества на законные доходы, обращать его в доход государства в полном объеме, а также позволяют обращать взыскание на имущество, принадлежащее не государственному (муниципальному) служащему, добровольно принявшему на себя повышен-

ные обязательства перед государством, а его супруге (супругу) и несовершеннолетним детям, неправомерно лишая их права собственности; допускают расширительное толкование, позволяя отчуждать не только указанное в них имущество, но и денежные средства, полученные от продажи этого имущества; предусматривают рассмотрение судом соответствующего дела в порядке гражданского судопроизводства, притом что Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации в части, регламентирующей производство по делам, возникающим из публичных правоотношений, утратил силу в связи с введением в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

1.2. Как следует из статей 74, 101 и 102 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации по запросам судов проверяет конституционность оспариваемых нормативных положений в порядке конкретного нормоконтроля в той части, в какой они подлежат применению в находящемся в производстве суда деле, и принимает постановление только по предмету, указанному в запросе, оценивая как буквальный смысл проверяемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм; при принятии решения Конституционный Суд Российской Федерации не связан основаниями и доводами, изложенными в запросе.

Соответственно, положения подпункта 8 пункта 2 статьи 235 ГК Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку на их основании разрешается вопрос об обращении в доход Российской Федерации принадлежащих лицу, замещающему должность государственной (муниципальной) службы, его супруге (супругу) и несовершеннолетним детям земельных участков, других объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), в отношении которых данным лицом не представлено сведений, подтверждающих их приобретение на законные доходы.

2. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 10 октября 2013 года № 20-П, правовая демократия, чтобы быть устойчивой, нуждается в эффективных правовых механизмах, способных охранять ее от злоупотреблений и криминализации публичной власти, легитимность которой во многом основывается на доверии общества; поэтому федеральный законодатель, создавая такие правовые механизмы, вправе устанавливать повышенные требования к репутации лиц, занимающих публичные должности, с тем чтобы у граждан не рождались сомнения в их нравственных качествах и, соответственно, в законности и бескорыстности их действий как носителей публичной власти.

Данный вывод соотносится с требованиями Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции (принята 31 октября 2003 года Резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи ООН), согласно которой предупреждение и искоренение коррупции — это обязанность всех государств, поскольку она затрагивает их экономику, порождает серьезные угрозы стабильности и безопасности общества, подрывает демократические и этические ценности, справедливость и наносит вред устойчивому развитию; незаконное приобретение личного состояния может нанести ущерб демократическим институтам, национальной экономике и правопорядку, а по-

тому для эффективного предупреждения коррупции и борьбы с ней необходим всеобъемлющий и многодисциплинарный подход.

В преамбулах к Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию (принята в Страсбурге 27 января 1999 года) и Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (принята в Страсбурге 4 декабря 1999 года) также отмечается, что коррупция представляет собой серьезную угрозу верховенству закона, демократии и правам человека, равенству и социальной справедливости, посягает на принципы государственного управления, моральные устои общества, затрудняет экономическое развитие, наносящее и справедливое функционирование рыночной экономики.

Рекомендации по совершенствованию законодательства государств – участников Содружества Независимых Государств в сфере противодействия коррупции (приняты в Санкт-Петербурге 23 ноября 2012 года постановлением № 38-17 Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ) называют в числе принципов совершенствования законодательства приоритет профилактических мер, направленных прежде всего на повышение эффективности, компетентности и авторитета власти, оздоровление социальной-психологической обстановки в обществе, установление и соблюдение государственных антикоррупционных стандартов, включающих комплекс гарантий, ограничений и запретов уголовного, административного и гражданско-правового характера в приоритетных сферах правового регулирования, в первую очередь – в сфере государственной и муниципальной службы; наиболее важными мерами противодействия коррупции в этой сфере признаются декларирование доходов и имущества лиц, уполномоченных на выполнение государственных функций и предоставление государственных услуг, и приравненных к ним лиц, а также их близких родственников, установление соответствия расходов, стоимости имеющегося у таких лиц имущества их доходам с возможностью получения от них объяснений в случае установления несоответствия их расходов, стоимости имеющегося у них имущества их доходам и принятия иных мер, направленных на выявление фактов незаконного обогащения (пункты 3 и 4.2).

Следовательно, Российская Федерация как правовое демократическое государство (статья 1, часть 1, Конституции Российской Федерации) вправе и обязана принимать для эффективного противодействия коррупции все необходимые правовые меры, в том числе направленные на предупреждение незаконного обогащения лиц, осуществляющих публичные функции.

3. Согласно Конституции Российской Федерации труд свободен; каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию (статья 37, часть 1); граждане Российской Федерации имеют равный доступ к государственной службе (статья 32, часть 4).

Государственная служба, поступаая на которую гражданин реализует указанные конституционные права, представляет собой профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации по обеспечению исполнения полномочий Российской Федерации и ее субъектов, государственных органов и лиц, замещающих государственные должности (пункт 1 статьи 1 Федерального закона от 27 мая 2003 года № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации»). Специфика такой профессиональной деятельности предопределяет право федерального законодателя вводить при регулировании порядка прохождения государственной службы особые правила поступления на нее, а также предъявлять к лицам, поступающим на государственную службу и замещающим должности государственных служащих, вытекающие из стоящих перед ней задач специальные требования, в частности к их личным и деловым качествам.

Несоответствие государственного служащего тем требованиям, которые установлены законом исходя из особенностей его профессиональной деятельности, обуславливает введение специальных оснований увольнения со службы. В свою очередь, граждане, добровольно избирая такого рода деятельность, соглашаются с ограничениями, связанными с приобретаемым ими правовым статусом, а потому введение особых правил прохождения государственной службы и требований к избравшим ее лицам само по себе не может рассматриваться как нарушение закрепленных статьями 19, 32 (часть 4) и 37 (часть 1) Конституции Российской Федерации права на равный доступ к государственной службе и права свободно распоряжаться своими способностями к труду.

Приведенные правовые позиции изложены Конституционным Судом Российской Федерации применительно к различным видам государственной службы, т. е. профессиональной деятельности, связанной с осуществлением публичных функций (постановления от 6 июня 1995 года № 7-П, от 30 июня 2011 года № 14-П, от 21 марта 2013 года № 6-П, от 21 марта 2014 года № 7-П и от 30 октября 2014 года № 26-П; определения от 1 июля 1998 года № 84-О, от 1 декабря 1999 года № 219-О, от 3 октября 2002 года № 233-О, от 21 декабря 2004 года № 460-О и от 20 октября 2005 года № 378-О), и потому в полной мере распространяются на отношения в сфере муниципальной службы, равный доступ граждан к которой также вытекает из статьи 37 (часть 1) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 19, 32 (части 2 и 4) и 130 (часть 2) и которая представляет собой профессиональную деятельность, осуществляемую на постоянной основе на должностях муниципальной службы, замещаемых путем заключения трудового договора (контракта) (часть 1 статьи 2 Федерального закона от 2 марта 2007 года № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации»).

Единство правовых основ государственной и муниципальной службы проявляется и в единстве основных квалификационных требований для замещения должностей муниципальной и государственной гражданской службы, требований к подготовке кадров для этих видов службы, а также ограничений и обязательств при их прохождении (абзац седьмой пункта 1 статьи 3 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» и пункты 1–3 статьи 5 Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации»). Свойственный государственной службе, равно как и муниципальной службе публично-правовой характер предполагает открытость деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, объективность государственных и муниципальных служащих при принятии решений, беспристрастность и отсутствие личной заинтересованности при исполнении служебных обязанностей, исключение в их деятельности злоупотреблений предоставленными полномочиями, чем обуславливается повышенное внимание государства и общества как к профессиональным, так и к морально-нравственным качествам лиц, на которых возложено осуществление публичных функций.

Специфика публичной службы предопределяет особый правовой статус государственных (муниципальных) служащих и, соответственно, необходимость специального правового регулирования, вводящего для государственных (муниципальных) служащих определенные ограничения, запреты и обязанности, наличие которых компенсируется предоставляемыми им гарантиями и преимуществами. К числу таких обременений относится обязанность лиц, замещающих должности государственной (муниципальной) службы, включенные в специальные перечни, установленные соответствующими нормативными правовыми актами, представлять сведения о своих

доходах и расходах, а также о доходах и расходах своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей (часть 1 статьи 20 и часть 1 статьи 20¹ Федерального закона от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», части 1 и 1¹ статьи 15 Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации»). Непредставление таких сведений либо представление заведомо ложных, недостоверных или неполных сведений влечет применение в отношении указанных лиц мер юридической ответственности (часть 6¹ статьи 20 и часть 3 статьи 20¹ Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», часть 5 статьи 15 Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации» и пункт 4 статьи 6 Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»).

Возложение на государственных (муниципальных) служащих, наряду с обязанностью уведомлять об обращениях в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений, о возникшем конфликте интересов, обязанности представлять соответствующие сведения, неисполнение которой влечет определенные правовые последствия, направлено на обеспечение эффективного функционирования механизма народовластия и является одной из основных мер профилактики коррупции. Вместе с тем контроль со стороны государства за имущественным положением государственных (муниципальных) служащих призван повысить эффективность противодействия коррупции, основанного на принципах приоритетного применения мер по ее предупреждению, комплексного использования политических, организационных, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер для борьбы с этим явлением (пункты 5 и 6 статьи 3 Федерального закона «О противодействии коррупции»), и предотвратить риски, связанные с неправомерным влиянием на государственных (муниципальных) служащих и тем самым — с возможностью сращивания публичной власти и бизнеса.

4. Конституция Российской Федерации, закрепляя право каждого иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами (статья 35, часть 2), одновременно допускает возможность его ограничения федеральным законом — наряду с другими правами и свободами человека и гражданина — в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (статья 55, часть 3).

Определяя с учетом требований статей 17 (часть 3) и 19 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации критерии допустимости ограничений конституционных прав и свобод, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что цели таких ограничений должны быть не только юридически, но и социально оправданны, а сами ограничения — адекватны этим целям и отвечать требованиям справедливости; при допустимости ограничения федеральным законом того или иного права в соответствии с конституционно одобряемыми целями следует использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные этими целями меры; публичные интересы, перечисленные в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, могут оправдывать правовые ограничения прав и свобод, только если они адекватны социально необходимому результату; в ходе правового регулирования недопустимо искажение самого существа конституционного права или свободы, а цели одной только рациональной организации деятельности органов власти не могут служить основанием для ограни-

чения прав и свобод (постановления от 22 июня 2010 года № 14-П, от 13 июля 2010 года № 16-П и др.).

Применительно к праву собственности это также означает, что его ограничения, вводимые федеральным законодателем, должны отвечать требованиям справедливости, разумности и соразмерности (пропорциональности), не могут затрагивать само существо данного права (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2008 года № 9-П, от 14 мая 2012 года № 11-П; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2015 года № 1127-О и др.). Кроме того, они должны согласовываться с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации, которые являются составной частью ее правовой системы (статья 15, часть 4, Конституции Российской Федерации).

4.1. В соответствии с Конвенцией Организации Объединенных Наций против коррупции государства-участники согласились в том, что каждое из них при условии соблюдения своей конституции и основополагающих принципов своей правовой системы рассматривает возможность принятия таких законодательных и других мер, какие могут потребоваться, с тем чтобы признать в качестве уголовно наказуемого деяния, когда оно совершается умышленно, незаконное обогащение, т. е. значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать (статья 20). Как следует из ее статьи 31, государства-участники принимают – в максимальной степени, возможной в рамках их внутренней правовой системы, – такие меры, какие могут потребоваться для обеспечения возможности конфискации доходов от преступлений, признанных таковыми в соответствии с данной Конвенцией, или имущества, стоимость которого соответствует стоимости таких доходов, а также имущества, оборудования и других средств, использовавшихся или предназначавшихся для использования при совершении преступлений, признанных таковыми в соответствии с данной Конвенцией (пункт 1); если такие доходы от преступлений были превращены или преобразованы, частично или полностью, в другое имущество, то конфискация применяется в отношении такого имущества (пункт 4); если такие доходы от преступлений были приобщены к имуществу, приобретенному из законных источников, то конфискации подлежит та часть имущества, которая соответствует оцененной стоимости приобщенных доходов (пункт 5); государства-участники могут рассмотреть возможность установления требования о том, чтобы лицо, совершившее преступление, доказало законное происхождение таких предполагаемых доходов от преступления или другого имущества, подлежащего конфискации, в той мере, в какой такое требование соответствует основополагающим принципам их внутреннего законодательства и характеру судебного и иного разбирательства (пункт 8); положения данной статьи не толкуются таким образом, чтобы наносился ущерб правам добросовестных третьих сторон (пункт 9 статьи 31).

Допустимость изъятия имущества у собственника закреплена и статьей 19 Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию, в силу пункта 3 которой государство принимает такие законодательные и иные меры, которые позволяли бы производить конфискацию доходов от уголовных правонарушений, признанных в качестве таковых в соответствии с данной Конвенцией, или имущества, стоимость которого эквивалентна таким доходам.

Ратифицируя Конвенцию Организации Объединенных Наций против коррупции, Российская Федерация не включила в число своих обязательств (безусловных обязанностей) признание уголовно наказуемым умышленного незаконного обогащения, указанного в статье 20 данной Конвенции

(пункт 1 статьи 1 Федерального закона от 8 марта 2006 года № 40-ФЗ), однако это не означает, что она не вправе ввести в правовое регулирование изъятие незаконных доходов или имущества, приобретенного на них, не в качестве уголовно-правовой санкции, а в качестве специальной меры, предусмотренной в рамках антикоррупционного законодательства для случаев незаконного обогащения.

Таким образом, принятие Российской Федерацией правовых мер, направленных на предупреждение коррупции и незаконного личного обогащения, включая возможность изъятия по решению суда имущества, приобретенного на незаконные доходы, согласуется с признаваемыми на международном уровне стандартами борьбы с коррупцией.

4.2. В развитии положений Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципов и норм международного права, а также положений Федерального закона «О противодействии коррупции» Гражданский кодекс Российской Федерации предусматривает возможность обращения по решению суда в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы (подпункт 8 пункта 2 статьи 235). В свою очередь, Федеральный закон «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» устанавливает правовые и организационные основы осуществления контроля за соответствием расходов лица, замещающего государственную должность (иного лица), расходов его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей доходу данного лица и его супруги (супруга), а также определяет категории лиц, в отношении которых осуществляется контроль за расходами, порядок осуществления контроля за расходами и механизм обращения в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы (статья 1). Кроме того, статьей 17 названного Федерального закона предусмотрена возможность обращения в доход Российской Федерации земельных участков, других объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), в отношении которых лицом, замещающим должность государственной (муниципальной) службы, не представлено сведений, подтверждающих их приобретение на законные доходы.

В контексте особых мер, связанных с ограничением (прекращением) права собственности на имущество, принадлежащее государственному (муниципальному) служащему и членам его семьи, приобретение им как лицом, выполняющим публичные функции, имущества, превышающего по стоимости доходы за предшествующие три года, рассматривается федеральным законодателем в качестве признака коррупционных проявлений в деятельности этого лица. Изъятие такого имущества, по существу, призвано выступать в качестве неблагоприятного последствия получения государственным (муниципальным) служащим доходов от коррупционной деятельности, а сопоставление доходов с расходами позволяет выявить несоответствие законных доходов произведенным расходам и дает основания для применения процедуры изъятия имущества, приобретенного на доходы, законность которых не подтверждена. При таких обстоятельствах потенциальная угроза изъятия имущества, приобретенного на незаконные доходы, выступает мерой общей и частной превенции, поскольку государственный (муниципальный) служащий — имея в виду тщательный мониторинг реальных расходов на дорогостоящие объекты гражданского оборота — должен

осознавать бессмысленность приобретения имущества на незаконные доходы и, соответственно, бесперспективность коррупционного поведения.

Исходя из этого обращение по решению суда в доход Российской Федерации имущества, принадлежащего государственному (муниципальному) служащему и перечисленным в законе членам его семьи, в случае, если оно приобретено на доходы, законность которых не подтверждена, будучи ограничением конституционного права собственности, введенным федеральным законодателем в целях противодействия коррупции, как таковое направлено на защиту конституционно значимых ценностей и не нарушает требования Конституции Российской Федерации.

5. Федеральный закон «О противодействии коррупции» допускает различные виды ответственности за коррупционные правонарушения – уголовную, административную, гражданско-правовую и дисциплинарную, которую лица, совершившие такие правонарушения, несут в соответствии с законодательством Российской Федерации (часть 1 статьи 13).

Предусмотренное Федеральным законом «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» обращение в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого государственным (муниципальным) служащим не представлены доказательства его приобретения на законные доходы, является, по существу, особой мерой государственного принуждения, применяемой в случае нарушения лицами, выполняющими публичные функции, антикоррупционного законодательства.

Данная мера заключается в безвозмездном изъятии такого имущества у собственника по решению суда в связи с предполагаемым и не опровергнутым совершением государственным (муниципальным) служащим неправомерного деяния коррупционной направленности, т. е., как следует из части 1 статьи 4 и статьи 17 названного Федерального закона, в случае, если стоимость приобретенного в отчетном периоде им и перечисленными в законе членами его семьи имущества – недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций) – превышает их общий доход за три предшествующих года, а государственный (муниципальный) служащий не может доказать законность происхождения средств, достаточных для его приобретения. Переход такого имущества в собственность Российской Федерации осуществляется в соответствии с подпунктом 8 пункта 2 статьи 235 ГК Российской Федерации, закрепляющим в качестве основания прекращения права собственности принудительное изъятие у собственника имущества по решению суда и обращение его в доход государства при недоказанности законного происхождения доходов, направленных на его приобретение.

5.1. Любой законодательный механизм претерпевания неблагоприятных последствий совершения тех или иных противоправных действий (бездействия), установленных или презюмируемых, должен отвечать вытекающим из Конституции Российской Федерации требованиям, относительно соблюдения которых федеральным законодателем при регулировании оснований, условий и сроков привлечения к юридической ответственности Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал следующие правовые позиции:

юридическая ответственность может наступать только за те деяния, которые законом, действующим на момент их совершения, признаются правонарушениями; соответствующее регулирование должно согласовываться с конституционными принципами демократического правового государства, включая требование справедливости, в его взаимоотношениях с физическими и юридическими лицами как субъектами ответственности; общеприз-

нанным принципом привлечения к ответственности во всех отраслях права является наличие вины — либо доказанной, либо презюмируемой, но опровержимой — как элемента субъективной стороны состава правонарушения, а всякое исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно, т. е. предусмотрено непосредственно в законе;

закрепляя и изменяя составы правонарушений и меры ответственности за их совершение, федеральный законодатель связан вытекающими из статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации критериями необходимости, пропорциональности и соразмерности ограничения прав и свобод граждан конституционно значимым целям, а также обязан соблюдать гарантированное статьей 19 (часть 1) Конституции Российской Федерации равенство всех перед законом, означающее, что любое правонарушение и санкции за его совершение должны быть четко определены в законе, причем таким образом, чтобы исходя непосредственно из текста соответствующей нормы — в случае необходимости с помощью толкования, данного ей судами, — каждый мог предвидеть правовые последствия своих действий (бездействия);

предусматривая для совершивших правонарушения лиц наказания, ограничивающие гарантированное Конституцией Российской Федерации, ее статьей 35 (части 1 и 2), право собственности, федеральный законодатель должен стремиться к тому, чтобы устанавливаемые им пределы имущественной ответственности в совокупности с правилами ее наложения позволяли в каждом конкретном случае обеспечивать адекватность применяемого государственного принуждения всем обстоятельствам, имеющим существенное значение для индивидуализации ответственности и наказания;

конституционные требования справедливости и соразмерности предопределяют, по общему правилу, необходимость дифференциации юридической ответственности в зависимости от существенных обстоятельств, обусловливающих индивидуализацию при выборе той или иной меры государственного принуждения.

Приведенные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации (постановления от 15 июля 1999 года № 11-П, от 25 января 2001 года № 1-П, от 17 июля 2002 года № 13-П, от 19 марта 2003 года № 3-П, от 13 марта 2008 года № 5-П, от 27 мая 2008 года № 8-П, от 13 июля 2010 года № 15-П, от 18 мая 2012 года № 12-П, от 17 января 2013 года № 1-П, от 14 февраля 2013 года № 4-П, от 25 февраля 2014 года № 4-П и от 19 января 2016 года № 2-П) применимы и к такой мере государственного принуждения, как обращение в доход государства имущества, в отношении которого государственным (муниципальным) служащим не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы.

5.2. Исходя из презумпции незаконности доходов, на которые было приобретено перечисленное в части 1 статьи 4 и статье 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» имущество, в случае если стоимость этого имущества превышает общий доход государственного (муниципального) служащего и его супруги (супруга) за три года, предшествующих отчетному периоду, федеральный законодатель установил соответствующую систему контроля за соблюдением государственным (муниципальным) служащим возложенных на него запретов и ограничений в соответствии с Федеральным законом «О противодействии коррупции».

В рамках этой системы подлежат обязательной проверке достоверность и полнота представляемых государственным (муниципальным) служащим сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, причем непредставление таких сведений или представление недоосто-

верных сведений является основанием для привлечения лица к дисциплинарной ответственности (статья 8 Федерального закона «О противодействии коррупции»). В случае если общая сумма сделок по приобретению определенного имущества превышает общий доход государственного (муниципального) служащего и его супруги (супруга) за три года, предшествующих отчетному периоду, на государственного (муниципального) служащего возлагается также обязанность представления сведений о расходах; непредставление указанных сведений или представление недостоверных сведений также является основанием для привлечения лица к дисциплинарной ответственности (статья 8¹ Федерального закона «О противодействии коррупции» и статья 3 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»).

С учетом сведений, полученных от государственного (муниципального) служащего, и на основании информации, представленной определенными законом органами и организациями, принимается решение об осуществлении контроля за расходами государственного (муниципального) служащего, его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, что, как следует из статьи 4 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», предполагает возможность сообщения дополнительных сведений, позволяющих подтвердить достоверность и полноту ранее представленных сведений, а также соответствие понесенных расходов полученным доходам. При этом названным Федеральным законом предусмотрены условия наиболее полного и достоверного установления имеющих значение для контроля таких расходов обстоятельств, а также гарантии соблюдения прав контролируемых лиц: так, у государственного (муниципального) служащего имеется право давать пояснения в письменной форме, предъявлять дополнительные материалы и давать по ним пояснения в письменной форме, обращаться с ходатайством о проведении с ним беседы по вопросам, связанным с осуществлением контроля за его расходами, за расходами его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, причем такое ходатайство подлежит обязательному удовлетворению (статья 9); в свою очередь, осуществляющие контроль органы наделены широкими полномочиями для получения сведений, позволяющих осуществить наиболее полно и объективно соответствующие контрольные мероприятия (статья 11).

Последствием выявления в ходе проведения контроля за соответствием расходов государственного (муниципального) служащего и членов его семьи их общему доходу нарушений может быть направление соответствующих сведений в органы прокуратуры (статьи 13 и 16), которые, руководствуясь приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 14 апреля 2015 года № 179 «О реализации прокурорами полномочий, предусмотренных Федеральным законом от 3 декабря 2012 года № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», и об организации прокурорского надзора за исполнением данного Федерального закона», осуществляют собственную проверку (направляют запросы, обеспечивают возможность предоставления государственным (муниципальным) служащим необходимых разъяснений и др.) и принимают самостоятельное решение о направлении в суд заявления об обращении в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы.

Такой порядок применения данной меры государственного принуждения позволяет обеспечить баланс публичных интересов борьбы с коррупци-

ей и частных интересов собственника, приобретшего имущество на доходы, не связанные с коррупционной деятельностью, который вправе доказывать в ходе контрольных мероприятий и в суде всеми доступными способами законность происхождения средств, затраченных на приобретение того или иного имущества, независимо от того, когда эти средства были им получены, отражены ли они в соответствующей справке (декларации) или обнаружены государственными органами в ходе проведения контрольных мероприятий. В свою очередь, суд оценивает доказательства, представленные как государственным (муниципальным) служащим, так и его супругой (супругом) и — с особенностями, установленными процессуальным законодательством, — несовершеннолетними детьми в подтверждение законного происхождения средств, позволивших приобрести соответствующее имущество, по своему внутреннему убеждению.

Приведенное законодательное регулирование, как не предполагающее лишение лица, в отношении которого разрешается вопрос об обращении принадлежащего ему имущества в доход Российской Федерации, права представлять в суде любые допустимые доказательства, отвечает требованиям статей 46–52, 120 и 123 Конституции Российской Федерации и корреспондирующих им статей 6 и 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и соотносится с основанной на этих требованиях правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, в силу которой реализация в должном объеме права на судебную защиту невозможна, если в судебном разбирательстве не обеспечивается соблюдение условий, необходимых для вынесения правосудного, т. е. законного, обоснованного и справедливого, решения по делу, и не принимаются меры к устранению препятствующих этому обстоятельств (Постановление от 8 декабря 2003 года № 18-П).

5.3. По буквальному смыслу подпункта 8 пункта 2 статьи 235 ГК Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», предполагается, что имущество, в отношении которого государственным (муниципальным) служащим не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы, подлежит изъятию в целом, независимо от того, что в какой-то части затраты на его приобретение могли быть произведены из законных доходов.

Избранный федеральным законодателем подход, основанный на учете и сопоставлении поддающегося фиксации и оценке совокупного дохода государственного (муниципального) служащего и его супруги (супруга) за определенный период (три года) и произведенных ими расходов, обеспечивает соблюдение баланса частных и публичных интересов при применении данной меры государственного принуждения к лицу, в отношении имущества которого не доказана законность происхождения доходов, направленных на его приобретение, и, следовательно, является конституционно допустимым.

Вместе с тем в отдельных случаях — особенно если при выявлении несоответствия расходов государственного (муниципального) служащего, его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей за определенный период их общему доходу доля доходов, законность которых не доказана, оказывается незначительной — изъятие в целом имущества, происхождение которого презюмируется как незаконное, может повлечь в нарушение статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации несоразмерное целям борьбы с коррупцией ограничение прав указанных лиц, что, принимая во внимание право соответствующего собственника доказывать факт приобретения того или иного имущества на законные доходы, не исключает и право суда с учетом фактических обстоятельств конкретного дела обращать в до-

ход государства только ту часть имущества, законность приобретения которой не доказана.

5.4. Статья 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» во взаимосвязи с другими его положениями предполагает, что подлежащее изъятию имущество, в отношении которого государственным (муниципальным) служащим не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы, может принадлежать как самому государственному (муниципальному) служащему, так и членам его семьи — супруге (супругу) и несовершеннолетним детям, которые тем самым претерпевают неблагоприятные последствия презюмируемого нарушения им антикоррупционного законодательства.

Такое правовое регулирование обусловлено налагаемыми на государственного (муниципального) служащего ограничениями, вытекающими из его правового статуса, и призвано минимизировать риск злоупотреблений при оформлении того или иного имущества в собственность, а потому не может рассматриваться как несоразмерное ограничение конституционных прав членов семьи государственного (муниципального) служащего, тем более что федеральный законодатель в целях соблюдения баланса публичных и частных интересов ограничил круг лиц, за чьими расходами осуществляется контроль, теми членами семьи государственного (муниципального) служащего, которые, как правило, ведут с ним общее хозяйство, а именно супругой (супругом) и их несовершеннолетними детьми (пункт 2 части 1 статьи 2 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»).

Аналогичной позиции придерживается Европейский Суд по правам человека, признающий изъятие имущества, имеющего незаконное происхождение, правомерным вмешательством государства в осуществление прав, которое преследует законную цель — борьбу с коррупцией в системе государственной службы. По мнению Европейского Суда по правам человека, законодательные меры, служащие средством борьбы с серьезными правонарушениями, влекущими за собой неосновательное обогащение, являются оправданными даже при отсутствии обвинительного приговора, а также доказательств вне «всякого разумного сомнения» в отношении незаконного происхождения соответствующего имущества и могут быть применены не только против обвиняемых, но и против их близких родственников, которые предположительно владеют и управляют приобретенным нечестным путем имуществом неофициально или иным образом без необходимой добросовестности (постановление от 12 мая 2015 года по делу «Гогитидзе (*Gogitidze*) и другие против Грузии»).

Тем не менее в соответствии с Федеральным законом «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» лицом, с которым могут быть связаны те или иные коррупционные проявления, выступает именно государственный (муниципальный) служащий и исключительно на нем лежит обязанность сообщения соответствующих сведений (статья 3). В связи с этим возложение негативных последствий презюмируемого нарушения государственным (муниципальным) служащим антикоррупционного законодательства на членов его семьи можно признать допустимым лишь при обеспечении им права представлять на стадиях досудебного и судебного рассмотрения дела любые необходимые доказательства законности происхождения доходов, направленных на приобретение ими имущества, в том числе опровергающие или корректирующие сведения, сообщенные государственным (муниципальным) служащим.

Это означает, что закрепленные Федеральным законом «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» для государственного (муниципального) служащего гарантии (статья 9) должны распространяться и на членов его семьи, тем более что в силу статьи 56 ГПК Российской Федерации в рамках судебного процесса члены семьи государственного (муниципального) служащего, привлеченные к участию в деле по иску прокурора (что необходимо, если осуществляется изъятие их имущества), в любом случае обладают правом доказывать те обстоятельства, на которые они ссылаются.

Следовательно, в системе действующего правового регулирования статья 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» не может рассматриваться как противоречащая статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, поскольку не предполагает лишение члена семьи государственного (муниципального) служащего, к которому применяется мера государственного принуждения в виде обращения принадлежащего ему имущества в доход Российской Федерации, права представлять любые необходимые доказательства законности происхождения доходов, направленных на приобретение этого имущества, и опровергать или корректировать сведения, сообщенные о них государственным (муниципальным) служащим.

5.5. По буквальному смыслу статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», взыскание в доход государства может быть обращено лишь на прямо указанное в ней имущество (недвижимость, транспортные средства, акции и т. п.). Это, как правило, дорогостоящее имущество, в отношении которого ведется учет, осуществляются регистрационные действия и принадлежность которого конкретному лицу определяется на основе данных о регистрации.

Вместе с тем в случае, когда имущество, в отношении которого не доказана законность происхождения доходов, направленных на его приобретение, было реализовано собственником с целью избежать применения соответствующих мер, а полученные от реализации указанного имущества средства фактически выступают его денежным эквивалентом, изъятие этих средств не может рассматриваться как свидетельствующее о расширительном толковании закона, на недопустимость которого применительно к установленным им мерам ответственности неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации (Постановление от 27 мая 2008 года № 8-П; определения от 8 февраля 2001 года № 33-О, от 1 июня 2010 года № 841-О-П и др.).

Следовательно, статья 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» не препятствует обращению взыскания на денежные средства, полученные государственным (муниципальным) служащим и членами его семьи от реализации имущества, в отношении которого не подтверждена законность происхождения доходов, направленных на его приобретение, — иное истолкование являлось бы неоправданным и не согласующимся с конституционно значимыми целями законодательного регулирования в сфере противодействия коррупции допущением возможности уклонения государственного (муниципального) служащего от неблагоприятных последствий в виде изъятия имущества и с неизбежностью приводило бы к существенному снижению эффективности осуществленного федеральным законодателем правового регулирования вопреки его действительной воле.

5.6. В соответствии со статьей 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» рассмотрение дела по заявлению прокурора об обращении в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого государственным (муниципальным) служащим не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы, осуществляется в порядке гражданского судопроизводства, а не в порядке административного судопроизводства.

Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации регулирует ограниченный круг отношений, а именно порядок осуществления административного судопроизводства при рассмотрении и разрешении Верховным Судом Российской Федерации, судами общей юрисдикции, мировыми судьями административных дел о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, а также других административных дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений и связанных с осуществлением судебного контроля за законностью и обоснованностью осуществления государственных или иных публичных полномочий (часть 1 статьи 1); не подлежат рассмотрению в порядке, установленном данным Кодексом, дела, возникающие из публичных правоотношений и отнесенные федеральным законом к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации, конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, арбитражных судов или подлежащие рассмотрению в ином судебном (процессуальном) порядке в Верховном Суде Российской Федерации, судах общей юрисдикции (часть 4 статьи 1).

Что касается заявленных прокурором в порядке статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» требований, то они связаны с разрешением вопроса о судьбе права собственности на имущество, в отношении которого не представлены доказательства его приобретения на законные доходы, т. е. по своему характеру являются исковыми. Учитывая, что соответствующее основание прекращения права собственности на такое имущество предусмотрено Гражданским кодексом Российской Федерации (подпункт 8 пункта 2 статьи 235), рассмотрение данной категории дел именно в порядке гражданского судопроизводства не только допустимо, но и оправданно, поскольку позволяет обеспечить оптимальный баланс публичных и частных интересов, связанных с необходимостью предоставления государственному (муниципальному) служащему, его супруге (супругу) и несовершеннолетним детям достаточного объема прав по доказыванию законности происхождения доходов, на которые было приобретено соответствующее имущество, и опровержению сведений, послуживших основанием для обращения органов прокуратуры в суд с соответствующим заявлением.

6. Таким образом, положения подпункта 8 пункта 2 статьи 235 ГК Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», допускающие обращение в порядке гражданского судопроизводства в доход Российской Федерации имущества, принадлежащего лицу, замещающему должность государственной (муниципальной) службы, его супруге (супругу) и несовершеннолетним детям, в отношении которого не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы, — по своему конституционно-правовому смыслу, выявленному в настоящем Постановлении, — не противоречат Конституции Российской Федерации.

Этим не исключается полномочие федерального законодателя в процессе совершенствования правового регулирования уточнить основания и порядок применения данной меры государственного принуждения, в том числе в части предоставления государственным (муниципальным) служащим, его супругой (супругом) и — с особенностями, установленными гражданским процессуальным законодательством, — несовершеннолетними детьми доказательств законного происхождения средств, позволивших приобрести соответствующее имущество, а также предусмотреть особенности обращения взыскания на имущество при выявлении незначительного расхождения размера расходов на его приобретение и размера доходов, законность происхождения которых подтверждена.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 100 и 104 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать положения подпункта 8 пункта 2 статьи 235 ГК Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» не противоречащими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой, допуская обращение в порядке гражданского судопроизводства в доход Российской Федерации принадлежащих лицу, замещающему должность государственной (муниципальной) службы, его супруге (супругу) и несовершеннолетним детям земельных участков, других объектов недвижимых средств, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), в отношении которых таким лицом не представлено сведений, подтверждающих их приобретение на законные доходы, а также денежных средств, полученных от продажи такого имущества, эти положения по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования:

предполагают необходимость учета при определении оснований применения данной меры государственного принуждения всего объема законных доходов, которые были получены указанными лицами и могли быть использованы для приобретения соответствующего имущества, в том числе законных доходов, не отраженных в представленных государственным (муниципальным) служащим сведениях о доходах, и позволяют указанным лицам представлять доказательства законности происхождения своих доходов;

не препятствуют суду принимать любые допустимые Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации доказательства, представленные как государственным (муниципальным) служащим, так и его супругой (супругом) и — с особенностями, установленными данным Кодексом, — несовершеннолетними детьми в подтверждение законного происхождения средств, позволивших приобрести соответствующее имущество, которые подлежат оценке судом по его внутреннему убеждению с учетом правовых позиций, выраженных Конституционным Судом Российской Федерации в настоящем Постановлении;

не препятствуют суду при выявлении незначительного расхождения размера доходов, законность происхождения которых подтверждена, и размера расходов на приобретение соответствующего имущества с учетом фактических обстоятельств конкретного дела определить ту его часть, которая приобретена на доходы, законность происхождения которых не доказана, и потому подлежит обращению в доход Российской Федерации (либо денеж-

ные средства, полученные от реализации такого имущества), а также определить порядок исполнения своего решения с учетом особенностей этого имущества.

2. Конституционно-правовой смысл положений подпункта 8 пункта 2 статьи 235 ГК Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

---

6 июня
2016 года,
город Санкт-
Петербург

№ 1169-О

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества «Корфовский каменный карьер» на нарушение конституционных прав и свобод частью 1 статьи 7 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования»

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, Г. А. Жилина, С. М. Казанцева, М. И. Клеандрова, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи Ю. М. Данилова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы ОАО «Корфовский каменный карьер»,

у с т а н о в и л :

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации ОАО «Корфовский каменный карьер» оспаривает конституционность части 1 статьи 7 Федерального закона от 24 июля 2009 года № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования», согласно которой объектом обложения страховыми взносами для плательщиков страховых взносов, указанных в подпунктах «а» и «б» пункта 1 части 1 статьи 5 данного Федерального закона, признаются выплаты и иные вознаграждения, начисляемые плательщиками страховых взносов в пользу физических лиц в рамках трудовых отношений и гражданско-правовых договоров, предметом которых является выполнение работ, оказание услуг, по договорам авторского заказа, в пользу авторов произведений по договорам об отчуждении исключительного права на произведения науки, литературы, искусства, издательским лицензионным договорам, лицензионным договорам о предоставлении права использования произведения науки, литературы, искусства, в том числе вознаграждения, начисляемые организациями по управлению правами на коллективной основе в пользу авторов произведений по договорам, заключенным с пользователями (за рядом исключений); объектом обложения страховыми взносами для плательщиков страховых взносов, указанных в подпункте «а» пункта 1 части 1 статьи 5 данного Федерального закона, признаются также

выплаты и иные вознаграждения, начисляемые в пользу физических лиц, подлежащих обязательному социальному страхованию в соответствии с федеральными законами о конкретных видах обязательного социального страхования.

Как следует из представленных материалов, решением Арбитражного суда Хабаровского края от 31 марта 2015 года ОАО «Корфовский каменный карьер» отказано в признании недействительным решения территориального управления Пенсионного фонда Российской Федерации в части привлечения общества как плательщика взносов к ответственности за неуплату страховых взносов с сумм вознаграждений членам совета директоров, членам ревизионной комиссии и секретарю совета директоров ОАО «Корфовский каменный карьер». Постановлением Шестого арбитражного апелляционного суда от 1 июня 2015 года, постановлением Арбитражного суда Дальневосточного округа от 13 августа 2015 года решение суда первой инстанции оставлено без изменений, а соответствующие жалобы ОАО «Корфовский каменный карьер» – без удовлетворения. В передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отказано определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 29 октября 2015 года, оснований для несогласия с которым не усмотрел заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации, о чем заявитель был уведомлен письмом от 28 декабря 2015 года. При этом суды исходили из того, что деятельность членов совета директоров и членов ревизионной комиссии, как связанная с выполнением соответственно управленческих и контрольных функций, регулируется нормами гражданского законодательства.

По мнению ОАО «Корфовский каменный карьер», часть 1 статьи 7 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» не соответствует статье 57 Конституции Российской Федерации, поскольку по смыслу, придаваемому этому законоположению правоприменительной практикой, допускающей его расширительное толкование, позволяет Пенсионному фонду Российской Федерации включать в объект обложения страховыми взносами вознаграждения членам совета директоров и ревизионной комиссии, которые выплачиваются на основании решения общего собрания акционерного общества, а не по трудовым или гражданско-правовым договорам.

2. Провозглашение Российской Федерации правовым и социальным государством, в котором человек, его права и свободы являются высшей ценностью, достоинство личности охраняется государством, создаются условия для достойной жизни и свободного развития человека; каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь; медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений; каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом (статья 1, часть 1; статья 2; статья 7, часть 1; статья 21, часть 1; статья 39, часть 1; статья 41, часть 1, Конституции Российской Федерации), обязывает государство разрабатывать эффективный механизм реализации указанных конституционных прав.

Обязательное социальное страхование, представляющее собой часть государственной системы социальной защиты населения, спецификой которой является осуществляемое в соответствии с федеральным законом страхование как работающих, так и иных категорий граждан от возможного измене-

ния материального и (или) социального положения, в том числе по независящим от них обстоятельствам (статья 1 Федерального закона от 16 июля 1999 года № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования»), выступает в качестве основной организационно-правовой формы реализации указанных прав граждан. При этом предполагается уплата лицами, признаваемыми страхователями, обязательных платежей на обязательное социальное страхование – страховых взносов.

В соответствии со статьей 3 Федерального закона от 15 декабря 2001 года № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» обязательное пенсионное страхование – это система создаваемых государством правовых, экономических и организационных мер, направленных на компенсацию гражданам заработка (выплат, вознаграждений в пользу застрахованного лица), получаемого ими до установления обязательного страхового обеспечения (абзац второй); страховые взносы на обязательное пенсионное страхование – обязательные платежи, которые уплачиваются в Пенсионный фонд Российской Федерации и целевым назначением которых является обеспечение прав граждан на получение обязательного страхового обеспечения по обязательному пенсионному страхованию (в том числе страховых пенсий, фиксированных выплат к ним и социальных пособий на погребение), включая индивидуально возмездные обязательные платежи, персональным целевым назначением которых является обеспечение права гражданина на получение накопительной пенсии и иных выплат за счет средств пенсионных накоплений (абзац седьмой).

Согласно статье 3 Федерального закона от 29 ноября 2010 года № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» обязательное медицинское страхование – вид обязательного социального страхования, представляющий собой систему создаваемых государством правовых, экономических и организационных мер, направленных на обеспечение при наступлении страхового случая гарантий бесплатного оказания застрахованному лицу медицинской помощи за счет средств обязательного медицинского страхования в пределах территориальной программы обязательного медицинского страхования и в установленных данным Федеральным законом случаях в пределах базовой программы обязательного медицинского страхования (пункт 1); страховые взносы на обязательное медицинское страхование – обязательные платежи, которые уплачиваются страхователями, обладают обезличенным характером и целевым назначением которых является обеспечение прав застрахованного лица на получение страхового обеспечения (пункт 6).

Таким образом, страховые взносы на обязательное пенсионное и медицинское страхование составляют финансовую основу для предоставления застрахованным лицам страхового обеспечения, и возложение на страхователей, в том числе на организации, обязанности по их уплате является необходимым элементом правового механизма, гарантирующего реализацию конституционных прав застрахованных лиц.

3. Отношения, связанные с исчислением и уплатой (перечислением) страховых взносов в том числе на обязательное пенсионное страхование (в Пенсионный фонд Российской Федерации) и на обязательное медицинское страхование (в Федеральный фонд обязательного медицинского страхования), регулируются Федеральным законом «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» (часть 1 статьи 1).

В соответствии с положениями указанного Федерального закона к числу плательщиков страховых взносов отнесены организации, производящие

выплаты и иные вознаграждения физическим лицам (подпункт «а» пункта 1 части 1 статьи 5), а также определен объект обложения страховыми взносами (часть 1 статьи 7).

3.1. Совет директоров (наблюдательный совет) акционерного общества и ревизионная комиссия представляют собой коллегиальные органы управления корпорацией, которые, как следует из пункта 4 статьи 65³ ГК Российской Федерации, контролируют деятельность исполнительных органов и выполняют иные функции, возложенные на них законом и уставом акционерного общества. В частности, в силу Федерального закона от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» совет директоров может заниматься общим руководством деятельностью общества, за исключением вопросов, отнесенных к компетенции общего собрания акционеров (пункт 1 статьи 65), а ревизионная комиссия (ревизор) общества осуществляет контроль за его финансово-хозяйственной деятельностью (пункт 1 статьи 85). По решению общего собрания акционеров членам совета директоров (наблюдательного совета) общества в период исполнения ими своих обязанностей могут выплачиваться вознаграждение и (или) компенсироваться расходы, связанные с исполнением ими функций членов совета директоров (наблюдательного совета) общества; размеры таких вознаграждений и компенсаций устанавливаются решением общего собрания акционеров (пункт 2 статьи 64); аналогичное правило установлено и для членов ревизионной комиссии (абзац второй пункта 1 статьи 85).

Таким образом, отношения с участием членов совета директоров и ревизионной комиссии в полной мере подпадают под предмет регулирования гражданско-правового законодательства, как он установлен в пункте 2 ГК Российской Федерации. Действующая редакция данной нормы прямо включает в предмет гражданско-правового регулирования отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими (корпоративные отношения).

В соответствии с Федеральным законом «Об акционерных обществах» члены совета директоров и ревизионной комиссии избираются общим собранием акционеров (пункт 1 статьи 66 и пункт 1 статьи 85). Статус члена совета директоров предполагает возникновение у гражданина как прав, так и обязанностей, а также возможность привлечения его к ответственности за убытки, причиненные его виновными действиями (бездействием), согласно статье 71 указанного Федерального закона. В соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации таким основанием возникновения гражданских прав и обязанностей в случаях, установленных законом, являются и решения собраний (подпункт 1¹ пункта 1 статьи 8); при этом решение собраний может порождать правовые последствия не только для лиц, имевших право участвовать в собрании, но и для иных лиц, если это установлено законом или вытекает из существа отношений (пункт 2 статьи 181¹).

Между тем граждане приобретают гражданские права своей волей и в своем интересе (пункт 2 статьи 1 ГК Российской Федерации). Соответственно, для приобретения статуса члена совета директоров или члена ревизионной комиссии требуется выражение согласия избираемого лица.

Пункт 3.3 Положения о дополнительных требованиях к порядку подготовки, созыва и проведения общего собрания акционеров (утверждено приказом Федеральной службы по финансовым рынкам от 2 февраля 2012 года № 12-б/пз-н) относит к дополнительной информации, обязательной для предоставления лицам, имеющим право на участие в общем собрании, при подготовке к проведению общего собрания, повестка дня которого содержит вопрос об избрании, в частности, членов совета директоров (наблюдательного совета) и членов ревизионной комиссии, информацию о наличии

либо отсутствию письменного согласия выдвинутых кандидатов на избрание в соответствующий орган общества.

Следовательно, члены совета директоров и ревизионной комиссии, соглашаясь на осуществление определенной деятельности в интересах общества, принимают на себя обязанность по выполнению необходимой для этого функции по управлению и (или) контролю за деятельностью общества. По существу, речь идет о заключении договора между обществом и членами совета директоров и ревизионной комиссии. При этом такая деятельность предполагает осуществление обществом предусмотренных законом выплат в пользу членов совета директоров и ревизионной комиссии по решению общего собрания акционеров.

Пункт 2 статьи 64 и пункт 1 статьи 85 Федерального закона «Об акционерных обществах» предусматривают два вида выплат членам совета директоров и ревизионной комиссии: вознаграждение и компенсацию расходов, связанных с исполнением ими своих функций. Компенсация расходов, связанных с исполнением лицом своих обязанностей, не является для членов совета директоров или ревизионной комиссии встречным предоставлением за исполнение ими своих договорных обязанностей; она призвана компенсировать фактические расходы (издержки), возникшие у данных лиц в связи с осуществлением ими своей деятельности. В свою очередь, вознаграждение выплачивается членам совета директоров и ревизионной комиссии в связи с исполнением ими обязанностей, что характеризует его как встречное предоставление общества за исполнение лицами указанных обязанностей.

При этом выплата данного вознаграждения может осуществляться на основании решения общего собрания акционеров как при наличии соответствующего условия в договоре, заключаемом между членом совета директоров или ревизионной комиссии и обществом, так и в отсутствие такого условия.

В связи с этим в целях обеспечения социальных прав членов совета директоров, а также с учетом характера и природы соответствующих выплат федеральный законодатель предусмотрел освобождение от уплаты страховых взносов только выплат, производимых физическим лицам, находящимся во властном (административном) подчинении организации, а также членам совета директоров или любого аналогичного органа компании, прибывающим для участия в заседании совета директоров, правления или другого аналогичного органа этой компании, в части компенсации им расходов, связанных с осуществлением ими соответствующей деятельности (часть 2 статьи 9 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования»), без распространения аналогичного правила в отношении вознаграждения членов совета директоров и ревизионной комиссии общества.

3.2. Таким образом, действующее правовое регулирование предполагает отнесение вознаграждения, производимого членам совета директоров и ревизионной комиссии общества в связи с выполнением возложенных на них обязанностей по управлению и контролю за деятельностью общества, к объекту обложения страховыми взносами независимо от того, содержится ли условие о выплате данного вознаграждения в договоре, заключаемом между членом соответствующего органа и обществом, и позволяет считать такие выплаты осуществляемыми в рамках гражданско-правовых договоров, поскольку в противном случае правовой режим обложения страховыми взносами для одной и той же выплаты будет ставиться в зависимость от формального, не связанного с ее правовой природой, критерия (наличие или

отсутствие условия о ней в договоре), что приводило бы к нарушению конституционного принципа равенства.

Соответственно, оспариваемое законоположение является одним из элементов механизма, гарантирующего реализацию гражданами права на социальное обеспечение, в том числе медицинскую помощь, направлено на обеспечение нормального функционирования финансовой системы обязательного социального страхования и само по себе не может расцениваться как нарушающее конституционные предписания и права заявителя.

При таких обстоятельствах жалоба ОАО «Корфовский каменный карьер», как не отвечающая критерию допустимости, закрепленному в Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации», не может быть принята Конституционным Судом Российской Федерации к рассмотрению.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества «Корфовский каменный карьер», поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

---

6 июня
2016 года,
город Санкт-
Петербург

№ 1170-О

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы акционерного общества «Авиационные редуктора и трансмиссии – Пермские моторы» на нарушение конституционных прав и свобод частью 1 статьи 7 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования»

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, Г. А. Жилина, С. М. Казанцева, М. И. Клеандрова, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи Ю. М. Данилова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы АО «Авиационные редуктора и трансмиссии – Пермские моторы»,

у с т а н о в и л :

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации АО «Авиационные редуктора и трансмиссии – Пермские моторы» оспаривает конституционность части 1 статьи 7 Федерального закона от 24 июля 2009 года № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования», согласно которой объектом обложения страховыми взносами для плательщиков страховых взносов, указанных в подпунктах «а» и «б» пункта 1 части 1 статьи 5 данного Федерального закона, признаются выплаты и иные вознаграждения, начисляемые плательщиками страховых взносов в пользу физических лиц в рамках трудовых отношений и гражданско-правовых договоров, предметом которых является выполнение работ, оказание услуг, по договорам авторского заказа, в пользу авторов произведений по договорам об отчуждении исключительного права на произведения науки, литературы, искусства, издательским лицензионным договорам, лицензионным договорам о предоставлении права использования произведения науки, литературы, искусства, в том числе вознаграждения, начисляемые организациями по управлению правами на коллективной основе в пользу авторов произведений по договорам, заключенным с пользователями (за рядом исключений); объектом обложения страховыми взносами для плательщиков страховых взносов, ука-

занных в подпункте «а» пункта 1 части 1 статьи 5 данного Федерального закона, признаются также выплаты и иные вознаграждения, начисляемые в пользу физических лиц, подлежащих обязательному социальному страхованию в соответствии с федеральными законами о конкретных видах обязательного социального страхования.

Как следует из представленных материалов, АО «Авиационные редуктора и трансмиссии – Пермские моторы» обратилось в суд с заявлением к Управлению Пенсионного фонда Российской Федерации в Свердловском районе города Перми об отмене решения от 13 октября 2014 года о доначислении страховых взносов в размере 3 879 387,92 руб., пени за неуплату страховых взносов в сумме 512 198,52 руб., штрафа в размере 775 877,58 руб., указав в обоснование своих требований, что территориальное управление Пенсионного фонда Российской Федерации неправомочно начислило страховые взносы с вознаграждений, выплаченных членам совета директоров и ревизионной комиссии общества, поскольку данные выплаты произведены не на основании трудовых и (или) гражданско-правовых договоров, а во исполнение решения общего собрания акционеров.

Решением Арбитражного суда Пермского края от 8 декабря 2014 года начисление пени и взыскание штрафа с АО «Авиационные редуктора и трансмиссии – Пермские моторы» отменены, в удовлетворении заявления об отмене решения Управления Пенсионного фонда Российской Федерации в Свердловском районе города Перми от 13 октября 2014 года о доначислении страховых взносов в размере 3 879 387,92 руб. отказано со ссылкой на часть 1 статьи 7 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования».

Постановлениями Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 25 февраля 2015 года и Арбитражного суда Уральского округа от 10 июня 2015 года указанное решение оставлено без изменения. Определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 25 ноября 2015 года заявителю отказано в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации.

По мнению АО «Авиационные редуктора и трансмиссии – Пермские моторы», часть 1 статьи 7 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» не соответствует статьям 1 (часть 1), 10, 19 (часть 1), 35 (часть 1), 45 (часть 1), 55 (часть 3) и 57 Конституции Российской Федерации, поскольку по смыслу, придаваемому этому законоположению правоприменительной практикой, допускающей его расширительное толкование, позволяет Пенсионному фонду Российской Федерации включать в объект обложения страховыми взносами вознаграждения членам совета директоров и ревизионной комиссии, которые выплачиваются на основании решения общего собрания акционерного общества, а не по трудовым или гражданско-правовым договорам.

2. Провозглашение Российской Федерации правовым и социальным государством, в котором человек, его права и свободы являются высшей ценностью, достоинство личности охраняется государством, создаются условия для достойной жизни и свободного развития человека; каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь; медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых

взносов, других поступлений; каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом (статья 1, часть 1; статья 2; статья 7, часть 1; статья 21, часть 1; статья 39, часть 1; статья 41, часть 1, Конституции Российской Федерации), обязывает государство разработать эффективный механизм реализации указанных конституционных прав.

Обязательное социальное страхование, представляющее собой часть государственной системы социальной защиты населения, спецификой которой является осуществляемое в соответствии с федеральным законом страхование как работающих, так и иных категорий граждан от возможного изменения материального и (или) социального положения, в том числе по независящим от них обстоятельствам (статья 1 Федерального закона от 16 июля 1999 года № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования»), выступает в качестве основной организационно-правовой формы реализации указанных прав граждан. При этом предполагается уплата лицами, признаваемыми страхователями, обязательных платежей на обязательное социальное страхование — страховых взносов.

В соответствии со статьей 3 Федерального закона от 15 декабря 2001 года № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» обязательное пенсионное страхование — это система создаваемых государством правовых, экономических и организационных мер, направленных на компенсацию гражданам заработка (выплат, вознаграждений в пользу застрахованного лица), получаемого ими до установления обязательного страхового обеспечения (абзац второй); страховые взносы на обязательное пенсионное страхование — обязательные платежи, которые уплачиваются в Пенсионный фонд Российской Федерации и целевым назначением которых является обеспечение прав граждан на получение обязательного страхового обеспечения по обязательному пенсионному страхованию (в том числе страховых пенсий, фиксированных выплат к ним и социальных пособий на погребение), включая индивидуально возмездные обязательные платежи, персональным целевым назначением которых является обеспечение права гражданина на получение накопительной пенсии и иных выплат за счет средств пенсионных накоплений (абзац седьмой).

Согласно статье 3 Федерального закона от 29 ноября 2010 года № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» обязательное медицинское страхование — вид обязательного социального страхования, представляющий собой систему создаваемых государством правовых, экономических и организационных мер, направленных на обеспечение при наступлении страхового случая гарантий бесплатного оказания застрахованному лицу медицинской помощи за счет средств обязательного медицинского страхования в пределах территориальной программы обязательного медицинского страхования и в установленных данным Федеральным законом случаях в пределах базовой программы обязательного медицинского страхования (пункт 1); страховые взносы на обязательное медицинское страхование — обязательные платежи, которые уплачиваются страхователями, обладают обезличенным характером и целевым назначением которых является обеспечение прав застрахованного лица на получение страхового обеспечения (пункт 6).

Таким образом, страховые взносы на обязательное пенсионное и медицинское страхование составляют финансовую основу для предоставления застрахованным лицам страхового обеспечения, и возложение на страхователей, в том числе организации, обязанности по их уплате является необхо-

димым элементом правового механизма, гарантирующего реализацию конституционных прав застрахованных лиц.

3. Отношения, связанные с исчислением и уплатой (перечислением) страховых взносов в том числе на обязательное пенсионное страхование (в Пенсионный фонд Российской Федерации) и на обязательное медицинское страхование (в Федеральный фонд обязательного медицинского страхования), регулируются Федеральным законом «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» (часть 1 статьи 1).

В соответствии с положениями указанного Федерального закона к числу плательщиков страховых взносов отнесены организации, производящие выплаты и иные вознаграждения физическим лицам (подпункт «а» пункта 1 части 1 статьи 5), а также определен объект обложения страховыми взносами (часть 1 статьи 7).

3.1. Совет директоров (наблюдательный совет) акционерного общества и ревизионная комиссия представляют собой коллегиальные органы управления корпорацией, которые, как следует из пункта 4 статьи 65³ ГК Российской Федерации, контролируют деятельность исполнительных органов и выполняют иные функции, возложенные на них законом и уставом акционерного общества. В частности, в силу Федерального закона от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» совет директоров может заниматься общим руководством деятельностью общества, за исключением вопросов, отнесенных к компетенции общего собрания акционеров (пункт 1 статьи 65), а ревизионная комиссия (ревизор) общества осуществляет контроль за его финансово-хозяйственной деятельностью (пункт 1 статьи 85). По решению общего собрания акционеров членам совета директоров (наблюдательного совета) общества в период исполнения ими своих обязанностей могут выплачиваться вознаграждение и (или) компенсироваться расходы, связанные с исполнением ими функций членов совета директоров (наблюдательного совета) общества; размеры таких вознаграждений и компенсаций устанавливаются решением общего собрания акционеров (пункт 2 статьи 64); аналогичное правило установлено и для членов ревизионной комиссии (абзац второй пункта 1 статьи 85).

Таким образом, отношения с участием членов совета директоров и ревизионной комиссии в полной мере подпадают под предмет регулирования гражданско-правового законодательства, как он установлен в пункте 1 статьи 2 ГК Российской Федерации. Действующая редакция данной нормы прямо включает в предмет гражданско-правового регулирования отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими (корпоративные отношения).

В соответствии с Федеральным законом «Об акционерных обществах» члены совета директоров и ревизионной комиссии избираются общим собранием акционеров (пункт 1 статьи 66 и пункт 1 статьи 85). Статус члена совета директоров предполагает возникновение у гражданина как прав, так и обязанностей, а также возможность привлечения его к ответственности за убытки, причиненные его виновными действиями (бездействием), согласно статье 71 указанного Федерального закона. В соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации таким основанием возникновения гражданских прав и обязанностей в случаях, установленных законом, являются и решения собраний (подпункт 1¹ пункта 1 статьи 8); при этом решение собраний может порождать правовые последствия не только для лиц, имевших право участвовать в собрании, но и для иных лиц, если это установлено законом или вытекает из существа отношений (пункт 2 статьи 181¹).

Между тем граждане приобретают гражданские права своей волей и в своем интересе (пункт 2 статьи 1 ГК Российской Федерации). Соответственно, для приобретения статуса члена совета директоров или члена ревизионной комиссии требуется выражение согласия избираемого лица.

Пункт 3.3 Положения о дополнительных требованиях к порядку подготовки, созыва и проведения общего собрания акционеров (утверждено приказом Федеральной службы по финансовым рынкам от 2 февраля 2012 года № 12-6/пз-н) относит к дополнительной информации, обязательной для предоставления лицам, имеющим право на участие в общем собрании, при подготовке к проведению общего собрания, повестка дня которого содержит вопрос об избрании, в частности, членов совета директоров (наблюдательного совета) и членов ревизионной комиссии, информацию о наличии либо отсутствии письменного согласия выдвинутых кандидатов на избрание в соответствующий орган общества.

Следовательно, члены совета директоров и ревизионной комиссии, соглашаясь на осуществление определенной деятельности в интересах общества, принимают на себя обязанность по выполнению необходимой для этого функции по управлению и (или) контролю за деятельностью общества. По существу, речь идет о заключении договора между обществом и членами совета директоров и ревизионной комиссии. При этом такая деятельность предполагает осуществление обществом предусмотренных законом выплат в пользу членов совета директоров и ревизионной комиссии по решению общего собрания акционеров.

Пункт 2 статьи 64 и пункт 1 статьи 85 Федерального закона «Об акционерных обществах» предусматривают два вида выплат членам совета директоров и ревизионной комиссии: вознаграждение и компенсацию расходов, связанных с исполнением ими своих функций. Компенсация расходов, связанных с исполнением лицом своих обязанностей, не является для членов совета директоров или ревизионной комиссии встречным предоставлением за исполнение ими своих договорных обязанностей; она призвана компенсировать фактические расходы (издержки), возникшие у данных лиц в связи с осуществлением ими своей деятельности. В свою очередь, вознаграждение выплачивается в связи с исполнением обязанностей членами совета директоров и ревизионной комиссии, что характеризует его как встречное предоставление общества за исполнение лицами указанных обязанностей.

При этом выплата данного вознаграждения может осуществляться на основании решения общего собрания акционеров как при наличии соответствующего условия в договоре, заключаемом между членом совета директоров или ревизионной комиссии и обществом, так и в отсутствие такого условия.

В связи с этим в целях обеспечения социальных прав членов совета директоров, а также с учетом характера и природы соответствующих выплат федеральный законодатель предусмотрел освобождение от уплаты страховых взносов только выплат, производимых физическим лицам, находящимся во властном (административном) подчинении организации, а также членам совета директоров или любого аналогичного органа компании, прибывающим для участия в заседании совета директоров, правления или другого аналогичного органа этой компании, в части компенсации им расходов, связанных с осуществлением ими соответствующей деятельности (часть 2 статьи 9 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования»), без распространения аналогичного правила в отношении вознаграждения членов совета директоров и ревизионной комиссии общества.

3.2. Таким образом, действующее правовое регулирование предполагает отнесение вознаграждения, производимого членам совета директоров и ревизионной комиссии общества в связи с выполнением возложенных на них обязанностей по управлению и контролю за деятельностью общества, к объекту обложения страховыми взносами независимо от того, содержится ли условие о выплате данного вознаграждения в договоре, заключаемом между членом соответствующего органа и обществом, и позволяет считать такие выплаты осуществляемыми в рамках гражданско-правовых договоров, поскольку в противном случае правовой режим обложения страховыми взносами для одной и той же выплаты будет ставиться в зависимость от формального, не связанного с ее правовой природой, критерия (наличие или отсутствие условия о ней в договоре), что приводило бы к нарушению конституционного принципа равенства.

Соответственно, оспариваемое законоположение является одним из элементов механизма, гарантирующего реализацию гражданами права на социальное обеспечение, в том числе медицинскую помощь, направлено на обеспечение нормального функционирования финансовой системы обязательного социального страхования и само по себе не может расцениваться как нарушающее конституционные предписания и права заявителя.

При таких обстоятельствах жалоба АО «Авиационные редуктора и трансмиссии – Пермские моторы», как не отвечающая критерию допустимости, закрепленному в Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации», не может быть принята Конституционным Судом Российской Федерации к рассмотрению.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы акционерного общества «Авиационные редуктора и трансмиссии – Пермские моторы», поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

---

6 июня
2016 года,
город Санкт-
Петербург

№ 1171-О

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Трубиловой Май Георгиевны на нарушение ее конституционных прав положениями частей первой и четвертой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, части четвертой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, статьи 151 и пункта 2 статьи 1099 Гражданского кодекса Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, Г. А. Жилина, С. М. Казанцева, М. И. Клеандрова, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи С. М. Казанцева, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданки М. Г. Трубиловой,

у с т а н о в и л :

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации гражданка М. Г. Трубилова оспаривает конституционность следующих законоположений:

положения части первой статьи 42 «Потерпевший» УПК Российской Федерации, согласно которому потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, во взаимосвязи с частью четвертой той же статьи, согласно которой по иску потерпевшего о возмещении в денежном выражении причиненного ему морального вреда размер возмещения определяется судом при рассмотрении уголовного дела или в порядке гражданского судопроизводства;

части четвертой статьи 159 «Мошенничество» УК Российской Федерации, предусматривающей уголовное наказание за мошенничество (т. е. хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием), совершенное организованной группой либо в особо крупном размере или повлекшее лишение права гражданина на жилое помещение;

статьи 151 «Компенсация морального вреда» ГК Российской Федерации, согласно которой если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные немущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину

нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда; при определении размера компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства; суд должен также учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинен вред;

пункта 2 статьи 1099 ГК Российской Федерации, согласно которому моральный вред, причиненный действиями (бездействием), нарушающими имущественные права гражданина, подлежит компенсации в случаях, предусмотренных законом.

Как следует из представленных материалов, М. Г. Трубилова после смерти своего отца как наследница по закону приняла присужденную ей решением суда о разделе наследственного имущества долю в наследстве в виде квартиры и денежной компенсации. Решением Чертановского районного суда города Москвы от 11 декабря 2012 года, вступившим в законную силу, был удовлетворен иск гражданина К. о взыскании с М. Г. Трубиловой в соответствии с представленной истцом в суд долговой распиской суммы долга наследодателя в размере 7 371 385,66 руб., а также процентов за неправомерное пользование чужими денежными средствами в размере 716 238,10 руб. Определением Верховного Суда Российской Федерации от 14 января 2014 года данное решение было отменено и дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции, который своим решением от 16 сентября 2014 года в удовлетворении иска К. отказал.

Приговором Чертановского районного суда города Москвы от 30 января 2015 года К. был признан виновным в совершении покушения на мошенничество в особо крупном размере – преступления, предусмотренного частью четвертой статьи 159 УК Российской Федерации, не доведенного до конца по не зависящим от него обстоятельствам, и с него в пользу потерпевшей М. Г. Трубиловой взысканы судебные издержки в размере 6225 руб., в удовлетворении же гражданского иска потерпевшей о взыскании с К. компенсации морального вреда в размере 7,5 млн руб. отказано. Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 30 марта 2015 года в данной части приговор оставлен без изменения.

Принимая такое решение, суды исходили из того, что действия осужденного К. были направлены на причинение потерпевшей имущественного ущерба; доказательств, свидетельствующих о причинении ей физических или нравственных страданий, не представлено; осужденный признал свою вину, раскаялся в содеянном и в судебном заседании принес потерпевшей свои извинения; фактической возможности распорядиться денежными средствами потерпевшей он так и не получил и гражданский иск признал частично (полагал, что размер компенсации морального вреда, заявленный ею, является завышенным).

Постановлением судьи Московского городского суда от 27 апреля 2015 года и постановлением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 18 июня 2015 года в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции М. Г. Трубиловой также было отказано.

По мнению заявительницы, оспариваемые законоположения противоречат статьям 2, 6 (часть 2), 7, 8 (часть 2), 15 (часть 1), 17, 18, 19 (части 1 и 2), 21, 23 (часть 1), 25, 27, 35, 37 (часть 1), 40 (часть 1), 45, 46 (часть 1), 52 и 55 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой по смыслу, придаваемому правоприменительной практикой, они допускают

безусловный отказ в удовлетворении гражданского иска потерпевшего о компенсации морального вреда, причиненного ему имущественным преступлением (в частности, предусмотренным частью четвертой статьи 159 УК Российской Федерации).

2. Согласно Конституции Российской Федерации в Российской Федерации права и свободы человека и гражданина признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации; они определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием; гарантируется государственная, в том числе судебная, защита прав и свобод человека и гражданина; каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом; права потерпевших от преступлений охраняются законом, государство обеспечивает им доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (статья 17, часть 1; статьи 18 и 45; статья 46, части 1 и 2; статья 52).

Обеспечение реализации указанных прав потерпевшего в силу статей 71 (пункты «в», «о»), 72 (пункт «б» части 1) и 76 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации осуществляется федеральным законодателем, в том числе посредством использования механизмов уголовно-процессуального и гражданско-правового регулирования, допускающих возмещение морального вреда, причиненного потерпевшему преступлением.

Конкретные основания компенсации морального вреда потерпевшему от преступления закреплены в Гражданском кодексе Российской Федерации: так, лицо, если ему причинен вред действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие ему нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, вправе, действуя по своему усмотрению и используя законно установленные способы защиты гражданских прав, требовать не только восстановления положения, существовавшего до нарушения права, но и компенсации морального вреда (пункт 2 статьи 2, подпункт 6 пункта 1 статьи 8, пункт 1 статьи 9, статьи 12, 150, 151, пункт 9 статьи 152, пункт 1 статьи 1064, статьи 1099–1101). Более того, современное правовое регулирование, как указывал Конституционный Суд Российской Федерации, не исключает возможности компенсации морального вреда, причиненного действиями (бездействием), нарушающими и имущественные права гражданина, – в тех случаях и тех пределах, в каких использование такого способа защиты гражданских прав вытекает из существа нарушенного нематериального права и характера последствий этого нарушения (Определение от 16 октября 2001 года № 252-О и др.).

Соответственно, оспариваемые М. Г. Трубиловой положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Уголовного кодекса Российской Федерации и Гражданского кодекса Российской Федерации в их системной взаимосвязи не определяют отказ в компенсации морального вреда лицу, которому преступлением были причинены физические и (или) нравственные страдания, в силу одного лишь факта квалификации совершенного преступления как посягающего на имущественные права и не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права заявительницы, в деле с участием которой суды пришли к выводу, что доказательств, свидетельствующих о причинении ей физических или нравственных страданий, не представлено.

Установление же фактических обстоятельств, являющихся основанием для выбора подлежащей применению нормы, в частности факта нарушения в результате преступления личных неимущественных прав гражданина либо посягательства на принадлежащие гражданину нематериальные блага, рав-

но как и проверка законности и обоснованности судебных актов не относятся к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации в силу статьи 125 Конституции Российской Федерации и статьи 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

определил:

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Трубиловой Майи Георгиевны, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

6 июня
2016 года,
город Санкт-
Петербург
№ 1232-О

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Плетнева Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав частями второй и третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, Г. А. Жилина, С. М. Казанцева, М. И. Клеандрова, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи А. Н. Кокотова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданина Д. А. Плетнева,

у с т а н о в и л :

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации гражданин Д. А. Плетнев оспаривает конституционность следующих положений статьи 56 «Свидетель» УПК Российской Федерации:

части второй, согласно которой вызов и допрос свидетелей осуществляются в порядке, установленном статьями 187–191 данного Кодекса;

части третьей, устанавливающей, что не подлежат допросу в качестве свидетелей судья, присяжный заседатель — об обстоятельствах уголовного дела, которые стали им известны в связи с участием в производстве по данному уголовному делу; адвокат, защитник подозреваемого, обвиняемого — об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием; адвокат — об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с оказанием юридической помощи; священнослужитель — об обстоятельствах, ставших ему известными из исповеди; член Совета Федерации, депутат Государственной Думы без их согласия — об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с осуществлением ими своих полномочий; должностное лицо налогового органа — об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с предоставленными сведениями, содержащимися в специальной декларации, представленной в соответствии с Федеральным законом от 8 июня 2015 года № 140-ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», и (или) прилагаемых к ней документах и (или) сведениях.

Как следует из жалобы и приложенных к ней материалов, приговором Октябрьского районного суда города Архангельска от 16 декабря 2014 года, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, Д. А. Плетнев был осужден по части первой статьи 303 УК Российской Федерации, предусматривающей ответственность за фальсификацию доказательств по гражданскому делу лицом, участвующим в деле, или его представителем. Будучи ответчиком по рассматривавшемуся районным судом города Архангельска гражданскому делу по искам о взыскании ущерба, причиненного заливом квартир водой, Д. А. Плетнев представил суду в качестве доказательств сфальсифицированные запрос в управляющую компанию, обслуживающую жилой дом, являвшийся на тот момент местом его временного проживания, и ответ на запрос, содержащий заведомо ложную информацию о том, что причиной залива стали действия управляющей компании. Однако, поскольку факты проведения гидравлических испытаний соответствующих сетей и выдачи каких-либо справок об этом Д. А. Плетневу были опровергнуты, суд критически оценил названные документы.

Во время расследования и судебного разбирательства уголовного дела Д. А. Плетнев свою вину в фальсификации доказательств не признал и указал, что он направил в управляющую компанию запрос, подготовленный его представителем по гражданскому делу — гражданином Я., не являвшимся адвокатом, который передал ему и ответ управляющей компании. Довод Д. А. Плетнева о том, что Я., желая избежать уголовной ответственности, дает против него ложные показания, был отвергнут судом. При этом у Я. в ходе доследственной проверки изымались документы, он допрашивался в качестве свидетеля по данному уголовному делу, между ним и обвиняемым проводилась очная ставка.

По мнению заявителя, части вторая и третья статьи 56 УПК Российской Федерации противоречат статье 48 Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они допускают допрос в качестве свидетеля по уголовно-

му делу лица, не являющегося адвокатом, участвовавшего ранее в гражданском деле в качестве представителя гражданина, имеющего в данном уголовном деле статус подозреваемого, обвиняемого (подсудимого, осужденного), об обстоятельствах, ставших ему известными при оказании юридической помощи последнему, притом что в других видах судопроизводства допрос такого лица в качестве свидетеля запрещен.

2. Согласно статье 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. В силу данного конституционного требования реализация права лица на получение юридической помощи не должна нарушать право представителя этого лица на судебную защиту от подозрений и обвинений в совершении преступления, предполагающее предоставление ему возможности изложить свою версию случившегося, представить доказательства своей непричастности к преступлению (невиновности).

Кроме того, на отношения по гражданскому делу между не являющимся адвокатом представителем и его доверителем не могут распространяться гарантии конфиденциальности юридической помощи в большем объеме, чем установленные законом для защиты адвокатской тайны, режимом которой не могут быть защищены сведения, свидетельствующие о совершении правонарушений, имеющих уголовно противоправный характер, в частности о злоупотреблениях правом на юридическую помощь и защиту от подозрения и обвинения, допускаемых как адвокатом, так и доверителем, а также третьим лицом. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 17 декабря 2015 года № 33-П применительно к отношениям подозреваемых, обвиняемых со своими адвокатами (защитниками), вмешательство органов государственной власти во взаимоотношения подозреваемого, обвиняемого с избранным им адвокатом (защитником), в том числе путем доступа к материалам, включающим сведения о характере и содержании этих взаимоотношений, может иметь место в исключительных случаях — при наличии обоснованных подозрений в злоупотреблении правом со стороны адвоката и в злонамеренном его использовании со стороны лица, которому оказывается юридическая помощь.

Режим адвокатской тайны, соответственно, неприменим к материалам, которые могут свидетельствовать о наличии в отношениях между адвокатом и его доверителем (или в связи с этими отношениями) признаков преступления, в том числе преступления против правосудия, к орудиям и предметам преступления, — иначе ставился бы под сомнение правомерный характер действий адвоката и его доверителя. Следовательно, и на сведения, свидетельствующие о совершении уголовно противоправных деяний и ставшие известными от доверителя не являющемуся адвокатом представителю по гражданскому делу при исполнении им обязанностей представителя, также не распространяются конституционные гарантии конфиденциальности и такие сведения не охватываются свидетельским иммунитетом указанного лица в уголовном судопроизводстве.

Таким образом, оспариваемые законоположения неопределенности не содержат и не могут расцениваться как нарушающие конституционные права заявителя в обозначенном им аспекте, а потому его жалоба, как не отвечающая критерию допустимости, закрепленному в Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации», не может быть принята Конституционным Судом Российской Федерации к рассмотрению.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Плетнева Дмитрия Александровича, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации **А. Н. Кокотова**

В соответствии со статьей 76 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» выражаю несогласие с Определением Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июня 2016 года № 1232-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Д. А. Плетнева на нарушение его конституционных прав частями второй и третьей статьи 56 УПК Российской Федерации.

1. Отказывая заявителю в принятии жалобы к рассмотрению, Конституционный Суд Российской Федерации уклонился от обстоятельного ответа на вопрос о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспоренное регулирование в той части, в какой оно по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, допускает допрос в качестве свидетеля в рамках уголовного судопроизводства не являющегося адвокатом гражданина об обстоятельствах, ставших ему ранее известными в связи с выполнением обязанностей представителя ответчика при рассмотрении гражданского дела. С допросом такого лица в качестве свидетеля по уголовному делу Д. А. Плетнев связывает нарушение своего конституционного права на квалифицированную юридическую помощь (статья 48 Конституции Российской Федерации), по-

скольку предметом допроса стали сведения, которые заявитель, будучи ответчиком по гражданскому делу, доверительно сообщил своему представителю.

Конституционному Суду Российской Федерации следовало дать ответ на поставленный заявителем вопрос. Важность такого ответа связана с тем, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, закрепляя в статье 56 перечень лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, не включает в него не являющихся адвокатами представителей по гражданским делам. На практике это зачастую интерпретируется как отсутствие у названных лиц свидетельского иммунитета, за исключением их права не свидетельствовать против себя, своего супруга и близких родственников (статья 51, часть 1, Конституции Российской Федерации). Отмечу, что Конституционный Суд коснулся этого вопроса в Определении от 21 ноября 2013 года № 1899-О, но четкую позицию по нему не сформулировал.

Ответ на указанный вопрос предполагал оценку оспоренного регулирования в системном единстве с нормами, гарантирующими конфиденциальность информации, с получением и использованием которой сопряжено оказание юридической помощи, предполага-

ющей по своей природе доверительность в отношениях между лицом, оказывающим юридическую помощь, и клиентом, что вытекает из положений Конституции Российской Федерации (статья 23, часть 1; статья 24, часть 1; статьи 48 и 51), Международного пакта о гражданских и политических правах (статья 14), Конвенции о защите прав человека и основных свобод (статья 6), Основных принципов, касающихся роли юристов (преамбула, пункты 20 и 22).

К числу названных норм относятся положения статьи 49 и пункта 1 части третьей статьи 69 ГПК Российской Федерации, предусматривающие, что представители по гражданским делам, не являющиеся адвокатами, не подлежат допросу в качестве свидетелей при рассмотрении и разрешении гражданских дел об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с исполнением обязанностей представителя. Необходимость сохранения конфиденциальности информации, ставшей известной не являющимся адвокатами представителям по гражданским делам от своих клиентов в связи с исполнением обязанностей представителя, не может ограничиваться только сферой гражданского судопроизводства, поскольку иное приводило бы к умалению конституционных прав граждан на охрану достоинства личности, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, на информацию и на получение квалифицированной юридической помощи (статья 21, часть 1; статья 23, часть 1; статья 24, часть 1; статья 48, часть 1, Конституции Российской Федерации).

Указанная необходимость предопределяет запрет допроса в качестве свидетелей в рамках уголовного судопроизводства не являющихся адвокатами представителей по рассматриваемым в соответствии с Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации гражданским делам об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с исполнением обязанностей представителя. Следовательно, на сведения о таких обстоятельствах должен распространяться свидетельский иммунитет (пункт 40 статьи 5 УПК Российской Федерации). Этот иммунитет является ограниченным и не исключает допроса упомянутых представителей об иных обстоятельствах, имеющих значение для расследования и разрешения уголовного дела. На мой взгляд, от Конституционного Суда Российской Федерации требова-

лась доказательная поддержка или опровержение приведенной позиции.

Кстати, аналогичный запрет допроса в качестве свидетеля не являющегося адвокатом представителя по гражданскому делу, рассматриваемому по правилам Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, действует при рассмотрении гражданских дел по правилам Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (часть 5 статьи 56) и административных дел по правилам Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (пункт 1 части 3 статьи 51).

2. Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 6 июня 2016 года № 1232-О из объема сведений, получаемых представителем по гражданскому делу от своего доверителя, применительно к фактическим обстоятельствам дела Д. А. Плетнева особо выделил те, на которые режим конфиденциальности не распространяется при любых условиях.

Так, он указал, что осуществление права доверителя на получение юридической помощи не должно нарушать права и свободы других лиц, в том числе право его представителя по гражданскому делу на судебную защиту от подозрений и обвинений в совершении преступления против правосудия. Это предполагает наделение представителя правом изложить доказательства своей непричастности к преступлению, даже если они заключены в информации, полученной им от доверителя. Полагаю, что с данным выводом необходимо согласиться, тем более для случаев, когда доверитель, обвиненный в фальсификации доказательств по гражданскому делу (часть первая статьи 303 УК Российской Федерации), перекладывает вину на своего представителя по этому делу.

Однако Конституционный Суд Российской Федерации, опираясь на позицию, сформулированную им в Постановлении от 17 декабря 2015 года № 33-П, пошел дальше, вообще исключив, как видится, распространение конституционных гарантий конфиденциальности на сведения о совершении правонарушений, имеющих уголовно противоправный характер, ставшие известными не являющемуся адвокатом представителю по гражданскому делу от своего доверителя при исполнении им обязанностей представителя. Любые такие сведения, следовательно, не могут охватываться свидетельским иммунитетом в уголовном судопроизводстве.

Правовая позиция, сформулированная в Постановлении от 17 декабря 2015 года № 33-П, является вполне обоснованной применительно к тем отношениям, которые в данном Постановлении разбираются, но она таит в себе опасность подрыва конституционного права на квалифицированную юридическую помощь при ее чрезмерной универсализации. В данном Постановлении вывод о том, что не могут быть защищены режимом адвокатской тайны сведения о преступлениях, связан (с учетом предмета рассмотрения) только с объективированной информацией (элементы адвокатского досье).

В Определении же от 6 июня 2016 года № 1232-О Конституционный Суд Российской Федерации, по сути, распространил упомянутую позицию на то, что у представителя «в голове», т. е. на устную информацию, полученную им от доверителя. Значит, если в ходе общения представителя по гражданскому делу со своим доверителем последний устно сообщил ему о совершенном преступлении, то представитель (не важно, адвокат он или нет) обязан эту информацию сообщить «куда следует», может быть допрошен в качестве свидетеля и на допросе не вправе о ней умолчать под угрозой наказания. Ну и какая после этого останется доверительность в отношениях по оказанию юридической помощи, особенно применительно к уголовно-правовой сфере?

Здесь применимо простое проверочное действие: а священнослужитель, если ему сообщили о преступлении на исповеди, тоже обязан эту информацию раскрыть уполномоченным органам или вправе раскрыть? Исхожу из того, что не обязан и не вправе. Но тогда почему адвокат (просто представитель), пусть и не отвечающий за связь человека с Богом, должен такую информацию раскрывать? Думается, что он также не вправе и не обязан раскрывать эту информацию, если получил ее как устную и сохраняет ее как таковую. Другое дело, что в рамках профессиональной этики, правил корпоративного поведения он обязан побудить доверителя, чтобы тот сам оперативно сообщил уполномоченным органам о совершенном преступлении, предложить доверителю этот вариант как оптимальный.

Границы «зонтика» конфиденциальности, распространяемые на сведения, доверительно полученные адвокатом (представителем, не яв-

ляющимся адвокатом) от клиента при оказании юридической помощи, могут определяться законодателем по-разному. Но в любом случае такие границы требуется нормативно обозначить так, чтобы у адвоката (представителя, не являющегося адвокатом) сохранялась возможность (обязанность) не разглашать, по общему правилу, такие сведения, даже если это информация о возможно совершенных клиентом преступлениях.

Один из способов очерчивания границ названного общего правила — четкая фиксация исключений из него. В их числе: изъятие элементов адвокатского досье при обыске занимаемого адвокатом помещения с соблюдением требований, сформулированных Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 17 декабря 2015 года № 33-П; раскрытие не являющимся адвокатом представителем по гражданскому делу полученных им от доверителя сведений о совершении преступления после того, как сам доверитель обвиняет в совершении данного преступления своего представителя (Определение от 6 июня 2016 года № 1232-О). Еще одно исключение, Впрочем, нуждающееся в конституционно-судебном или прямом законодательном подтверждении, — раскрытие адвокатом (представителем по гражданскому делу, не являющимся адвокатом) полученных им от своего доверителя сведений о готовящемся преступлении.

Но только не надо эти исключения превращать в общее правило, согласно которому любую информацию о преступных (возможно преступных) действиях доверителя, полученную от него адвокатом (представителем) в рамках исполнения своих обязанностей, адвокат (представитель) обязан сообщать уполномоченным органам и может быть о ней допрошен. Если мы исключения превратим тут в общее правило, то ту же адвокатуру надо закрывать, а адвокатов зачислять в штат органов следствия и дознания.

Кроме того, надо еще и понимать, что избранное Конституционным Судом Российской Федерации толкование оспоренных законоположений может восприниматься как влекущее при его применении свидетельствование доверителя против себя помимо своей воли через адвоката (представителя), что недопустимо.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

---

6 июня
2016 года,
город Санкт-
Петербург

№ 1233-О

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Аронова Владимира Ильича на нарушение его конституционных прав пунктом 15 статьи 71 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и пунктом 10 статьи 91 Закона Ярославской области «О выборах в органы государственной власти Ярославской области и органы местного самоуправления муниципальных образований Ярославской области»

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, Г. А. Жилина, С. М. Казанцева, М. И. Клеандрова, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи Ю. Д. Рудкина, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданина В. И. Аронова,

у с т а н о в и л :

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации гражданин В. И. Аронов оспаривает конституционность пункта 15 статьи 71 Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», согласно которому законом может быть предусмотрено, что в случае досрочного прекращения полномочий депутата, избранного в составе списка кандидатов, коллегиальный постоянно действующий руководящий орган политической партии, в составе списка кандидатов которой этот депутат был избран, либо (соответственно уровню выборов) коллегиальный постоянно действующий руководящий орган ее регионального отделения или иного структурного подразделения (если это предусмотрено уставом политической партии), в составе списка кандидатов которого этот депутат был избран, вправе предложить для замещения вакантного депутатского мандата кандидатуру зарегистрированного кандидата из того же списка кандидатов; если на основании закона список кандидатов разделен на региональные группы кандидатов, кандидатура может быть предложена только

из числа кандидатов, включенных в ту региональную группу кандидатов (в часть списка кандидатов, не относящуюся к какой-либо региональной группе кандидатов), в которую был включен депутат, чьи полномочия прекращены досрочно; в случае, если в соответствующей региональной группе кандидатов (в части списка кандидатов, не относящейся к какой-либо региональной группе кандидатов) не осталось зарегистрированных кандидатов или остались только зарегистрированные кандидаты, письменно сообщившие соответственно в коллегиальный постоянно действующий руководящий орган политической партии, ее регионального отделения или иного структурного подразделения о своем отказе от замещения этого вакантного депутатского мандата, указанный орган политической партии, ее регионального отделения или иного структурного подразделения вправе предложить кандидатуру другого зарегистрированного кандидата из иной региональной группы кандидатов (из части списка кандидатов, не относящейся к какой-либо региональной группе кандидатов).

Кроме того, в жалобе оспаривается конституционность пункта 10 статьи 91 Закона Ярославской области от 2 июня 2003 года № 27-з «О выборах в органы государственной власти Ярославской области и органы местного самоуправления муниципальных образований Ярославской области» в редакции Закона Ярославской области от 23 мая 2013 года № 20-з, который дословно воспроизводит указанное положение Федерального закона.

Как следует из представленных материалов, постановлением Ярославской областной Думы шестого созыва от 31 марта 2015 года № 38 были досрочно прекращены полномочия депутата Б. Е. Немцова в связи со смертью. Поскольку в общей части единого списка кандидатов в депутаты Ярославской областной Думы шестого созыва других кандидатов, помимо Б. Е. Немцова, не было, вакантный мандат подлежал распределению между территориальными группами списка кандидатов. В соответствии с этим Совет Ярославского регионального отделения политической партии «Республиканская партия России — партия народной свободы» принял решение о предложении для замещения вакантного мандата кандидатуры В. В. Цепенды, и Избирательной комиссией Ярославской области было принято постановление о передаче ему вакантного мандата.

В. И. Аронов, также являвшийся зарегистрированным кандидатом в составе того же списка кандидатов, обратился в суд с заявлением о признании указанного постановления Избирательной комиссии Ярославской области незаконным и возложении на комиссию обязанности по передаче освобожденного депутатского мандата ему. В обоснование своего заявления В. И. Аронов утверждал, что постановление принято в нарушение пункта 10 статьи 91 Закона Ярославской области «О выборах в органы государственной власти Ярославской области и органы местного самоуправления муниципальных образований Ярославской области», в соответствии с которым (в его действующей редакции) в случае досрочного прекращения полномочий депутата из общей части единого списка кандидатов вакантный мандат может быть предложен только лицу из той территориальной группы, которая — при расположении всех территориальных групп в порядке убывания процентного отношения количества голосов (процент с точностью до второго знака после запятой), отданных за данный список кандидатов на территории, соответствующей каждой территориальной группе списка кандидатов, к общему количеству действительных бюллетеней на соответствующей территории — занимает первое место; между тем кандидат, возглавлявший занявшую первое место территориальную группу № 6 (17,01 %), избирательной комиссией из списка кандидатов исключен; В. В. Цепенда возглавлял территориальную группу № 9, занявшую лишь третье место (14,36 %), второе же место заняла территориальная группа № 8 (14,39 %), которую воз-

главлял он сам, а потому именно ему должен быть передан вакантный мандат депутата Ярославской областной Думы.

Решением Ярославского областного суда от 10 июля 2015 года, оставленным без изменения Судебной коллегией по административным делам Верховного Суда Российской Федерации (определение от 16 сентября 2015 года), в удовлетворении требований В. И. Аронова было отказано. Суды исходили, в частности, из того, что при принятии Избирательной комиссией Ярославской области оспариваемого постановления применению подлежал пункт 10 статьи 91 Закона Ярославской области «О выборах в органы государственной власти Ярославской области и органы местного самоуправления муниципальных образований Ярославской области» в редакции, которая действовала в период проведения выборов Ярославской областной Думы шестого созыва и которая указанного требования не содержала.

По мнению заявителя, оспариваемые законоположения в той мере, в какой по смыслу, придаваемому правоприменительной практикой, они допускают принятие решения по вопросу замещения вакантного депутатского мандата вне зависимости от формально определенных критериев, увязывающих выбор территориальной группы, зарегистрированному кандидату из которой передается вакантный депутатский мандат, с результатами волеизъявления избирателей, не соответствуют Конституции Российской Федерации, ее статьям 3 (части 1–3), 15 (часть 1), 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2), 32 (части 1 и 2) и 55 (часть 3).

2. По смыслу статей 1 (часть 1), 3 (части 2 и 3), 13 (части 3 и 4), 15 (часть 1), 17 (часть 1), 19 (части 1 и 2) и 32 (часть 2) Конституции Российской Федерации, право граждан избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, в реализации которого существенную роль играют политические партии как основные коллективные участники избирательного процесса, признается и гарантируется в Российской Федерации наряду с другими правами и свободами человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации и призвано обеспечить каждому гражданину на основе принципа равенства возможность без какой бы то ни было дискриминации и без необоснованных ограничений участвовать в свободных выборах, являющихся, как и референдум, высшим выражением власти народа.

Закрепляя право граждан избирать и быть избранными в органы государственной власти и местного самоуправления, Конституция Российской Федерации непосредственно не определяет порядок его осуществления. Как следует из ее статей 71 (пункт «в»), 72 (пункт «н» части 1) и 76 (части 1 и 2), регулирование избирательных прав и установление порядка проведения выборов входят в компетенцию законодателя, реализуя которую он обязан соблюдать конституционные требования, в частности учитывать, что любая дифференциация правового регулирования, приводящая к различиям в правах и обязанностях субъектов избирательных правоотношений, допустима, если она объективно оправданна, обоснованна и преследует конституционно значимые цели, а используемые для достижения этих целей правовые средства соразмерны им (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2006 года № 7-П).

2.1. Законодательной основой регулирования отношений, связанных с обладанием и осуществлением конституционного права граждан избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, является Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», имеющий прямое действие и подлежащий применению на всей территории Российской Федерации; при этом гарантии избирательных прав

и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации, дополняющие гарантии, предусмотренные данным Федеральным законом, могут быть установлены федеральными конституционными законами, иными федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации (пункты 1–3 статьи 1).

Согласно названному Федеральному закону законом о выборах может быть предусмотрено, что в случае досрочного прекращения полномочий депутата, избранного в составе списка кандидатов, для замещения вакантного депутатского мандата соответствующим коллегиальным органом политической партии, ее регионального отделения, иного структурного подразделения предлагается кандидатура зарегистрированного кандидата из того же списка кандидатов (пункт 15 статьи 71). В этих случаях данный Федеральный закон – притом что он допускает возможность наличия в списке кандидатов либо общерегиональной части (части списка кандидатов, не относящейся к какой-либо региональной группе) и региональных групп, либо только региональных групп (пятое предложение пункта 14 статьи 35) – предоставляет такому коллегиальному постоянно действующему руководящему органу право предложить для замещения вакантного депутатского мандата кандидатуру зарегистрированного кандидата только из той региональной группы кандидатов (части списка кандидатов, не относящейся к какой-либо региональной группе кандидатов), на которую приходился вакантный депутатский мандат; если же в соответствующей региональной группе кандидатов (в части списка кандидатов, не относящейся к какой-либо региональной группе кандидатов) не осталось зарегистрированных кандидатов или остались только те зарегистрированные кандидаты, которые письменно сообщили о своем отказе от замещения этого вакантного депутатского мандата, указанный орган вправе предложить кандидатуру зарегистрированного кандидата из иной региональной группы кандидатов (из части списка кандидатов, не относящейся к какой-либо региональной группе кандидатов).

2.2. Конституционный Суд Российской Федерации уже обращался к оценке положений статьи 71 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», как они воспроизведены в статье 89 Федерального закона от 18 мая 2005 года № 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». В Определении от 6 марта 2013 года № 324-О и в Постановлении от 16 декабря 2014 года № 33-П он сформулировал следующие правовые позиции:

вопрос о замещении вакантного депутатского мандата – учитывая связанность участников избирательного процесса волеизъявлением избирателей и обусловленную ею конституционную ценность адекватной формализации итогов голосования по пропорциональной избирательной системе – должен решаться на основе закона не произвольно, а исходя из юридически значимых обстоятельств, явившихся следствием прямого волеизъявления избирателей в условиях подлинно свободных и справедливых выборов;

политическая партия, федеральный список кандидатов которой был допущен к распределению депутатских мандатов, сохраняет связь с избирателями и после завершения избирательного процесса и формирования выборного органа государственной власти и, будучи ответственной перед избирателями за выполнение своей предвыборной программы, имеет правомерный интерес в том, чтобы в случае досрочного прекращения полномочий депутата предложить для замещения вакантного депутатского мандата такую кандидатуру, которая, по ее мнению, способна наиболее успешно представлять ее фракцию в парламенте;

поскольку при формировании списка кандидатов в депутаты политическая партия должна действовать ответственно и учитывать, что включение в него конкретных лиц влечет возникновение определенных правоотношений с участием этих лиц, в том числе обусловленных их вхождением в качестве депутатов во фракцию данной политической партии, а результаты выборов определяются исключительно голосованием избирателей, ни сама политическая партия, ни тем более ее фракция в парламенте не вправе по своему усмотрению менять его итоги; это предполагает, что при определении кандидатуры для замещения вакантного депутатского мандата из зарегистрированного списка кандидатов политическая партия не может не учитывать то обстоятельство, что избиратели, отдавая голоса за партийный список в целом, голосовали и за каждого кандидата, внесенного в этот список, в частности с учетом очередности, самостоятельно определенной партией при выдвижении списка кандидатов; поэтому при распределении вакантных депутатских мандатов, имеющих в связи с досрочным прекращением полномочий депутатов, должна быть учтена очередность расположения зарегистрированных кандидатов в федеральном списке кандидатов; вместе с тем учету подлежат обстоятельства, возникшие (открывшиеся) в период после выборов, которые могли повлиять на принятие политической партией решения о выдвижении конкретного лица в качестве кандидата в депутаты в составе выдвинутого ею списка кандидатов;

в любом случае при принятии коллегиальным постоянно действующим руководящим органом политической партии решения по кандидатуре для замещения вакантного мандата депутата включенные в список кандидаты не должны ставиться в ситуацию правовой и фактической неопределенности; такое решение должно содержать указание на обстоятельства, в связи с которыми руководящий орган политической партии отступил от очередности расположения зарегистрированных кандидатов в списке кандидатов, что может быть проверено по существу в судебном порядке; несоблюдение этих требований нарушало бы формально-юридическую определенность правоотношений, в которых находятся зарегистрированные кандидаты и выдвинувшая их в составе списка кандидатов политическая партия, и, вопреки положениям статей 19 (части 1 и 2), 30, 32 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, приводило бы к несоразмерному ограничению как избирательных прав, так и права на свободу объединения в политические партии, влекло возникновение неравенства между кандидатами в составе соответствующего списка кандидатов.

2.3. Конституционный Суд Российской Федерации ранее также рассматривал вопрос о конституционности законоположений, предоставляющих коллегиальному постоянно действующему руководящему органу избирательного объединения правомочие при распределении депутатских мандатов по результатам выборов законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации определять территориальную группу из списка кандидатов в депутаты, зарегистрированному кандидату из которой в случае отказа от депутатского мандата зарегистрированного кандидата, включенного в общерегиональную часть списка кандидатов, передается вакантный депутатский мандат. В Постановлении от 19 декабря 2013 года № 28-П он указал следующее:

исходя из того, что единственными конституционно признанными обладателями пассивного избирательного права являются граждане и что с приобретением гражданином публично-правового статуса кандидата в депутаты процесс реализации им пассивного избирательного права перестает быть предметом свободного усмотрения выдвинувшего его избирательного объединения (политической партии, ее регионального отделения), избирательное объединение не вправе отступить от обусловленности распределе-

ния депутатских мандатов результатами волеизъявления избирателей; надевание избирательного объединения таким правом было бы равносильно предоставлению ему возможности, отдавая предпочтение одним кандидатам и одновременно допуская дискриминацию в отношении других, изменять в конечном счете результаты выборов — вопреки волеизъявлению избирателей, осуществленному на основе принципа прямого избирательного права, и в нарушение вытекающего из статьи 19 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации принципа равенства, реализуемого в избирательных отношениях через равное избирательное право и равенство кандидатов (статьи 5 и 39 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»);

на стадии формализации итогов голосования как завершающем этапе выборов возможны случаи, когда в процессе формирования выборного органа публичной власти кто-то из зарегистрированных кандидатов в депутаты отказывается от мандата, что влечет необходимость распределения вакантных депутатских мандатов среди зарегистрированных кандидатов, включенных в соответствующий список; в Российской Федерации как правовом государстве (статьи 1 и 3 Конституции Российской Федерации) такое правомочие — учитывая связанность участников избирательного процесса волеизъявлением избирателей — должно осуществляться избирательным объединением на основе закона не произвольно, а исходя из юридически значимых обстоятельств, явившихся следствием прямого волеизъявления избирателей в условиях подлинно свободных и справедливых выборов;

при распределении депутатских мандатов по результатам выборов в законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации не допускается принятие решения по данному вопросу вне зависимости от формально определенных критериев, увязывающих выбор территориальной группы, зарегистрированному кандидату из которой передается вакантный депутатский мандат, с результатами волеизъявления избирателей, определяющими очередность таких групп в зависимости от доли (процента) голосов избирателей, принявших участие в голосовании;

на этапе первоначального распределения депутатских мандатов еще не могут возникать или — принимая во внимание, что политическая партия несет ответственность за решение о выдвижении конкретного лица в качестве кандидата в депутаты, — приобретать правовое значение такие обстоятельства, по-новому характеризующие лицо, включенное в список кандидатов в депутаты, как степень участия в деятельности политической партии после выборов, соблюдение им устава партии и т. п., которые при последующем распределении оказавшегося вакантным депутатского мандата (в частности, в случае досрочного прекращения полномочий депутата), в отличие от этапа первоначального распределения депутатских мандатов, позволили бы, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 6 марта 2013 года № 324-О, исходя из необходимости обеспечения баланса между правами и законными интересами политической партии, граждан, зарегистрированных кандидатами в составе списка кандидатов, выдвинутого политической партией, и избирателей отступить от общего правила, обязывающего соблюдать очередность размещения зарегистрированных кандидатов в списке кандидатов, но только в соответствии с уставом партии и только в связи с обстоятельствами объективного характера.

2.4. По смыслу приведенных правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, при распределении депутатского мандата, ставшего вакантным в связи с досрочным прекращением полномочий депутата законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации, коллегиальный постоянно действующий руководя-

ший орган избирательного объединения не может отступить от обусловленных волеизъявлением избирателей правил распределения депутатских мандатов между территориальными группами (частями) списка кандидатов, и только в исключительных случаях при наличии объективных обстоятельств допускается отступление от очередности расположения кандидатов в территориальной группе (общерегиональной части списка кандидатов, не относящейся к какой-либо региональной группе кандидатов).

Данные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации сохраняют свою силу и являются обязательными не только для правоприменителей, в том числе судов, но и для законодателя, имея в виду, что в Постановлении от 19 декабря 2013 года № 28-П Конституционный Суд Российской Федерации предписал органам государственной власти субъектов Российской Федерации внести в избирательное законодательство надлежащие изменения, с тем чтобы исключить возможность принятия решений о передаче вакантных депутатских мандатов, от которых отказались зарегистрированные кандидаты, вне зависимости от формально определенных критериев, увязывающих выбор зарегистрированного кандидата, которому передается вакантный депутатский мандат, с результатами волеизъявления избирателей.

3. Как следует из представленных заявителем материалов, спорный вакантный депутатский мандат приходился на общерегиональную часть списка кандидатов, в которой не осталось зарегистрированных кандидатов, имеющих право на получение мандата, и в силу приведенных правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации подлежал распределению между зарегистрированными кандидатами в территориальной группе № 6, которая заняла первое место при размещении территориальных групп в порядке убывания процентного отношения количества голосов, отданных за данный список кандидатов на территории, соответствующей каждой территориальной группе списка кандидатов, к общему количеству действительных бюллетеней на соответствующей территории.

Поскольку территориальная группа № 8, в которой был зарегистрирован В. И. Аронов, заняла второе место среди территориальных групп, а в занявшей первое место территориальной группе № 6 имелись зарегистрированные кандидаты, среди которых и подлежал распределению вакантный мандат, нет оснований полагать, что оспариваемыми законоположениями были нарушены конституционные права заявителя в указанном в жалобе аспекте в его конкретном деле.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Аронова Владимира Ильича, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

---

6 июня
2016 года,
город Санкт-
Петербург

№ 1417-О

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Цветкова Алексея Анатольевича на нарушение его конституционных прав частями 1 и 2 статьи 102 Федерального закона «Об исполнительном производстве» и статьей 117 Семейного кодекса Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, Г. А. Жилина, С. М. Казанцева, М. И. Клеандрова, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи Г. А. Гаджиева, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданина А. А. Цветкова,

у с т а н о в и л :

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации гражданин А. А. Цветков оспаривает конституционность части 1 статьи 102 Федерального закона от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» и пункта 1 статьи 117 Семейного кодекса Российской Федерации в действующей редакции, предусматривающих, что при повышении величины прожиточного минимума судебный пристав-исполнитель, а также организация или иное лицо, которым направлен в случае, установленном частью 1 статьи 9 Федерального закона «Об исполнительном производстве», исполнительный документ, производят индексацию алиментов, взыскиваемых в твердой денежной сумме, пропорционально росту величины прожиточного минимума для соответствующей социально-демографической группы населения, установленной в субъекте Российской Федерации по месту жительства лица, получающего алименты, а при отсутствии в соответствующем субъекте Российской Федерации указанной величины – пропорционально росту величины прожиточного минимума для соответствующей социально-демографической группы населения в целом по Российской Федерации, о чем указанные лица обязаны издать приказ (распоряжение), а судебный пристав-исполнитель обязан вынести постановление. Заявитель оспаривает также конституционность указанных положений в их первоначальной редакции (действовавших до вступления в силу Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 363-ФЗ), согласно которым индексация алиментов, взыскиваемых в твердой денежной сумме, производилась пропорционально увеличению установленного законом минимального размера оплаты труда.

Кроме того, в жалобе оспаривается конституционность пункта 2 статьи 117 Семейного кодекса Российской Федерации как в действующей редакции,

согласно которой размер алиментов, взыскиваемых по решению суда в твердой денежной сумме, в целях их индексации устанавливается судом кратным величине прожиточного минимума, определенной в соответствии с правилами пункта 1 данной статьи, в том числе в виде доли величины прожиточного минимума, так и в первоначальной редакции, предусматривавшей в целях индексации установление размера алиментов судом в твердой денежной сумме, соответствующей определенному числу минимальных размеров оплаты труда.

Заявитель оспаривает также конституционность части 2 статьи 102 Федерального закона «Об исполнительном производстве», в силу которой размер задолженности по алиментам определяется в постановлении судебного пристава-исполнителя исходя из размера алиментов, установленного судебным актом или соглашением об уплате алиментов.

Как следует из представленных материалов, решением мирового судьи судебного участка № 3 Ломоносовского округа города Архангельска от 21 февраля 2007 года с А. А. Цветкова в пользу гражданки Ц. были взысканы в твердой денежной сумме алименты на содержание двух несовершеннолетних детей (по 6 тысяч рублей ежемесячно на каждого ребенка начиная с 1 марта 2007 года и до достижения детьми совершеннолетия либо до изменения материального положения сторон) и выдан исполнительный лист, по которому 22 марта 2007 года возбуждено исполнительное производство. Заявитель выплачивал алименты добровольно, в связи с чем меры принудительного исполнения не применялись, исполнительный лист в организацию, в которой он работает, судебным приставом-исполнителем не направлялся.

Постановлением судебного пристава-исполнителя от 25 апреля 2015 года, в которое были внесены изменения постановлением судебного пристава-исполнителя от 3 августа 2015 года, была рассчитана задолженность по алиментам пропорционально росту установленного законом минимального размера оплаты труда (с 1 марта 2007 года по 30 ноября 2011 года) и пропорционально росту величины прожиточного минимума (с 1 декабря 2011 года по 31 марта 2015 года), составившая 3 422 808 рублей 36 копеек. А. А. Цветков, не согласившись с указанным постановлением, обратился в Ломоносовский районный суд города Архангельска с заявлением о его оспаривании, в удовлетворении которого решением данного суда от 4 августа 2015 года, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по административным делам Архангельского областного суда от 5 октября 2015 года, было отказано. В передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании судов кассационной инстанции заявителю также было отказано (определения судей Архангельского областного суда от 24 ноября 2015 года и Верховного Суда Российской Федерации от 12 февраля 2016 года).

По мнению заявителя, оспариваемые им законоположения (как в первоначальной, так и в действующей редакциях) в их взаимосвязи являются недостаточно определенными, так как позволяют судебному приставу-исполнителю — по своему усмотрению, без своевременного вынесения постановления об индексации алиментов, взыскиваемых по решению суда в твердой денежной сумме, при каждом повышении установленного законом минимального размера оплаты труда или при изменении величины прожиточного минимума, а также при отсутствии прямого указания на необходимость осуществления такой индексации в решении суда — выносить постановление о расчете задолженности по алиментам за любой период (начиная с момента, когда лицо по решению суда обязано выплачивать алименты), что в нарушение статей 17 (часть 3), 18, 35 (часть 1), 46 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации приводит к обязанности плательщика алиментов выплачивать единовременно значительную денежную сумму, притом что в образовании задолженности отсутствует его вина, ставит его в

затруднительное материальное положение и подвергает риску быть привлеченным к юридической ответственности.

2. Согласно Конституции Российской Федерации в целях создания условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, в Российской Федерации устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства (статья 7); материнство и детство, семья находятся под защитой государства, забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей (статья 38, части 1 и 2). Данные конституционные положения согласуются в полной мере с положениями статьи 27 Конвенции о правах ребенка 1989 года, в соответствии с которыми государства-участники признают право каждого ребенка на уровень жизни, необходимый для физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития ребенка (пункт 1); родитель(и) или другие лица, воспитывающие ребенка, несут основную ответственность за обеспечение в пределах своих способностей и финансовых возможностей условий жизни, необходимых для развития ребенка (пункт 2).

Приведенным положениям корреспондируют закрепленные в пункте 3 статьи 1 Семейного кодекса Российской Федерации принципы заботы о благополучии детей и обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи при регулировании семейных отношений. Так, согласно пункту 2 статьи 83 данного Кодекса размер твердой денежной суммы взыскиваемых на несовершеннолетних детей алиментов определяется судом исходя из цели максимально возможного сохранения ребенку прежнего уровня его обеспечения с учетом материального и семейного положения сторон и других заслуживающих внимания обстоятельств.

Конституция Российской Федерации не конкретизирует порядок, условия и размер алиментных выплат трудоспособным родителем своему несовершеннолетнему ребенку, что в силу ее статьи 71 (пункт «в»), требующей от федерального законодателя осуществлять регулирование и защиту прав и свобод человека и гражданина, предполагает установление в отраслевом законодательстве соответствующих эффективных правовых механизмов. Одним из таких механизмов является индексация алиментов, взыскиваемых по решению суда в твердой денежной сумме, при этом выбор критериев индексации алиментов, установленных в судебном порядке в твердой денежной сумме, также относящийся к дискреции законодателя, должен быть обусловлен правовой природой этих платежей.

По смыслу статьи 38 Конституции Российской Федерации, пункта 1 статьи 80 Семейного кодекса Российской Федерации, а также с учетом части 1 статьи 6 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» об обязательности судебных постановлений родители обязаны самостоятельно и добровольно выполнять обязательства по воспитанию и содержанию своих несовершеннолетних детей, в том числе так, как они на основании закона определены судебным решением (соглашением об уплате алиментов). Как указывал Конституционный Суд Российской Федерации, исходя из приоритета добровольного исполнения родителями обязанности содержать своих несовершеннолетних детей, основанного на общепризнанной презумпции добросовестности родительской заботы о детях, Семейным кодексом Российской Федерации в статьях 80–83 урегулировано содержание алиментных обязательств, включая их размеры, и вместе с тем предусмотрена возможность принудительного исполнения данной обязанности путем взыскания с родителей алиментов на несовершеннолетних детей в судебном порядке (статья 80), а также установлены способы определения судом размеров взыскиваемых алиментов: в долевом отношении к заработку и (или) иному доходу

алиментно-обязанного родителя, в твердой денежной сумме, в долях и в твердой денежной сумме одновременно (статьи 81 и 83) (Постановление от 20 июля 2010 года № 17-П).

Поскольку взыскание алиментов на содержание ребенка является одним из способов реализации конституционных положений о защите детства (статья 7, часть 2; статья 38 Конституции Российской Федерации) и имеет особое социальное значение, Российская Федерация как правовое и социальное государство обязана гарантировать адекватную защиту прав и законных интересов несовершеннолетних детей, для которых регулярное получение указанных платежей может стать одним из основных источников средств к существованию, что предполагает установление эффективных правовых механизмов, посредством которых – в соответствии с закрепленными Конституцией Российской Федерации и Конвенцией о правах ребенка принципами справедливости, равенства, соразмерности, а также стабильности, гарантированности и защиты прав и интересов нуждающихся в материальной поддержке граждан со стороны членов их семьи – обеспечивалось бы сохранение уровня жизнеобеспечения получателя алиментов – несовершеннолетнего ребенка, а также исключалось бы чрезмерное и неразумное обременение лиц, осуществляющих алиментные выплаты, взыскиваемые в твердой денежной сумме (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 19 мая 2009 года № 841-О-О и от 5 июля 2011 года № 953-О-О).

Индексация – по смыслу приведенных правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и с учетом императивных правил пункта 1 статьи 117 Семейного кодекса Российской Федерации (как в первоначальной, так и в действующей редакциях), а также его статьи 105, согласно положению которой, если в соглашении об уплате алиментов не предусматривается порядок индексации, индексация производится в соответствии со статьей 117 данного Кодекса, – является гарантией обеспечения прав ребенка. При этом использование величины прожиточного минимума для целей индексации размера алиментов с учетом требования пункта 2 статьи 83 Семейного кодекса Российской Федерации направлено на обеспечение баланса интересов несовершеннолетних детей и их родителей в рамках алиментных отношений, сохранение как получателю, так и плательщику алиментов необходимого уровня жизни (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 марта 2014 года № 634-О).

Соответственно, сами по себе оспариваемые заявителем законоположения, в силу прямого указания которых размер подлежащих уплате алиментных платежей, присужденных в твердой сумме, подлежит индексации с ростом величины прожиточного минимума или увеличением установленного законом минимального размера оплаты труда (до 30 ноября 2011 года) вне зависимости от специального указания на то в судебном решении, не могут рассматриваться как неопределенные.

3. Возбуждение исполнительного производства и нахождение исполнительных документов на исполнении в территориальных органах Федеральной службы судебных приставов не освобождает органы принудительного исполнения, в частности конкретных судебных приставов-исполнителей, от возложенной на них обязанности по осуществлению индексации размера подлежащих уплате алиментных платежей, присужденных в твердой сумме, для чего территориальным органам Федеральной службы судебных приставов предписывается ежеквартально получать актуальную информацию о величине прожиточного минимума в информационно-правовых системах или на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики и направлять ее в структурные подразделения для использования в работе, а судебному приставу-исполнителю в рамках исполнения исполнительных производств о взыскании алиментов – производить расчет задолженности

по алиментам с периодичностью не реже одного раза в квартал и оформлять соответствующим постановлением (пункты 5.1 и 5.2 Методических рекомендаций по порядку исполнения требований исполнительных документов о взыскании алиментов, утвержденных Федеральной службой судебных приставов 19 июня 2012 года № 01-16).

Если в ходе исполнительного производства о взыскании алиментов органами принудительного исполнения, судебным приставом-исполнителем неправомерно не были приняты своевременные меры по индексации размера алиментов, удерживаемых в твердой денежной сумме, взыскатель вправе оспорить такого рода бездействие в судебном порядке на основании норм, содержащихся в главе 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

Кроме того, семейное законодательство и законодательство об исполнительном производстве предусматривает ряд правовых гарантий, основывающихся на таких общеправовых и отраслевых принципах, как справедливость (соразмерность), уважение чести и достоинства гражданина (статья 4 Федерального закона «Об исполнительном производстве»), обеспечивающих судебную защиту интересов плательщика алиментов (должника).

В соответствии с пунктом 5 статьи 113 Семейного кодекса Российской Федерации и статьями 102 и 121 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в случае, если сторона исполнительного производства не согласна с определенным судебным приставом-исполнителем размером задолженности по алиментам, она вправе обратиться в суд с иском об определении размера задолженности или обжаловать действия судебного исполнителя в судебном порядке.

Кроме того, лицо, обязанное уплачивать алименты, вправе обратиться в суд с иском об освобождении его полностью или частично от уплаты задолженности по алиментам, если неуплата алиментов имела место в связи с болезнью этого лица или по другим уважительным причинам и его материальное и семейное положение не дает возможности погасить образовавшуюся задолженность по алиментам (пункт 2 статьи 114 Семейного кодекса Российской Федерации) либо если после установления в судебном порядке размера алиментов (при отсутствии соглашения об уплате алиментов) изменилось материальное или семейное положение одной из сторон. При изменении размера алиментов или при освобождении от их уплаты суд вправе учесть также иной заслуживающий внимания интерес сторон (пункт 1 статьи 119 Семейного кодекса Российской Федерации).

Следовательно, нет оснований полагать, что конституционные права заявителя были нарушены именно оспариваемыми им законоположениями.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Цветкова Алексея Анатольевича, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

---

6 июня
2016 года,
город Санкт-
Петербург

№ 1436-О

по жалобе гражданина Максимова
Максима Николаевича на нарушение
его конституционных прав положениями
частей пятой, шестой и седьмой
статьи 109 Уголовно-процессуального
кодекса Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, Г. А. Жилина, С. М. Казанцева, М. И. Клеандрова, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи А. И. Бойцова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданина М. Н. Максимова,

у с т а н о в и л :

1. Статья 109 УПК Российской Федерации, регламентирующая сроки содержания под стражей, закрепляет, в частности, следующие требования:

материалы оконченого расследованием уголовного дела должны быть предъявлены обвиняемому, содержащемуся под стражей, и его защитнику не позднее чем за 30 суток до окончания предельного срока содержания под стражей, установленного частями второй и третьей данной статьи (часть пятая);

если после окончания предварительного следствия материалы уголовного дела были предъявлены обвиняемому и его защитнику позднее чем за 30 суток до окончания предельного срока содержания под стражей, то по его истечении обвиняемый подлежит немедленному освобождению; при этом за обвиняемым и его защитником сохраняется право на ознакомление с материалами уголовного дела (часть шестая);

в случае, если после окончания предварительного следствия сроки для предъявления материалов данного уголовного дела обвиняемому и его защитнику, предусмотренные частью пятой данной статьи, были соблюдены, однако 30 суток для ознакомления с материалами уголовного дела им оказалось недостаточно, следовательно с согласия руководителя следственного органа по субъекту Российской Федерации или приравненного к нему руководителя иного следственного органа вправе не позднее чем за 7 суток до истечения предельного срока содержания под стражей возбудить ходатайство о продлении этого срока перед судом, указанным в части третьей статьи 31 данного Кодекса, или военным судом соответствующего уровня; если в производстве по уголовному делу участвует несколько обвиняемых, содержащихся под стражей, и хотя бы одному из них 30 суток оказалось недостаточно для ознакомления с материалами уголовного дела, то следовательно вправе возбудить указанное ходатайство в отношении того обвиняемого или тех обвиняемых, которые ознакомились с материалами уголовного дела,

если не отпала необходимость в применении к нему или к ним заключения под стражу и отсутствуют основания для избрания иной меры пресечения (часть седьмая).

1.1. Конституционность названных законоположений оспаривает гражданин М. Н. Максимов, который, как следует из его жалобы в Конституционный Суд Российской Федерации и приложенных к ней материалов, обвиняется в вымогательстве, совершенном группой лиц по предварительному сговору в целях получения имущества в особо крупном размере (пункт «б» части третьей статьи 163 УК Российской Федерации). По подозрению в совершении данного преступления заявитель был задержан 26 ноября 2013 года, и на следующий день постановлением Серпуховского городского суда Московской области ему была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, срок действия которой впоследствии неоднократно продлевался судом.

3 октября 2014 года М. Н. Максимов был уведомлен об окончании следственных действий по его уголовному делу, а 17 ноября 2014 года материалы оконченного расследования дела были предъявлены ему для ознакомления. 30 марта 2015 года в связи с установлением места нахождения скрывавшегося от правоохранительных органов соучастника вменяемого заявителю преступления расследование по делу было возобновлено, после чего 9 апреля 2015 года он был уведомлен об окончании следственных действий и постановлением Московского областного суда от 14 мая 2015 года срок содержания его под стражей продлен до 17 июля 2015 года, а всего — до 19 месяцев 22 суток. В ходе ознакомления обвиняемых с материалами уголовного дела возникла необходимость в производстве дополнительных следственных действий, в связи с чем 26 мая 2015 года предварительное расследование вновь было возобновлено, а спустя три дня завершено с уведомлением об этом 29 мая 2015 года М. Н. Максимова и его защитника и предъявлением им 16 июня 2015 года материалов дела для ознакомления.

Постановлением судьи Московского областного суда от 14 июля 2015 года, вынесенным по ходатайству следователя, мотивированному в числе прочего необходимостью завершения ознакомления М. Н. Максимова и других обвиняемых с материалами уголовного дела объемом 30 томов, а также составления обвинительного заключения, направления дела прокурору и обеспечения последнему возможности принятия решения по поступившему делу в пределах отведенного для этого законом времени, срок содержания заявителя под стражей в очередной раз был продлен на 2 месяца (до 17 сентября 2015 года), а в общей сложности — до 21 месяца 22 суток. Рассмотрев приведенные в апелляционной жалобе на данное судебное решение доводы о необходимости освобождения М. Н. Максимова из-под стражи ввиду того, что материалы уголовного дела были предъявлены ему для ознакомления по истечении 18-месячного срока содержания под стражей, апелляционная инстанция нашла их несостоятельными, поскольку постановлением суда от 14 мая 2015 года срок содержания его под стражей был продлен с учетом своевременного предоставления материалов дела для ознакомления и факт возобновления предварительного расследования 26 мая 2015 года не ставит под сомнение законность этого постановления (апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда от 6 августа 2015 года). В передаче кассационных жалоб на указанные судебные решения для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции было отказано постановлением судьи Московского областного суда от 2 сентября 2015 года и постановлением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 1 октября 2015 года.

В дальнейшем, как следует из представленных М. Н. Максимовым уведомлений, полученных им от следователя, расследование по его уголовному

делу возобновлялось 2 октября 2015 года и 17 ноября 2015 года, а также 3 марта 2016 года, после чего, как видно из дополнительных полученных Конституционным Судом Российской Федерации материалов, 3 июня 2016 года дело направлено в Московский областной суд для рассмотрения по существу.

1.2. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации М. Н. Максимов утверждает о наличии неопределенности в частях пятой, шестой и седьмой статьи 109 УПК Российской Федерации относительно того, какую именно дату предъявления для ознакомления обвиняемому и его защитнику материалов оконченного расследованием уголовного дела надо учитывать при продлении срока содержания обвиняемого под стражей свыше предельно установленного для досудебной стадии срока содержания под стражей в случае возобновления предварительного расследования и следующего за ним повторного предъявления материалов дела: первоначальную или последующую.

Как полагает заявитель, имевшее место в его деле истолкование оспариваемых законоположений позволило следователю в целях соблюдения обуславливающих продление меры пресечения процессуальных сроков объявить об окончании следственных действий и тем самым формально своевременно (за 30 суток до окончания предельного срока содержания под стражей) предъявить обвиняемому и его защитнику материалы оконченного расследованием уголовного дела для ознакомления, а впоследствии неоднократно возобновлять предварительное расследование по данному делу и фактически продолжать его, устраняя его недостатки, при этом получая судебные решения о продлении срока содержания обвиняемого под стражей сверх установленных законом пределов, чем нарушаются права, гарантируемые статьями 17 (часть 1), 18, 22, 46 (часть 1) и 55 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации.

2. По смыслу статей 17 (часть 2), 21 (часть 1) и 22 (часть 1) Конституции Российской Федерации, принадлежащее каждому от рождения право на свободу и личную неприкосновенность воплощает наиболее значимое социальное благо, которое, исходя из признания государством достоинства личности, предопределяет недопустимость произвольного вмешательства в сферу ее автономии.

Названное право, как следует из правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, включает, в частности, право не подвергаться ограничениям, которые связаны с применением задержания, ареста, заключения под стражу или с лишением свободы во всех иных формах, без предусмотренных законом оснований и вне надлежащей процедуры, а также сверх установленных либо контролируемых сроков (постановления от 13 июня 1996 года № 14-П, от 15 января 1999 года № 1-П, от 14 марта 2002 года № 6-П и от 22 марта 2005 года № 4-П; определения от 23 июня 2000 года № 175-О, от 8 апреля 2004 года № 132-О и др.), что отвечает требованиям как статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, допускающей возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина только федеральным законом и лишь в той мере, в какой это необходимо в определенных ею целях, так и международно-правовых актов, согласно которым каждому арестованному или задержанному по уголовному обвинению лицу должно быть обеспечено право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение (пункт 3 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и пункт 3 статьи 9 Международного пакта о гражданских и политических правах).

Приведенные требования Конституции Российской Федерации и международно-правовых актов, а также основанные на них правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации предполагают, что ограни-

чение права на свободу и личную неприкосновенность в связи с необходимостью изоляции лица от общества, применяемой в виде меры пресечения в уголовном процессе, — вне зависимости от того, на какой его стадии принимаются решения о ее применении, — должно обеспечиваться судебным контролем и другими правовыми гарантиями справедливости и соразмерности такого ограничения, с тем чтобы данный вопрос не мог решаться произвольно или исходя из одних лишь формальных условий, а суд основывался на самостоятельной оценке существенных для соответствующих решений обстоятельств, соблюдая баланс публичных интересов правосудия, прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. При этом конкретные границы контролируемых судом сроков содержания под стражей непосредственно Конституцией Российской Федерации не устанавливаются и не являются обязательным условием обеспечения права на свободу и личную неприкосновенность и его судебной защиты, а определяются законодателем с учетом их разумности, обусловленной недопустимостью возложения на подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления обременений на неопределенное или слишком долгое время, и принимаемая во внимание требования эффективности реализации публичных функций и процессуальной экономии (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2015 года № 23-П).

3. Конкретизируя положения Конституции Российской Федерации применительно к такой мере пресечения, как заключение под стражу, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации определяет единые для всего уголовного судопроизводства нормативные основания применения этой меры и подлежащие учету при ее избрании обстоятельства (статьи 97, 99, 100 и 108), устанавливает сроки содержания под стражей и порядок их продления в досудебном производстве (статья 109), а также закрепляет обязанность суда, прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя немедленно освободить всякого незаконно задержанного, или лишенного свободы, или содержащегося под стражей свыше срока, предусмотренного данным Кодексом (часть вторая статьи 10).

Согласно статье 109 УПК Российской Федерации содержание под стражей при расследовании преступлений не может превышать 2 месяца (часть первая); при невозможности закончить предварительное следствие в указанный срок он может быть продлен до 6 месяцев; дальнейшее продление срока до 12 месяцев допускается в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, только в случаях особой сложности уголовного дела (часть вторая), а в исключительных случаях в отношении лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений, — до 18 месяцев (часть третья). Таким образом, продолжительность содержания под стражей на досудебной стадии производства по уголовным делам имеет строго фиксированные ограничения, за пределами которых дальнейшее продление пребывания под стражей, по общему правилу, не допускается, чем предопределяется обязательность немедленного освобождения содержащегося под стражей обвиняемого (часть четвертая статьи 109 УПК Российской Федерации).

Вместе с тем часть третья статьи 217 УПК Российской Федерации, регламентирующей процедуру ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела после производства по нему всех следственных действий, не допускает ограничение этих лиц во времени, необходимом им для такого ознакомления, кроме случая, когда обвиняемый и его защитник, приступившие к ознакомлению с материалами уголовного дела, явно затягивают время ознакомления и когда решение об окончании производства данного процессуального действия следователь вправе принять, если обвиняемый и его защитник не ознакомились с материалами уголов-

ного дела в установленный судом срок без уважительных причин (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2012 года № 1454-О). Указанное законоположение корреспондирует статье 24 (часть 2) Конституции Российской Федерации, обязывающей органы государственной власти и их должностных лиц обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом, а также статье 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, закрепляющей право каждого обвиняемого в совершении преступления иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты (подпункт «b» пункта 3 статьи 6).

С учетом этого предусматривается возможность продления срока содержания под стражей сверх установленных частями второй и третьей статьи 109 УПК Российской Федерации предельных сроков до момента завершения ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами окончательного расследования уголовного дела и направления прокурором уголовного дела в суд — для случаев, когда данные материалы были предъявлены обвиняемому, содержащемуся под стражей, и его защитнику не позднее чем за 30 суток до окончания таких предельных сроков, однако для ознакомления с ними этого времени оказалось недостаточно. Если же в производстве по уголовному делу участвует несколько обвиняемых, содержащихся под стражей, и хотя бы одному из них 30 суток оказалось недостаточно для ознакомления с материалами уголовного дела, то следователь с согласия руководителя следственного органа по субъекту Российской Федерации или приравненного к нему руководителя иного следственного органа вправе не позднее чем за 7 суток до истечения предельного срока содержания под стражей возбудить ходатайство о продлении этого срока перед соответствующим судом и в отношении того обвиняемого или тех обвиняемых, которые ознакомились с материалами уголовного дела, если не отпала необходимость в применении к нему или к ним заключения под стражу и отсутствуют основания для избрания иной меры пресечения (части пятая и седьмая статьи 109 УПК Российской Федерации). Судья не позднее чем через 5 суток со дня получения ходатайства следователя принимает в установленном порядке решение либо о продлении срока содержания под стражей до момента окончания ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела, если таковое не может быть завершено в течение 30 суток, либо об отказе в удовлетворении ходатайства и освобождении обвиняемого из-под стражи (часть восьмая статьи 109 УПК Российской Федерации).

По смыслу приведенных законоположений, предельный срок пребывания обвиняемого под стражей на досудебной стадии производства по уголовным делам может быть продлен в связи с необходимостью обеспечения обвиняемому достаточного времени для завершения ознакомления с материалами дела по окончании предварительного расследования, притом что для решения вопроса о таком продлении на данном этапе движения уголовного дела требуется установление судом с участием заинтересованных сторон правовых и фактических обстоятельств, подтверждающих наличие как общих нормативных оснований для применения мер пресечения, предусмотренных статьями 97 и 99 УПК Российской Федерации, так и закрепленных в статьях 108 и 109 данного Кодекса специальных условий дальнейшего продления содержания под стражей как в пределах определенного законом максимального срока, так и с его превышением. Данный вывод неоднократно подтверждался решениями Конституционного Суда Российской Федерации с констатацией того, что права граждан не нарушаются законоположениями, которые не устанавливают конкретную продолжитель-

ность срока содержания обвиняемого под стражей в период его ознакомления с материалами уголовного дела, допуская возможность определения этого срока в зависимости от обстоятельств дела (определения от 6 июня 2003 года № 184-О, от 15 июля 2003 года № 308-О, от 23 апреля 2013 года № 548-О, от 22 апреля 2014 года № 877-О, от 7 октября 2014 года № 2162-О, от 23 июня 2015 года № 1519-О и др.).

В свою очередь, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 19 декабря 2013 года № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» разъяснил, что при рассмотрении ходатайства о продлении срока содержания под стражей в период ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела по окончании предварительного следствия суду следует проверять обоснованность доводов органов предварительного расследования о невозможности своевременного ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами дела по объективным причинам, выяснять, по каким причинам эти лица не ознакомились с материалами дела в полном объеме, устанавливать, не является ли данное обстоятельство результатом неэффективной организации процесса ознакомления с материалами дела и не связано ли оно с явным затягиванием времени обвиняемым и его защитником, а также соблюдена ли предусмотренная частью третьей статьи 217 УПК Российской Федерации процедура ознакомления с материалами дела; при этом необходимость ознакомления с материалами дела не может быть единственным и достаточным основанием для продления срока содержания под стражей как в отношении обвиняемого, не ознакомившегося с такими материалами, так и в отношении других обвиняемых по делу, полностью ознакомившихся с ними; каждое решение суда о продлении срока содержания обвиняемого под стражей должно основываться не одними лишь ссылками на продолжающееся ознакомление обвиняемого и его защитника с материалами дела, а фактическими данными, подтверждающими необходимость сохранения этой меры пресечения (пункт 23).

Названные положения статей 109 и 217 УПК Российской Федерации, связывающие возможность превышения установленного законом предельного срока содержания под стражей на досудебной стадии с частными интересами обвиняемого и его защитника, которым – при отсутствии оснований для изменения или отмены данной меры пресечения – оставшегося до истечения предельного срока содержания под стражей времени оказалось недостаточно для ознакомления с материалами уголовного дела, преследуют также публично-правовые интересы, заключающиеся помимо прочего в обязанности государства обеспечить посредством правосудия защиту конституционно значимых ценностей, и в этом смысле не могут расцениваться как нарушающие чьи-либо права.

3.1. Регулируя порядок окончания предварительного следствия с обвинительным заключением, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации предусматривает в частях первой и второй статьи 219 возможность в ходе ознакомления с материалами завершеного расследования дополнить материалы уголовного дела лишь в случае удовлетворения соответствующего ходатайства, заявленного одним из участников производства по данному делу (что не препятствует продолжению ознакомления с материалами дела другими участниками), а также содержит адресованное следователю требование по окончании производства дополнительных следственных действий уведомить об этом участников процесса и предоставить им возможность ознакомления с полученными материалами. Приведенные

нормы, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, не предполагают произвольное дополнение материалов уголовного дела, ознакомление обвиняемого и его защитника с такими материалами в неполном объеме и не имеют предметом регулирования сроки содержания под стражей, основания и порядок их продления (определения от 16 июля 2009 года № 979-О-О, от 25 февраля 2013 года № 184-О, от 24 октября 2013 года № 1602-О, от 22 апреля 2014 года № 878-О и от 23 июня 2015 года № 1519-О).

В данном случае участники процесса уведомляются о том, что, согласно позиции стороны обвинения, все необходимые следственные действия произведены, а собранные доказательства достаточны для составления обвинительного заключения (части первая и вторая статьи 215 УПК Российской Федерации). Дополнительные же следственные действия, осуществляемые на этом этапе в период срока содержания обвиняемого под стражей, определенного судом сверх установленного законом предела, являются частью обеспечивающей разрешение ходатайства о дополнении материалов оконченного расследованием уголовного дела процедуры, не тождественной по своей правовой природе возобновлению предварительного расследования, которое, по смыслу части шестой статьи 162, статей 211, 214 и пункта 2 части первой статьи 221 УПК Российской Федерации, применяется к производству по ранее приостановленным или прекращенным делам, а также при возвращении прокурором поступившего с обвинительным заключением уголовного дела для производства дополнительного следствия.

Не допуская продления срока содержания обвиняемого под стражей сверх его предельной продолжительности на завершающем этапе предварительного расследования перед направлением уголовного дела с обвинительным заключением прокурору, статья 109 УПК Российской Федерации делает исключение для незавершенного ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами оконченного расследованием дела, которое — при условии их заблаговременного предъявления после окончания предварительного следствия — возможно и после того, как предельные сроки содержания под стражей исчерпаны. При этом нормы уголовно-процессуального законодательства, предусматривающие исключения из установленных им общих правил, не подлежат расширительному истолкованию (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 17 октября 2006 года № 418-О и № 420-О, от 25 декабря 2008 года № 962-О-О, от 23 июня 2009 года № 895-О-О, от 19 октября 2010 года № 1412-О-О, от 18 октября 2012 года № 1907-О, от 2 июля 2015 года № 1541-О и др.).

Поскольку же продление содержания обвиняемого под стражей по истечении его предельного срока на период ознакомления с материалами уголовного дела — в том числе с вновь полученными в рамках данного этапа в связи с реализацией участником процесса права на заявление соответствующего ходатайства и проведением необходимых для его удовлетворения дополнительных следственных и иных процессуальных действий — возможно в силу прямого указания части седьмой статьи 109 УПК Российской Федерации лишь при исчерпании лимита времени, оказавшегося недостаточным для ознакомления обвиняемого и его защитника с заблаговременно предъявленными после окончания предварительного следствия материалами, постольку именно первоначальная дата их предъявления и должна учитываться при продлении срока содержания обвиняемого под стражей сверх его предельной продолжительности. Иное — повторное исчисление установленного частью пятой статьи 109 УПК Российской Федерации срока (т. е. повторное применение предусмотренного этой нормой условия) с момента предъявления обвиняемому и его защитнику материалов дела, полученных

после возобновления по инициативе следователя производства следственных и иных процессуальных действий на этапе ознакомления с материалами оконченного расследованием уголовного дела, когда предельный срок содержания под стражей, закрепленный частями второй и третьей той же статьи, был уже превышен при первоначальном применении предусмотренного ее частями пятой, седьмой и восьмой механизма продления этого срока, — влекло бы нарушение требований частей девятой, десятой и двенадцатой статьи 109 УПК Российской Федерации, согласно которым в срок содержания обвиняемого под стражей включается все время, проведенное им под стражей ранее, а потому нарушало бы запрет произвольного содержания под стражей, не соответствующего статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации и пункту 1 статьи 9 Международного пакта о гражданских и политических правах, формулирующим условия правомерного ограничения права на свободу.

3.2. Обращаясь к вопросу о конституционности положений частей третьей — седьмой статьи 109 УПК Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации признал их в Постановлении от 16 июля 2015 года № 23-П не противоречащими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они — по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования, в том числе в нормативной связи с положениями статьи 237 УПК Российской Федерации и положениями статей 6¹ и 217 данного Кодекса, — предполагают, что при возвращении уголовного дела прокурору продление срока содержания обвиняемого под стражей, превышающего предусмотренный для стадии предварительного расследования предельный срок содержания под стражей, допускается лишь при сохранении оснований и условий применения данной меры пресечения, для обеспечения исполнения приговора и на устанавливаемый судом разумный срок, определяемый с учетом существа обстоятельств, препятствующих рассмотрению уголовного дела судом, и времени, необходимого для их устранения и обеспечения права обвиняемого на ознакомление с материалами уголовного дела, а также не исключают возможность применения предусмотренных законом средств компенсаторного характера в случае несоразмерно длительного содержания под стражей при обстоятельствах, связанных с необходимостью устранения препятствий рассмотрения уголовного дела судом.

Поскольку судебные гарантии свободы и личной неприкосновенности не могут сокращаться или приостанавливаться в зависимости от того, на каком этапе уголовного судопроизводства принимается решение о содержании под стражей в качестве меры пресечения, приведенная правовая позиция может быть применима *mutatis mutandis* и к отношениям, складывающимся в период ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела после окончания предварительного следствия по данному делу и перед направлением его с обвинительным заключением прокурору.

Соответственно, оспариваемые заявителем положения частей пятой, шестой и седьмой статьи 109 УПК Российской Федерации в системе действующего правового регулирования, в том числе в нормативной связи с положениями статей 6¹, 217 и 219 данного Кодекса, предполагают, что при ознакомлении обвиняемого и его защитника с материалами оконченного расследованием уголовного дела продление срока содержания обвиняемого под стражей, превышающего предусмотренный для стадии предварительного расследования предельный срок содержания под стражей, допускается лишь при сохранении оснований и условий применения данной меры пресечения и на устанавливаемый судом разумный срок, определяемый с учетом необходимости обеспечения права обвиняемого на ознакомление по

окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела как лично, так и с помощью защитника и права иметь достаточное время и возможность для подготовки к защите (часть третья и пункт 12 части четвертой статьи 47 УПК Российской Федерации), существа заявленных участниками производства по уголовному делу ходатайств о дополнении материалов уголовного дела, времени, необходимого для их рассмотрения, разрешения и ознакомления с вновь приобщенными к делу материалами, а также не исключают возможность применения предусмотренных законом средств компенсаторного характера в случае несоразмерно длительного содержания под стражей при обстоятельствах, связанных с осуществлением процедуры ознакомления с материалами окончательного расследованием уголовного дела.

Таким образом, принимая во внимание ранее сформулированные Конституционным Судом Российской Федерации правовые позиции, нет оснований для вывода о том, что оспариваемые М. Н. Максимовым законоположения, применяемые в системе действующего правового регулирования, содержат неопределенность, обуславливающую произвольное, не контролируемое судом и несоразмерное продление сроков содержания под стражей, а потому эти нормы не могут расцениваться как нарушающие конституционные права заявителя в обозначенном им аспекте. Установление же обстоятельств, которые могли бы свидетельствовать о допущенных на этапе ознакомления заявителя и его защитника с материалами окончательного расследования уголовного дела нарушениях, касающихся проведения следователем в инициативном порядке следственных и иных процессуальных действий на данном этапе, а также проверка законности и обоснованности состоявшихся в связи с этим судебных решений, к чему, по сути, сводятся доводы жалобы М. Н. Максимова, к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации, закрепленной в статье 125 Конституции Российской Федерации и статье 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», не относятся.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Признать жалобу гражданина Максимова Максима Николаевича не подлежащей дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявителем вопроса не требуется вынесение предусмотренного статьей 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».